Эдуард Шарапов

СУДОПЛАТОВ ПРОТИВ КАНАРИСА

СЕКРЕТЫ БЕЗ ГРИФА «СЕКРЕТНО»

www.litru.ru

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Комиссар государственной безопасности Павел Судоплатов и адмирал Вильгельм Канарис сошлись в драматическом поединке на незримом фронте Второй мировой войны. Сотни людей оказались статистами в отчаянной игре, затеянной советской разведкой. Десятки тысяч немецких солдат стали жертвами этой игры.

Правда о настоящих шпионах в книге Эдуарда Шарапова «Судоплатов против Канариса».

- Эдуард Шарапов
  - Часть I
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
    - Глава десятая
    - Глава одиннадцатая
  - Часть II
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
  - Часть III
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
  - Приложение 1
  - Приложение 2
  - Приложение 3
  - Приложение 4

- Приложение 5
- Приложение 6
- Приложение 7
- СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39

- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83

- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103

Эдуард Шарапов
СУДОПЛАТОВ ПРОТИВ КАНАРИСА

Посвящаю моему отцу и всем чекистам — участникам Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Часть I
ОПЕРАТИВНАЯ ИГРА «МОНАСТЫРЬ»

Глава первая
РЕКА ВРЕМЕНИ

Солнце стояло уже в самом зените, когда всадник подъехал к Дону и спустился по отлогому берегу. Освобожденный от седла, конь вошел в реку и, фыркнув, припал к воде. Всадник подождал, пока он напьется, снял с него уздечку и пустил на свободный выгул. А сам отнес седло в тень от большого ивового куста, отвязал походную сумку, вынул кружку и, сняв сапоги, пошел к Дону. Речная вода приятно холодила уставшие ноги. Напившись, всадник вернулся в тень, расстелил бурку, лег, положил голову на седло и задумался.

Шел сентябрь 1914 года. Месяц назад Германия объявила России войну. Как изменилось все за этот короткий срок. Мирная столичная жизнь с ее пышными придворными праздниками и тихими семейными вечерами осталась далеко позади. Странно, но именно война вернула его к родному и, как казалось, давно забытому запаху степной полынной травы. И эта вечная река, и мирно щиплющий траву конь напомнили Петру Демьянову о многом.

Вот так же в эту реку когда-то входил дед, а потом и отец. Но в эту ли воду? Давно утекла та вода. Река всегда разная, и все же это — Дон, и Петр не променял бы его ни на какую другую реку в мире. Откуда возникает это чувство? Почему именно эта река, наполненная в каждую секунду своей жизни другой, новой водой, вобравшая в себя силу сотен маленьких ручьев, родников, речушек, так волнует его? Почему, глядя на воды Дона, чувствовал он единение со своими предками? Каждая капля этой реки зачем-то существует, у каждой своя судьба. Одной суждено впитаться в кожу его буланого, другой — утолить жажду Петра, третьей — испариться и дождем пролиться на землю, четвертой — доплыть до конца и стать частью огромного и великого моря. Так и Россия. Она впитала в себя культуру больших и малых народов. Каждый раз новая, как из отдельных капель состоящая из отдельных людей, проживающих свою отдельную жизнь, она объединила их общим потоком, управляемым только богом. Течет российская история, натыкаясь на мели и перекаты, переживая войны, как водовороты, на своем пути. Меняются цари, эпохи, полководцы — как вода в реке. Но все же Дон остается Доном, а Россия — Россией.

Совсем недавно вольно текла мирная жизнь, все шло своим чередом, и вдруг хаос войны разрушил этот мир, затянул людей в

бессмысленный водоворот смертей. Прежние ориентиры сразу же потерялись, как будто одним движением руки кто-то порвал непрочную нить. В роду Петра каждое поколение попало в эти водовороты, никого не миновала война. Вся семья принадлежала к известному дворянскому роду, и мужчины всегда служили в казачьих частях. Вот и сейчас младший брат воевал где-то на Северном Кавказе. А дед, Антон Головатый, верой и правдой служил царю и стал первым запорожским атаманом, получившим чин полковника. (В городе Темрюке на Тамани деду установили памятник. Петру всегда казалось неправдоподобным, что этот лихой казак в папахе с обнаженной шашкой в руке — его дед, о котором он так много слышал от отца. А еще удивляло, что дед стоит в центре города суровый, без коня, словно вышел погулять и остановился. Каков же казак, да еще атаман, полковник, без коня?) Но выжил же его род, не захирел! Теперь Петру самому предстояло с честью вынести испытание за Россию, вместе с Россией. Пережить все и снова вернуться к размеренным, пестрым питерским будням.

Петр потянулся. С удовольствием размял затекшие от долгого сидения в седле ноги. Тень от ивы все росла. Она уже скрывала коня, который совсем близко подошел к своему хозяину. Сон постепенно овладел Петром. Ему приснились жена Маша и сын Александр. Жена стояла молча и держала под уздцы буланого, а сын был рядом с матерью — такой маленький, по колено коню. «Сашок», — прошептал сквозь сон Петр, а сын улыбнулся отцу по-детски открыто.

Петр проснулся. На душе стало легко. Подумал: «Вот наследник наверняка будет хорошим казаком». Ему нет еще и пяти лет, а он так страстно любит лошадей. Готов даже спать с ними на конюшне. Зов крови, что ли? Память высветила, как они с Сашком ездили на ипподром, когда там проходили скачки, организованные Императорским Петроградским обществом поощрения рысистого коневодства. Петр хорошо помнил, с каким интересом сын смотрел на лошадей и с какой завистью — на наездников. А когда скачки выиграл конь вороной масти по кличке Роковой, восторгу мальчика не было предела. Он потащил отца на конюшню, где Петр долго и подробно объяснял тонкости науки коневодства, показал и наездника, который выиграл на Роковом приз имени Леонида Дмитриевича Вяземского и за это получил большую сумму — 2 тысячи рублей. Но сынишку все это мало интересовало. Он неотрывно смотрел на большого красивого коня, бока которого были мокрыми. А когда Петр сказал сыну, что он и конь — ровесники, Роковой родился, так же как и Саша, в 1910 году, тот заинтересованно спросил: «Как же

так? Он такой большой, а я совсем маленький?» В ответ отец только улыбнулся.

«Как это недавно было. Только четыре года назад. А кажется, прошла целая вечность. Каким все тогда казалось безмятежным…»

Мысли Петра прервал буланый жеребец, тихим ржанием напоминая хозяину, что пора в дорогу. Нужно было перебраться на другой берег Дона и догонять свою воинскую часть. Есаул Демьянов нехотя поднялся. Быстро оседлал коня, легко вскочил в седло и мелкой рысью поскакал вдоль левого берега Дона.

В Первой мировой войне в конце сентября 1914 года — начале 1915 года для России произошел некоторый перелом. 15 (28) сентября — 26.10 (8.11) 1914 года Русская армия одержала победу, а противник потерпел крупное поражение. 9 (22) марта 1915 года капитулировала австрийская крепость Перемышль (русское название города Пшемысль), окруженная русскими войсками. В ходе сражения было взято в плен 120 тысяч солдат, захвачено 900 орудий.

Однако, несмотря на ряд побед, весной 1915 года силы центральных держав на Западном фронте были вынуждены оставить Галицию, Польшу, часть Прибалтики.

В связи с войной общественная жизнь в столице резко изменилась. В городе не было особенно заметно внешних примет военного времени, за исключением эшелонов с войсками, время от времени уходящих на фронт, и поездов с ранеными, прибывавших с фронта. Но даже респектабельный аристократический журнал «Столица и усадьба» с подзаголовком «журнал красивой жизни», первый номер которого был выпущен в свет его редактором и издателем Владимиром Крымовым почти за год до войны — 15 декабря 1913 года, не смог остаться в стороне от трагических событий. Рядом с новостями столичной жизни и рекламными объявлениями, описаниями и фотографиями княжеских и графских усадеб в январе 1916 года появилось обращение к гражданам России: «Военный заем. Второй выпуск. 1916 год.

Мы посылаем на фронт в окопы миллионы наших родных и близких.

Можем ли допустить, чтобы они, хотя бы на короткое время, испытывали недостаток в продовольствии, теплой одежде, патронах, снарядах?

А между тем изготовление всего этого требует громадных средств, и дать их могут только те, кто остался дома.

Пусть же они поспешат обратить в бумаги военного займа свои сбережения, которые так нужны для удовлетворения

потребностей наших героев-защитников!»

Обращение не осталось незамеченным. Но еще задолго до этого по всей стране возникло патриотическое женское движение. Оно было стихийным. Никто не обращался к женщинам с просьбой о помощи, но желание пережить тяжелые времена вместе со своим народом, быть причастными к общей беде заставляло аристократок принимать активное участие в судьбе страны. Княгиня Зоя Николаевна Голицына, графиня Матрена Ивановна Витте, княгиня Ольга Николаевна Гейдройц, графиня Елизавета Владимировна Шувалова, супруга начальника штаба Верховного главнокомандования Анна Николаевна Алексеева, супруга черниговского вице-губернатора Ольга Афиногеновна Матвеева оказывали помощь раненым и пострадавшим от войны. В лазарете лейб-гвардии Преображенского полка медицинскими сестрами работали княгиня А.А. Черкасская и графини Лейхтенбергские. Княгиня В.Н. Магалова (урожденная Башкирова) организовала в Петрограде собственный лазарет. Княгиня Татьяна Федоровна Шаховская ездила на фронт с первым санитарным отрядом Красного Креста имени его Императорского Величества великого князя Николая Николаевича сестрой милосердия. В Тверском императорском дворце Петрограда женщины столицы организовали мастерскую Красного Креста, где шили белье и другие необходимые вещи для раненых. Знаменитая великосветская певица, исполнительница западных романсов Л.Д. Берне организовала в Петрограде ряд концертов в пользу раненых.

* * *

По булыжному тракту из Сосновки (имения генерала Чернова) в сторону Петрограда по правому берегу Невы медленно двигалась карета, запряженная четверкой лошадей. Сам генерал сидел в карете в обществе двух молодых симпатичных фрейлин императрицы Александры Федоровны — Ольги Николаевны Хвостовой и Марии Николаевны Демьяновой (урожденная Кульнева). Они мирно беседовали, обсуждая экспозицию очередной XXIII выставки Петроградского общества художников, открывшейся в конце декабря 1915 года. Выставка размещалась в одном из домов, принадлежавших графу Витте, с женой которого, Матреной Ивановной, обе фрейлины учились в Смольном институте благородных девиц[1].

После посещения выставки генерал настоял на ужине в Сосновке. И теперь, возвращаясь, они обсуждали увиденное

накануне. Мария Николаевна почти не участвовала в разговоре, задумчиво глядя то на дорогу, то на Неву. Ольга Николаевна, напротив, была оживлена и с восторгом отзывалась о работах Бенуа:

— Он, конечно, романтик и пребывает в оппозиции к современности, от его картин веет стариной, а сюжеты для них художник черпает в XVIII и раннем XIX веке. Но образы прошлого в картинах Бенуа впечатляют достоверностью, а иногда он иллюстрирует и исторические анекдоты. Вы только вспомните картину «Парад при Павле I»! Это же чудо что такое! А иллюстрации к «Пиковой даме» и «Медному всаднику» А.С. Пушкина?.. Да он же реформирует русскую книжную графику!

— Ваша девичья восторженность не может не тронуть, милая Ольга Николаевна, но мне больше понравились шаржи Дени, — генерал усмехнулся. — Как он изобразил Репина, окруженного красками, приготовленными для работы. Сам Шаляпин оценил эту работу по достоинству. Вы видели надпись, которую сделал Шаляпин Федор Иванов на своей карикатуре?

— О да. Там было написано что-то вроде: «Браво, браво, милый Дени. Как быстро и как ловко это сделано».

— Верно. Слово в слово. И действительно, невозможно не восхититься так быстро схваченными характерными особенностями образа великого певца.

— Да, но все-таки немного зло. Неужели вас трогает только сатирическое портретное искусство?

— Почему же? Мне безумно нравятся женские портреты. А не правда ли, женщины, изображенные на картине Владимира Измаиловича Граве «Силуэт» и «Портрет госпожи Смородской», очень напоминают Марию Николаевну? — он внимательно посмотрел на сидевшую рядом Машу. — Тот же четкий и ровный профиль, полные губы, даже прическа и та похожа.

Ольга Николаевна на это ничего не ответила, а Мария улыбнулась генералу мягкой и очень грустной улыбкой. Ему вдруг стало неловко за столь неуместное сравнение. «Откуда такая печаль и такая недетская мудрость в этих девичьих глазах?» — подумал генерал.

Карета мерно постукивала колесами о камни Шлиссельбургского тракта и мягко покачивалась на рессорах. Повисла неловкая пауза. Ольга, очень любившая Машу, понимала, как ей тяжело после смерти мужа. Чтобы как-то сгладить неловкость, она сказала:

— Генерал, а вы были в Мариинском театре на прощальном бенефисе Вагановой?

— Да, — задумчиво произнес Чернов, — жаль, что Агриппина

Яковлевна уходит со сцены. Прекрасная балерина! Я помню, как она блистала в годы своей юности. Но возраст, ничего не поделаешь, — заключил он.

— А помнишь, Маша, как княгиня Евгения Алексеевна Голицына, когда в Смольном институте должен был состояться очередной бал, все время напоминала нам, что такое танцы?

Машино лицо осталось серьезным, но глаза заблестели.

— Танцы — это приятная веселость, когда ее употребляют со скромностью и нравственностью, — процитировала она.

И обе звонко рассмеялись. Но сразу же глаза Марии Николаевны погасли, и она опять задумалась, ее мысли витали далеко отсюда. Ей вспомнилось, как однажды Петр предложил принять участие в коллективной псовой парфорской охоте в Красном Селе.

Такую охоту устраивала офицерская кавалерийская школа, в которой одно время учился муж Марии Николаевны. Он и раньше приглашал ее на охоту, но ее пугали звуки выстрелов, а главное, ей было жаль убитых животных. А тут она согласилась. Ей вдруг захотелось понять, что же так привлекало Петра в столь кровавой забаве.

— Парфорская охота, — объяснял Петр, — это охота с поволоком. Зверя заманивают куском сырого мяса, пропитанного лисьим пометом, или куском приготовленной таким же образом губки, взятым в прочную сетку, которую выехавший перед началом охоты верховой волочит за собой на длинной веревке по заранее намеченному маршруту.

— Но это же суррогат настоящей охоты! — возмутилась Маша.

— Да, — согласился Петр, — но у этого вида охоты есть одно преимущество: кавалькада охотников не топчет посевы крестьян.

Утро было морозное. Более пятидесяти мужчин и женщин, все верхом на лошадях, собрались на большой поляне за Красным Селом. Маша не заметила, кто дал сигнал к началу охоты, но вдруг затрубил рожок, нетерпеливо залаяли собаки, и всадники пришпорили лошадей. Маша тоже пришпорила жеребца и посмотрела на мужа: Петр — раскрасневшийся, с горящими от волнения глазами — был абсолютно не похож на того доброго, домашнего Петю, каким она привыкла его видеть. Но через минуту она забыла о муже. Какое-то первобытное, неведомое доселе чувство охватило ее. Казалось, что она и конь слились, превратившись в единое существо, несшееся навстречу ветру и грядущей опасности. Все закончилось так же внезапно, как и началось. Жертву освежевали, и охотники разъехались по домам. Карета генерала Чернова проехала мимо Каменноостровского

летнего театра, в здании которого часто выступал императорский Михайловский театр и давал концерты Императорский Великорусский оркестр под руководством основателя В.В. Андреева.

Въехали в город. Когда проследовали мимо дома князя Юсупова на Мойке, дамы попросили остановить карету, чтобы пешком пройти на Невский и зайти в магазин товарищества А.М. Остроумова. Фрейлины, любезно поблагодарив генерала Чернова за прекрасный вечер в Сосновке и гостеприимство, распрощались. Карета двинулась в сторону Невы и растаяла в дымке.

* * *

Наступил 1917 год — год двух революций: Февральской и Октябрьской, заставивших многих аристократов и представителей русской интеллигенции покинуть Россию. Финляндский вокзал в Петрограде. Среди отъезжающих и Мария Николаевна Демьянова. Ее провожают генерал от кавалерии Бобылев в штатском и его жена, по иронии судьбы тезка Демьяновой — Мария Николаевна. Сам генерал был когда-то начальником мужа Демьяновой, и после его смерти семья Бобылевых не раз помогала Маше.

— Мария Николаевна, — Бобылев поцеловал ей руку, — вы правильно делаете, что едете в Анапу.

— Не знаю, генерал.

— Тс-с-с, тише, — Бобылев нервно оглянулся и тихо добавил: — Сейчас не то время, чтобы вспоминать наши титулы вслух. Я думаю, что младший брат Петра вам обязательно поможет.

— Я только на это и надеюсь.

— А где Александр?

— Он уже с няней в вагоне.

— Когда увидимся, теперь неизвестно. И увидимся ли вообще, — вздохнула Бобылева, целуя Машу. — Не мучьте себя, родная, и ваш муж одобрил бы это решение.

— Не знаю, не знаю, — Маша обняла Марию Николаевну, потом подала Бобылеву руку: — Спасибо вам за все.

Бобылев наклонился и, отвернув край перчатки, еще раз поцеловал Маше руку.

Паровоз пустил пары, вагоны медленно сдвинулись. Маша Демьянова уже на ходу поднялась в вагон и долго махала платком друзьям, оставшимся на перроне.

Только на пятые сутки они с няней и маленьким сыном добрались до станции Тоннельная, от которой до Анапы оставалось 33 километра. На станции их никто не встречал. До

города пришлось добираться на извозчике. Брат мужа принял их приветливо, но во всем его поведении чувствовалась какая-то напряженность. Большой дом в маленькой Анапе, которая только в 1846 году стала городом, постоянно посещали военные. Маша не сразу догадалась о причине нервозности деверя: полковник Демьянов был начальником контрразведки Белой армии на Северном Кавказе. Красные теснили белых, передовые разъезды противника в начале мая 1918 года были замечены около города, что и служило поводом для нервозности. В городе ходили слухи о зверствах красных, один страшнее другого. Маша не отпускала сына далеко от дома. Она уже не один раз пожалела, что уехала из Петрограда. Обитатели большого дома в Анапе вздрагивали от каждого шороха, от каждого стука в дверь. Мария Николаевна была почти уверена: останься она с сыном в Петрограде, их красные не тронули бы. А теперь… В такой нервной обстановке они прожили почти два года.

14 августа 1920 года под командованием белого генерала С.Г. Улагая был высажен морской десант на Таманском полуострове и под Новороссийском, но 7 сентября десант разгромили войска Кавказского фронта под командованием В.М. Гиттиса. В Анапу вошли части Красной Армии. Деверя в его доме арестовали чекисты, этапировав затем из Анапы в Москву, но по дороге он заболел тифом и умер. Оставшись одна с десятилетним сыном в чужом городе, Мария Николаевна не знала, что делать. Друзья деверя и люди, знавшие Петра, предлагали эмигрировать во Францию или в Германию. Они приходили в дом крадучись, говорили шепотом, поэтому их слова не убеждали.

— Поймите, — говорили они, — в России жить невозможно, тем более вам с вашим образованием и дворянским происхождением. Пожалейте сына, что будет с ним?!

Конечно, она в первую очередь думала о Саше, о его будущем. А еще о том, как бы поступил Петя. Ей вспоминались слова, которые он сказал ей перед смертью:

— Маша, я умираю за Россию.

Два последних года, проведенные в Анапе, прошли в постоянном страхе. Она не хотела больше так жить.

«Эти господа пугают меня красными. Но кто такие красные? — думала Маша. — Ведь это мой народ. Петя отдал жизнь не только за веру и царя, но и за Отечество. Да, не было больше царя и веры поубавилось. Но Отечество-то, а стало быть, и народ остались». И она решила вернуться в Петроград.

* * *

Маша стояла у окна. Поезд медленно вливался в русло Финляндского вокзала, того самого, с которого она уезжала более двух лет назад, думая, что навсегда. Волнение охватило ее, но привычная вокзальная сутолока, поиски носильщика и извозчика успокоили. Сидя в пролетке и видя, с какой радостью Саша вдыхает сырой воздух Питера, она успокоилась окончательно, твердо сказав себе: «Правильно я сделала, что вернулась. Дома и стены помогают. А там будь что будет!» Приехав домой, Маша обнаружила, что в их шестикомнатной квартире живут чужие люди да еще размещается какое-то учреждение. Им досталась одна (правда, самая большая) комната. Надо было искать работу. Мария Николаевна очень надеялась на знание иностранных языков, но за переводы платили мало и нерегулярно, устроиться еще куда-нибудь со знанием иностранных языков она не могла. Видимо, время не располагало к изучению языков. Мария Николаевна выучилась печатать на машинке. Эта работа по крайней мере давала возможность прокормиться. Им с Сашей жилось нелегко, но все-таки жили. Не было топлива и продовольствия, не работал транспорт. В 1921 году небывалая засуха превратила богатейшую житницу России — Поволжье — в пустыню. Рядом с голодом шла страшная его спутница — холера, уничтожавшая жизни тысяч крестьян и рабочих. Но каким бы тяжелым ни было время, жизнь все же брала свое.

Сын рос и с каждым днем становился все более интересным собеседником. Вечера напролет они вдвоем гуляли по Питеру, который с 1924 года носил имя Ленина. Мать читала сыну отрывки из «Медного всадника», рассказывала об отце, о том, как любили они вдвоем гулять в Летнем саду, о приемах у императора Николая II… Александр все жадно впитывал и никак не мог себе представить, что этот серый и нищий город был когда-то одной из величайших столиц мира.

Однажды, когда Мария Николаевна с сыном гуляли по набережной, Саша вдруг спросил:

— Я вот все время думаю, как им живется здесь, на чужбине, под низким свинцовым питерским небом?

— Кому? — не поняла Мария Николаевна.

— Сфинксам.

— Не знаю, — задумчиво произнесла она, — им ведь более трех тысяч лет. Они видели расцвет Египта. Лежали вот так же величественно, охраняли гробницу какого-нибудь фараона и думали, что делают важное дело. Но то государство восточной деспотии давно погибло, и едва ли кто-то теперь вспомнит имя фараона. А сфинксы волею судьбы оказались здесь.

— Что дано им увидеть: расцвет или закат российской

истории?

Они не знали ответа на этот вопрос. Оба видели, как жизнь постепенно налаживается. Люди устали ненавидеть, им просто хотелось новой жизни, и они строили ее как умели. В институт Сашу не приняли из-за дворянского происхождения, и он пошел работать электромонтажником. Конечно, хорошо, что они с матерью научились сами зарабатывать себе на хлеб. И все-таки Александру казалось, что на научном поприще он мог бы принести большую пользу. И каждый раз, проходя мимо университета и сфинксов, молчаливо хранящих свою великую тайну, он останавливался и молча смотрел на реку. А Нева невозмутимо и безразлично катила мимо свои холодные и мутные воды.

Глава вторая
РОЖДЕНИЕ АГЕНТА «ГЕЙНЕ»

Александр Петрович Демьянов лежал на своем любимом диване и читал Генриха Гейне в переводе Ч.И. Ратгауза:

Я вижу: звезда упала
С крутых огненных высот.
Да, это звезда любого.
Я видел ее полет.
А с яблони падают тихо
Листья и лепестки.
Их дразнят ветры ночные,
Играют ими, легки.
Вот лебедь в пруду запевает
И, выгнувшись белой спиной,
Все тише поет, замолкает
В могиле своей водяной.
Кругом и темно, и тихо.
Осыпался лист и цвет.
Звезда моя сгинула прахом,
И песня лебяжья — ей вслед.

Александр Петрович вообще любил читать, но стихи занимали в его душе особое место. Из немецких поэтов ему больше всего нравились Гейне и Мюллер. Из русских — Блок и Некрасов, а больше всего Пушкин. Он наизусть знал петербургскую поэму «Медный всадник» и много раз цитировал про себя отдельные отрывки из нее:

В непоколебимой вышине.
Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне.

Он также восхищался памятником скульптора Э. Фальконе, увековечившего образ Петра Первого, и любовался им каждый раз, проходя мимо.

Александр сладко потянулся и задумался. За перегородкой мирно спала мать. Комнату он перегородил. Большую часть отдал матери, несмотря на ее протесты, а сам занял меньшую с одним

окном и диваном — он очень любил читать и часто зачитывался далеко за полночь. Сквозь дрему он услышал два звонка в дверь, но не обратил на них никакого внимания. К Демьяновым было четыре звонка, остальные — к соседям.

За дверью послышался громкий топот, зазвучали резкие голоса. В дверь настойчиво постучали.

Быстро натягивая брюки, Александр спросил:

— Кто там?

— Откройте. Комендант.

Демьянов открыл дверь. За спиной коменданта стояли еще три человека в кожаных куртках. Один из них — в бескозырке, с надписью на ленточке «Аврора». Из своей комнаты в наспех накинутом халатике, заспанная и испуганная, появилась мать. Первый вопрос, заданный вошедшими, был предельно вежлив:

— Александр Петрович Демьянов?

— Да. Чем могу служить? — в свою очередь спокойно спросил Александр, а у самого сердце непроизвольно екнуло: «Чекисты…

Старший предъявил свои документы и ордер на обыск.

— Простите, но я ничего не понимаю. Объясните, пожалуйста, в чем, собственно, дело?

— Объяснять будем не мы и не сейчас, а сейчас… пригласите понятых, — и с этими словами старший прошел в глубь комнаты.

Понятыми взяли соседей. У старика соседа, бывшего дворника Демьяновых, было строгое лицо, на котором порой скользила виноватая улыбка, говорящая: «Простите, барыня, но я тут ни при чем». Пришедшая с ним баба, одних лет с Александром, не то его дочь, не то родственница, толстая и неопрятно одетая, постоянно улыбалась и ехидно смотрела на Марию Николаевну. Весь вид ее говорил: «Где муха ни летала, а к пауку попала».

Мать молча села на диван и невольно прикрыла полой халата лежавшую рядом книгу. Старший тут же подскочил к ней:

— Позвольте, гражданочка, — и книга оказалась в его руках. — «Поэты Германии и Австрии XVIII века», — прочел он. — Гёте, Шиллер, Гейне…

Полистав книгу, он пристально посмотрел на Александра и передал сборник человеку в бескозырке.

Старший сел на табурет, поставленный посреди комнаты, закинул ногу на ногу и скомандовал:

— Приступайте.

Матрос и человек в кожанке начали обыск. Они педантично перетряхивали книги, которые так любовно собирал Александр. Некоторые из них сохранились еще от старых времен, но

пришедшим людям вряд ли это было интересно. Александр молча сидел на диване рядом с матерью. Поначалу он пытался что-то сказать, но потом вспомнил свои мытарства по разным учреждениям, где ему всегда безнадежно отказывали, указывая пальцем на графу в анкете, им же заполненную. В графе «социальное происхождение» значилось: из дворян.

«И в самом деле, — старался не распалять себя Александр, — мать — княгиня, окончила Смольный институт. Отец — офицер царской армии, правда, еще в 1915 году убитый, но опять же за царя-батюшку. Почти весь круг бывших знакомых находится в эмиграции и не питает больших симпатий к советской власти. Они звали маму и меня с собой, убеждая в необходимости такого шага, твердя о гибели России. Но нас всегда коробил их непримиримый тон, их враждебность по отношению к большевикам, а сама мысль о жизни на чужбине повергала в уныние. И если уж нам с мамой были неприятны их слова и поступки, то что говорить о людях, поставленных новой властью для защиты ее интересов». И он молча следил, как чекисты рылись в любимых книгах.

— А там кто живет? — спросил старший, показывая рукой на комнату матери.

— Там — мама, — ответил Александр.

Обыск переместился в другую комнату. Ночные гости перетряхнули весь платяной шкаф, обшаривая каждую складку одежды. Вид скудного гардероба заставил чекистов недоуменно пожать плечами. По-видимому, они не ожидали увидеть такое: непростые все-таки люди, дворяне. Переглянувшись, представители новой власти начали перетряхивать постель, на которой спала Мария Николаевна, Тщательно прощупали одеяло и подушки, загнули матрац и увидели скомканную грязную тряпку. Матрос взял тряпку и, не спуская глаз с Александра, медленно начал разворачивать ее. В тряпке, весь в масле, лежал небольшой «браунинг».

Александру показалось, что он видит дурной сон. Он окаменел и не мигая смотрел на чекистов, а те молча смотрели на него. Эту напряженную мизансцену нарушил удивленный голос матери:

— Саша, что это такое?

Старший подчеркнуто вежливо ответил:

— Это, гражданка, как видите, пистолет. Оружие вашего сына, которое он прятал под матрацем вашей кровати.

«Провокация», — мелькнуло в голове у Александра. Он понял, что за этим они и пришли. Вот только когда и как успели подложить пистолет? Конечно же, пока он был на работе. Матери

тоже часто не бывает дома. А для чего, собственно, все это им нужно? Его мозг лихорадочно работал в поисках ответа. Говорить что-либо в свою защиту, оправдываться было бесполезно. Вот только жаль мать. «И почему они приходят обязательно ночью?» — тоскливо подумал он.

— Все ясно, — сказал старший. — Одевайтесь, молодой человек. Вам придется проехать с нами.

Выходя из квартиры, Александр заметил, что мать, тихо произнеся: «Саша», бессильно опустилась на диван и закрыла лицо руками. Он запомнил также грустное, изумленное лицо старого дворника да гадливую ухмылку бабы, пришедшей с ним.

У подъезда дома стояла полуторка с высокими бортами, половина кузова которой была закрыта брезентом. Старший сел в кабину рядом с шофером, а матрос, человек в кожанке и Александр — в кузов. Машина помчалась по ночному городу на Литейный проспект. В проеме кузова, не закрытого брезентом, промелькнул и шпиль Адмиралтейства, Исаакиевский собор и, наконец, так любимый Александром Медный всадник.

Машина с шумом въехала во двор многоэтажного здания НКВД по Ленинградской области, более известного в народе под названием «Большой дом». Железные ворота с гулом закрылись. Саша оказался в каменном мешке. Его со всех сторон окружали мрачные стены с выходящими во двор зарешеченными окнами. В некоторых из них, несмотря на позднее время, горел свет. «А где же всадник с пьедестала? — подумал узник. — Отстал, видимо, бедняга». Человек в кожанке и Александр прошли внутрь здания, мимо охраны и поднялись на лифте на четвертый этаж. Они остановились у двери с табличкой «Старший следователь». Чекист постучал: «Разрешите?» — и пропустил вперед Александра. За столом сидел человек в форме. Увидев входящего Демьянова, он довольно приветливо спросил:

— Александр Петрович Демьянов? Прошу садиться, — и указал рукой на стул возле стола. Одновременно кивком он отпустил «кожаного» человека.

Оставшись один на один с Демьяновым, следователь начал разговор издалека. Он долго и подробно расспрашивал Александра о детстве, проведенном еще при старом режиме в Петербурге, о поездке с матерью в Анапу, о теперешней жизни, о родственниках по линии отца и матери. О страшной находке — пистолете системы «браунинг» не было сказано ни слова. Речь зашла о литературе, и, к удивлению Александра, следователь показал неплохое знание поэзии. Незаметно он перевел разговор на политику. Стал рассказывать Александру, в каком тяжелом положении оказалась молодая республика Советов, окруженная

со всех сторон врагами. Неожиданно следователь нажал на кнопку, вмонтированную в стол. В дверях появился военный в такой же форме, как и следователь, и застыл на пороге.

— Два стакана чая, — произнес следователь, — и покрепче, пожалуйста.

Военный вышел, а следователь продолжал рассказывать о врагах советской власти, среди которых могут быть знакомые и даже родственники Александра. Снова вошел тот же военный, неся поднос, на котором стояли два стакана чая в подстаканниках и маленькая розеточка с мелко наколотым сахаром. Следователь встал, привычным движением поправил туго затянутый ремень, взял один стакан с чаем, а другой пододвинул Александру. Задумчиво помешивая сахар в стакане, он неожиданно спросил:

— А скажите, Александр Петрович, могу я называть вас просто по имени?

— Да, пожалуйста, — смутился Демьянов. Его сбивал с толку тон разговора. Казалось, что он не на допросе у следователя НКВД, а чаевничает с другом в его холостяцкой квартире.

— Скажите, Саша, ведь вполне может быть так, что кто-либо из знакомых вашего отца или матери захочет установить с вами контакт, так сказать, по старой дружбе? Ведь в эмиграции сотни ваших знакомых?

— Ну уж и сотни, — Александр впервые усмехнулся.

— Хорошо, пусть десятки или даже пять человек из бывших знакомых вашей семьи. Но ведь они могут попробовать связаться с вами? — настаивал следователь.

— Могут, конечно, — нехотя согласился Александр.

Он все больше и больше убеждался в том, что пистолет ему подбросили специально для того, чтобы провести эту беседу. Он начинал понимать, что от теперешнего разговора зависит вся его дальнейшая жизнь. Интуиция подсказывала ему, что эта ночь станет переломной в судьбе. Чувство, сродни чувству загнанного охотниками зверя, сжало его сердце. За окном забрезжил рассвет. Следователь прошелся по комнате и остановился у окна. Постоял там несколько минут, вернулся к столу, сел рядом с Александром и, положив ему руку на колено, доверительно спросил:

— Так вы поможете нам?

— В чем, простите?

— В борьбе советской власти с ее врагами, — с раздражением произнес следователь и снова принялся убеждать Александра, что советская власть ничего плохого не сделала ни ему, ни его матери. Он нарисовал красочный образ молодой республики, которая, как мощный локомотив, устремленный вперед, набирает скорость, и принялся доказывать, что Александру необходимо

быть вместе со строителями светлого будущего, основанного на равноправии, а не с теми, кто пытается помешать осуществлению замечательных планов и ставит палки в колеса. Александр молча слушал, опустив голову, и наконец решился:

— А пистолет?

— Что пистолет? — не понял следователь. Затем по его губам пробежала слабая улыбка, и глаза стали хитрыми. — Я же не спрашиваю, откуда у вас пистолет. — Он помолчал и продолжил: — Вы должны понимать, что за хранение оружия несете уголовную ответственность. Вы же умный человек, так ведь? — и он внимательно посмотрел на Демьянова.

Дневной свет настойчиво врывался в комнату. Следователь погасил настольную лампу. Томительная ночь прошла, а Александр все еще размышлял. Как звуковой фон, раздавался монотонный голос следователя, говорившего о новой жизни, возможно, о новой войне, обещавшей быть куда пострашнее той, на которой погиб отец.

«Если я откажусь, придется уезжать из России. Это равносильно гибели, — уговаривал себя Александр. — С другой стороны, в нашем роду всегда сочувственно относились к простому народу. И теперь, когда этот народ строит новую жизнь, может, настало и мое время помочь ему?» На мгновение в голове промелькнула мысль: «Пистолет (застрелиться)…» Но он быстро отогнал ее от себя, как ненужную и опасную.

— Ну так как, Саша? — резко прозвучал голос следователя.

— Я согласен, — почти прошептал Александр, а у самого вихрем пронеслось в голове: «Прав ли я?»

Но капитан, к счастью, не умел читать чужие мысли. Он бодро произнес:

— Отлично. Я почти не сомневался, что мы найдем общий язык. Теперь только формальности — необходимо документально подтвердить нашу договоренность. Он протянул Александру ручку и чистый лист бумаги и, расхаживая по комнате, начал диктовать: «Подписка: я, Демьянов Александр Петрович, добровольно обязуюсь оказывать помощь органам государственной безопасности в борьбе с врагами советской власти. Обо всех известных мне фактах буду сообщать письменно, под псевдонимом…» Следователь замолчал, вопросительно взглянув на Демьянова.

— Каким? — поинтересовался Александр.

— Это на ваш выбор. Можете взять любое имя или фамилию.

. — Обязательно русские? — задумчиво спросил Саша.

— Нет, какое хотите.

Демьянов глубоко вдохнул и выдохнул:

— «Гейне».

— «Гейне» так «Гейне». И число, — добавил следователь.

Следователь свернул расписку вчетверо и убрал ее в нагрудный карман гимнастерки.

Потом они снова пили чай с бутербродами и подробно обсуждали, где, когда и с кем Александр Петрович, теперь уже «Гейне», будет встречаться. В «Большом доме» начался рабочий день. По коридору застучали сапоги. Кто-то заглянул в дверь, но тут же закрыл ее. Наконец, договорившись о том, как ему объяснить матери свое ночное отсутствие и ответить на вопросы любопытных соседей, следователь подписал пропуск.

Александр вышел на улицу. День уже полыхал солнцем. Свежий ветер с Невы гнал сырой воздух. Дышалось легко и приятно. Александр еще раз взглянул на верхние этажи «Большого дома», где мучительно провел эту долгую ночь, и бодро зашагал к центру города.

Памятник Петру Первому стоял на прежнем месте. Саша посмотрел на своего любимца. «Красуйся, град Петров, — повторил он строчки поэмы, — и стой

Неколебимо, как Россия,
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия…»

«В конце концов, — мысленно подвел Александр итоги, — главное — Россия. А она, как и этот памятник, по-прежнему стоит и будет стоять на том же месте».

Так на свет появился агент «Гейне». Сотрудничая с органами государственной безопасности, вначале практически по принуждению, он вскоре почувствовал вкус к оперативной работе. Александр всегда отличался активным восприятием жизни, умением глубоко проникать в психологию людей, с которыми встречался. Он быстро научился концентрировать волю и направлять ее на достижение необходимой цели. У «Гейне» была великолепная память, молниеносная реакция, а главное, способность самостоятельно принимать решения. Его происхождение (из потомственных военных) позволяло нацелить его как агента на разработку связей с иностранной эмиграцией, что было необходимо для предотвращения возможных террористических действий и шпионажа.

В конце 30-х годов Александра перевели в Москву. Здесь он начал работать электриком в Главкинопроекте. Затем инженером-электриком на киностудии «Мосфильм», деля комнату в коммунальной квартире с актером МХАТа.

Он унаследовал от матери красоту, в свое время она слыла первой красавицей Петербурга. К тому же он был прекрасно воспитан и умел ухаживать за женщинами. Вскоре он вскружил голову дочери профессора медицины Бориса Александровича Березанцева и женился на ней. Психоневролог считался в московских медицинских академических кругах богом и был ведущим консультантом в кремлевских клиниках. Его дочь Татьяна[2] работала на студии «Мосфильм» ассистентом режиссера.

Березанцева Татьяна Борисовна («Борисова»)

Родилась 30 сентября 1912 года в Москве.

В 1931 году окончила балетный техникум при Большом театре.

Работала ассистентом режиссера на киностудии «Мосфильм».

В 1941 году окончила режиссерский факультет ВГИКа (экстерном).

Указом Верховного Совета СССР 20 сентября 1943 года награждена медалью «За боевые заслуги».

С 1944 по 1946 год — сотрудник «Совэкспортфильма», дублировала советские фильмы в Париже.

С 1953 по 1955 год — аспирантка ВГИКа.

С 1965 по 1978 год — режиссер дубляжа .

Умерла в 1995 году.

Она пользовалась авторитетом среди деятелей кино и театра и умела расположить к себе нужного человека. Супруги поселились в одном из домов в Брюсовом переулке. Их соседями были многие видные деятели МХАТа. «Гейне» стал вхож в артистический мир. Он дружил с известным режиссером Михаилом Роммом, с сыновьями актеров Москвина и Качалова. Одним словом, вел светскую жизнь и стал довольно известным человеком в Москве. Так, к примеру, тайной страстью Александра была любовь к лошадям. Передалась она ему по наследству от отца и с годами не проходила, а только крепла. Теперь он мог часто бывать на бегах и даже держал свою лошадь в Московском манеже, что было по тем временам редкостью.

В Москве с Демьяновым работали опытные сотрудники НКВД Виктор Ильин и Михаил Маклярский.

Ильин Виктор Николаевич[3]

Родился в 1904 году в Москве.

Участник Гражданской войны..

В органах госбезопасности начал работать с 1933 года.

В 1937—1938 годах отвечал за работу по разработке меньшевиков.

В декабре 1937 года выполнил спецпоручение Л. Берии о

расследовании в Орле и Ростове-на-Дону так называемого дела троцкистских диверсий на дорогах. Как он выяснил, все было сфабриковано. Дело пересмотрели, а его назначили начальником третьего отдела Секретно-политического управления НКВД, занимавшегося работой с творческой интеллигенцией .

Маклярский (Михаил Исидор) Борисович

Родился в 1909 году в Одессе. [4]

С 1924 года — в погранвойсках.

С 1927 года — в ОГПУ.

В 1932 году окончил Среднеазиатский университет в Ташкенте.

Сотрудник секретно-политического отдела НКВД (30-е годы).

1939—1941 годы — сотрудник Контрразведывательного управления НКВД.

С 1941 года — начальник третьего отдела Особой группы при наркоме внутренних дел.

С 1942 года — начальник третьего отдела Четвертого управления НКВД .

Это были одаренные люди, умеющие относиться к своему делу творчески. Виктор Ильин курировал в Москве артистические и писательские круги. В его ведении был и Большой театр СССР. К Большому театру, особенно к его балетной труппе, пристальное внимание проявляли немецкие дипломаты, среди которых абсолютное большинство были сотрудниками абвера. Балерины всегда пользовались успехом у политической элиты Советского Союза, многие члены правительства покровительствовали им.

Чаще всего с «Гейне» работал Михаил Маклярский. Вместе они вырабатывали общую линию поведения Демьянова. Александр с большим успехом устанавливал контакты с творческой интеллигенцией, знакомился в театре или на ипподроме, у себя дома. За два года до войны «Гейне» вышел на контакт с представителем германской торговой миссии в Москве, и тот в разговоре назвал ряд фамилий русских эмигрантов. Все упомянутые люди были хорошо знакомы Александру и дружили с семьей Демьяновых еще до революции. Александр сразу понял, что немецкая разведка заинтересовалась им и искала контакты с целью вербовки. Много позднее, в найденных после войны мемуарах Гелена[5], говорилось, что в то время Демьянов получил в картотеке абвера кличку «Макс».

Глава третья
ОРГАНИЗАЦИЯ «ПРЕСТОЛ»

Высокий и сутулый человек преклонного возраста, с седой бородкой клинышком короткими шажками передвигался в сторону Новодевичьего монастыря в Москве. Воротник старенького, видавшего виды дождевика был поднят, а потертая фетровая шляпа сдвинута на затылок. День выдался на редкость теплым, дождя не было, и такой наряд выглядел несколько нелепо. Незнакомец подошел к церкви Новодевичьего монастыря, снял шляпу, перекрестился и вошел внутрь. Купив свечку, он поставил ее перед иконой Богородицы. Несколько минут спустя он вышел и направился в ту часть монастыря, где располагались многочисленные квартиры, в которых ютились представители некогда процветавшего в России дворянства. Нищета соседствовала здесь с остатками былой роскоши. Зайдя в любую из квартир, можно было увидеть рядом с каким-нибудь благородным антикварным столиком XVIII века торчащие трубы, все зеленые от плесени, и ржавую воду, капающую прямо на витую ножку. «Удобства» располагались во дворе, где повсюду виднелись кучи угля для отопления. Но людям, жившим здесь, казалось, что древние стены монастыря надежно укрывают их от царящего вовне всеобщего безумия. В подклети Успенского собора монастыря жил **Борис Александрович Садовской**[6]— русский поэт, писатель, критик, автор романа «Приключения Карла Вебера» и сатирического рассказа «Двойник».

Действительно, эти годы ознаменовались знакомством с В. Брюсовым, активным сотрудничеством в журналах «Весы», «Русская мысль», «Северные записки», «Аполлон», «Золотое руно» и других, приобщением к литературному миру Москвы и Петербурга.

В короткий срок Садовской стал модным автором, которого охотно печатали многочисленные периодические издания. Одинаково успешно выступал как поэт беллетрист, литературный критик, историк литературы и драматург.

Блестящая литературная карьера омрачилась несчастьем, определившим всю дальнейшую жизнь. В мае 1904 года он заразился сифилисом. Болезнь в то время в принципе уже излечивалась, и поэтому лечился Борис Александрович старательно и даже чрезмерно. В результате наступило общее отравление организма. Спустя десять лет начались местные параличи — то в руке, то в ноге. Осенью 1916 года его поразила

спинная сухотка и он остался до конца своих дней парализованным. Тем не менее ему было суждено пережить не только большинство сверстников по Серебряному веку, но и умершую в войну жену (заботы о нем взяла на себя его свояченица).

Умер он 5 марта 1952 года в Москве[7].

Его «каморка» была постоянным местом «тайной вечери» для деятелей культуры, горячо обсуждавших судьбу очередного находящегося в опасности объекта и строивших планы его спасения. Именно эти тайные встречи, да еще написанное в июле 1941 года стихотворение, в котором Садовской призывал Гитлера восстановить русское самодержавие, заставили контрразведчиков обратить на него пристальное внимание.

Из сводки НН[8]:

«Объект „Предводитель“, возвратись из города, зашел в церковь Новодевичьего монастыря, поставил свечку перед иконой Богородицы, затем отправился к себе домой, а еще через некоторое время вышел из дома без плаща и шляпы и прошел в подвал Красной церкви монастыря, где живет известный вам объект „Поэт“. В течение получаса не возвращался. На этом наблюдение за ним было снято».

Справка 1-го Управления НКВД СССР на фигуранта «Предводитель»:

«Предводитель» — Глебов — бывший предводитель Дворянского собрания Нижнего Новгорода. В настоящее время за семьдесят лет. Тем не менее пользуется большой известностью в кругах бывшей аристократии. В 1915 году именно он приветствовал царскую семью в Костроме по случаю торжественного празднования 300-летия дома Романовых. Жена Глебова была своим человеком при дворе последней российской императрицы Александры Федоровны».

Справка 1-го Управления НКВД СССР на фигуранта «Поэт»:

«Поэт» — Садовской Борис Александрович — 1881 года рождения, уроженец Нижнего Новгорода, русский, из дворян. До Октябрьской революции имел в Щербинках (пригород Нижнего Новгорода) свое поместье. Его отец заведовал всеми лесами бывшей Нижегородской губернии. В 1929 году выехал в Москву.

Его жена — Садовская Надежда Ивановна, из дворян, была фрейлиной императрицы Александры Федоровны, жены Николая II с 1914 по 1917 год, вплоть до ареста последней. Была близка с Вырубовой, главной фрейлиной императрицы. Надежда Ивановна была в дружбе и близких отношениях с Григорием Распутиным,

которого она почитала «святым пророком, предсказавшим свою и общую погибель».

Со слов Надежды Ивановны, последний раз она видела царскую семью во время ареста в 1917 году. Прощаясь с ней, Александра Федоровна «благословила ее идти в народ», т.е. послала ее пропагандировать борьбу за восстановление монархии.

«Общество спасения царя», со слов Надежды Ивановны, действительно существовало, но было очень законспирированным. Оно финансировалось американцами, давшими 8 млн. долларов на спасение царя. Надежда Ивановна говорила, что она являлась членом этого «общества» и даже должна была в нем сыграть значительную роль. По ее словам, дело спасения царя сорвалось в результате того, что находившиеся под арестом в Тобольске и на Урале Романовы не поверили являвшимся к ним эмиссарам «общества», полагая, что они подставлены большевиками. В связи с этим «Общество» решило послать Надежду Ивановну к царской семье, учитывая, что ее лично хорошо знала Александра Федоровна. С деньгами и иностранными паспортами она должна была уже выехать на Урал и попытаться спасти царскую семью, но в это время пришло известие, что семья уже расстреляна».

Агентурное донесение «Старого»[9]**:**

«Садовской — писатель, живет с женой в подвале Красной церкви Новодевичьего монастыря, в комнате, перегороженной занавеской, за которой находится его библиотека. Садовской при советской власти не опубликовал ни одного своего произведения. Все их складывал за занавеску. Получал пенсию Союза писателей за прошлые заслуги в надежде, что он будет писать и при новой власти. Садовской ранее получал обеды из столовой Союза писателей, которыми делился с приживалками — монашками из секты „федоровок“. Когда Садовской перестал получать обеды, монашки ушли. Садовской парализован, глубокий инвалид, передвигается на коляске».

Разработка Садовского была поручена особому подразделению, состоявшему из группы сотрудников НКВД во главе с **Павлом Анатольевичем Судоплатовым.** Летом 1941 года Судоплатов вместе с Маклярским начал операцию, замысел которой первоначально заключался в том, чтобы до немецкого разведцентра довести информацию о якобы существующей в Москве антисоветской религиозно-монархической организации. Необходимо было заставить немецкую разведку поверить в нее, как в реальную силу, пятую колонну в советском тылу. Именно через эту организацию планировалось проникнуть в разведсеть

гитлеровцев в Советском Союзе. Садовского было решено использовать в роли руководителя легендируемой организации «Престол». Позже, в октябре 1941 года, разработкой организации «Престол» занимался 2-й отдел НКВД СССР, начальником которого был назначен Судоплатов. В функции отдела входило создание разведывательно-диверсионных групп и партизанских отрядов.

В январе 1942 года уже в 4-м Управлении НКВД СССР, занимавшемся разведывательно-диверсионной и террористической деятельностью на оккупированной фашистами территории и подготовкой нелегальной агентурной сети на случай взятия немцами Москвы, составили план операции под кодовым названием «Монастырь», по месту проживания Садовского. План был разработан начальником 4-го Управления Павлом Судоплатовым и утвержден наркомом внутренних дел СССР Л.П. Берией. Следует сказать, что это управление в 1943 году было переподчинено вновь созданному Наркомату государственной безопасности СССР (НКГБ) [10] и оказывало всяческое содействие 1-му Управлению (внешняя разведка).

В плане говорилось, что в течение ряда лет в Москве разрабатываются видный монархист, известный русский поэт Борис Садовской и его жена Надежда Ивановна Воскобойникова.

«Чета Садовских связана с церковно-монархическими кругами старцев — бывших монахов и монахинь, которые, находясь в глубоком подполье, пытаются влиять на массу верующих в антисоветском духе.

Садовской и его окружение пораженчески настроены и с нетерпением ждут немцев».

В этой же части плана говорилось о том, что в 1933, 1935 и 1941 годах были ликвидированы три монархические группы молодежи, группировавшиеся вокруг Садовских. Все три группы ориентировались на германский фашизм, рассчитывая на его помощь.

Далее предлагалось использовать имя Садовского и его ближайшие антисоветские связи для:

1. Создания канала, по которому можно забрасывать нашу специальную агентуру в Германию;

2. Дезинформирования немцев о положении в СССР;

3. Выяснения круга вопросов, интересующих немцев в СССР.

Сообщалось, что для решения этих задач будут использованы проверенные агенты, в том числе «Гейне».

Агентурное донесение «Старого» (принял Маклярский):

«Получив от Садовского предложение об установлении связи с немцами, я по вашему указанию дал на это согласие, после чего

Садовской поручил мне подобрать группу лиц для использования их в целях установления связи с немцами и проведения антисоветской работы в Москве. Воспользовавшись этим предложением Садовского, в качестве якобы одного из активных участников предложил кандидатуру Демьянова».

* * *

Александр Демьянов впервые встречался с Садовским 11 января 1942 года. Перед встречей он волновался. Он даже не думал о миссии, которую на него возложил Маклярский. Слишком значительной была для него фигура Бориса Александровича. Он еще в школьные годы наткнулся на его стихотворение в одном из дореволюционных журналов, сохранившихся у мамы, и оно врезалось в его память. Стихотворение называлось «В уездном городе», и тогда, лет двадцать с лишним назад, оно поразило его простотой и глубиной созданного образа. Александру вдруг захотелось крикнуть, подобно чеховским трем сестрам: «В Москву!» Это означало для него — в жизнь, бурную, кипящую, полную людей и событий. Александр до сих пор помнил стихотворение от первой до последней строчки:

Заборы, груды кирпича,
Кривые улицы, домишки
И за собором каланча
С уснувшим сторожем на вышке.
Здесь сорок лет, что год один.
Не знают люди перемены,
Как рамки выцветших картин,
Смиренно кроющие стены.
А в поле, там, где млеет ширь
И рожь колышется волнами,
Хранит кладбище монастырь,
Приосененный тополями,
И здесь такой же мирный сон.
Как сладко спится позабытым!
Лишь луч порой, упав на клен,
Играет зайчиком по плитам.

Теперь это стихотворение повернулось новыми гранями, заиграло. И он еще раз нашел подтверждение однажды родившейся мысли: смысл стихотворения не может быть постигнут одним прочтением. Он вдруг ощутил весь трагизм этих

строк, оказавшихся для автора пророческими. Вот они, эти люди, жившие пышной столичной жизнью, а ныне выброшенные на задворки истории. И даже то, что Борис Александрович парализован, казалось символичным. И вот этого-то человека он теперь должен использовать. Демьянов был опытным разведчиком, вошедшим во вкус оперативной работы, но в этот раз он подумал, что совершает предательство. Встреча же расставила все по своим местам. Александр был поражен. Он никак не мог понять, как в этом старом немощном теле могло уместиться столько ненависти и желчи. Возможно, советская власть не решила проблем демократизации общества, но призывать фашистов на роль освободителей! «Гейне» еле сдержался, чтобы не вступить в спор с Садовским.

Агентурное донесение «Гейне» (принял Маклярский)

о первом посещении вместе со «Старым» Бориса Александровича Садовского и его жены Надежды Ивановны Воскобойниковой:

«Садовской, не стесняясь нового человека, читал свои антисоветские прогерманские стихи».

Агентурное донесение «Старого» (принял Маклярский):

«Мнение Садовского о новом госте — „Гейне“ — самое лучшее. Следует отметить, что Садовской в тот день производил впечатление не вполне нормального человека. Был в возбужденном состоянии, напялил на себя дворянскую медаль на „владимирской“ ленте».

Агентурное донесение «Гейне» (принял Маклярский):

«После нескольких встреч с Садовским я получил от него задание нелегально перебраться через линию фронта к немцам, проинформировать их о существовании церковно-монархической организации „Престол“ и получить указания о дальнейшей работе.

В плане операции, разработанном группой Маклярского, также говорилось: «Учитывая желание Садовского связаться с немцами, намечаем переброску через линию фронта агента „Гейне“ в качестве курьера церковно-монархической группы, возглавляемой Садовским.

Свою посылку через линию фронта «Гейне» объяснит германскому командованию тем, что неожиданный отход германских войск от Москвы дезориентировал Садовского и его окружение, ожидавшее вступления немцев в Москву еще во второй половине октября 1941 года.

«Гейне» сообщит также немцам, что по указанию «Старого» он лично сконструировал радиопередатчик и приемник, который установлен в Москве (адрес «Гейне» не знает, так как он известен только «Старому»)».

Далее в плане было расписано задание «Гейне». В нем отмечалось, в частности, что он должен предпринять все усилия, чтобы остаться у немцев в качестве представителя организации «Престол». Особо подчеркивалось, что цель этого мероприятия — внедрить агента «Гейне» в германскую разведку.

* * *

Плотный человек в форме майора государственной безопасности, небольшого роста, с густой шевелюрой, прочитал план, чуть-чуть отодвинув его в сторону, встал из-за стола и подошел к окну. За окном падал мелкий колючий снег. Кремлевские куранты еле слышно пробили 17 часов. Январский день шел на убыль. Майор опустил штору затемнения и вернулся к столу. Зажег настольную лампу и взял в руки план. В левом углу было напечатано: «Согласен: начальник 4-го Управления НКВД СССР». Он взял ручку, минуту подумал и размашисто подписал: «П. Судоплатов».

Глава четвертая
«ПЕРЕБЕЖЧИК»

Шел февраль 1942 года. Немецкие войска были остановлены под Москвой. Древний город, который германское командование считало почти побежденным, внезапно оказался недоступным.

Именно после битвы под Москвой во всем мире была разрушена легенда о непобедимой немецкой армии. На советско-германском фронте наступило временное затишье. В этот предрассветный час затихла и природа. Слегка морозило. Ветер лениво кружил редкие снежинки. Молчали вековые сосны.

В снегу на нейтральной полосе неподвижно лежал человек. Его маскировочный халат сливался с белоснежным покровом земли.

Александр находился здесь уже давно и за это время успел вспомнить свое детство, милую добрую маму, жену… Приятные воспоминания согревали душу и помогали коротать долгие часы, оставшиеся до рассвета. Перед тем как уйти на задание, он зашел в Москве к тестю попрощаться. Пожилой профессор, который был в общих чертах посвящен в операцию сотрудников НКВД, несмотря на протесты Александра, повесил ему на шею крестик. Благословил, обнял на прощание, как сына, и сказал: «Саша, я верю. Ты вернешься. Крест защитит тебя». Теперь этот маленький талисман являлся последней ниточкой, связывающей его с домом, с близкими и дорогими ему людьми, с прежней жизнью, в которой не было ощущения смерти, стоящей совсем близко.

Александр посмотрел на часы и решил, что уже пора. Он вытащил из-за пазухи белый кусок материи, бывший когда-то полотенцем, привязал его к заранее приготовленной палке. Встав на лыжи, поднял над головой белый флаг. С криком «Не стреляйте!» Александр побежал в сторону немецких позиций. Немцы, заметив лыжника, сначала открыли огонь, но вскоре прекратили стрелять. «Halt! Minen, minen!» — кричали немецкие солдаты. Александр их не слышал. Он бежал и думал лишь о том, что должен добраться невредимым и выполнить задание. Вдруг лыжная палка скользнула по металлу. «Неужели мины? Да, точно мины. Жаль, погибнуть так глупо…» — подумал Александр, продолжая бежать к вражеским окопам. Войсковые разведчики допустили ошибку. Они не знали, что нейтральная полоса совсем недавно была заминирована немцами. Эта ошибка разведки лишь по счастливой случайности не стоила Александру Демьянову жизни.

В этот день судьба хранила «Гейне». Он благополучно добежал до вражеского бруствера, и немцы помогли ему перебраться в окоп. Из-за быстрого бега и нависшей над ним на минном поле смертельной опасности Александр не сразу пришел в себя.

Добежав до немецких укреплений, Демьянов исчерпал все силы. Необходимо было хоть немного отдохнуть. Кто знает, что ждало его впереди. Закрыв глаза, он на несколько мгновений отрешился от всего.

— Встаньте и идите за мной! — вернул Демьянова к действительности чей-то резкий голос.

Александр открыл глаза. Перед ним стояли четыре немецких офицера. Они с интересом разглядывали пленника, в их взглядах читалось явное недоброжелательство. Демьянов встал и пошел в сопровождении немцев к ближайшему блиндажу.

Блиндаж оказался небольшим. Посередине стоял стол, за которым сидели люди и оживленно разговаривали.

Один из офицеров беседовал по полевому телефону. Он часто повторял одно слово «jawohl», что означало: конечно, слушаюсь, так точно. Больше Александру ничего услышать не удалось, догадался лишь, что высокому начальству докладывают о перебежчике, которым явно заинтересовались на другом конце провода.

Подтянутый молодцеватый майор закончил разговор и посмотрел на Александра оценивающим холодным взглядом. В наступившей тишине вопрос майора прозвучал неожиданно:

— Зачем вы предали свою Родину? — Интонация подчеркивала полное отвращение к перебежчику.

С губ Александра готовы были сорваться резкие и обидные слова. Хотелось грубо ответить на несправедливое обвинение. Сказать, что он никогда не предавал Родину и никогда этого не сделает. Крикнуть оккупантам, что они здесь чужие и в Россию их никто не звал. Саша очень любил свою страну и ненавидел всех, кто явился на святую русскую землю без приглашения, пытаясь разрушить то, что создавалось поколениями его предков, то, что любил и чем жил великий русский народ.

На душе у Александра было тяжело. Все его существо протестовало против того образа, в котором он предстал перед немецкими офицерами. Необходимо было убедить их в искренности своих намерений, чтобы не осталось и доли сомнения в том, что Демьянов именно тот, за кого себя выдает.

Майор, так и не дождавшись ответа, вышел из блиндажа. В разговор вступил другой офицер. Он протянул Александру кружку с чаем и стал расспрашивать о причинах его перехода, о

расположении войск на советском фронте.

Демьянов во всех подробностях рассказал, как почти двое суток подбирал место для перехода линии фронта, пока не выбрал именно это — самое подходящее. Упомянул также, что в Москве существует враждебная советской власти монархическая организация «Престол», объединяет антисоветски настроенных людей.

Казалось, немец был настроен дружески, но его внешнее дружелюбие скрывало огромную сосредоточенность, попытку проникнуть в мысли собеседника и разгадать истинный смысл его намерений. После нескольких часов бесконечных вопросов и ответов разговор закончился.

Солдаты вывели Александра из блиндажа, посадили в машину. Автомобиль несся по изрытой воронками лесной дороге и через полчаса остановился около большого бревенчатого дома. Немцы разместили здесь свой штаб, и около входа бессменно стоял часовой.

Демьянова в сопровождении солдат провели внутрь дома. В большой просторной комнате на стенах висели иконы, оставшиеся, вероятно, от прежних хозяев. Здесь царило оживление. Люди входили и выходили. Постоянно в помещении находились только три офицера. Они сидели за массивным деревянным столом и заинтересованно смотрели на Александра. Особенно поразил взгляд человека, сидевшего посередине, на вид он был старше всех. Его глаза выражали холод и спокойствие. Мощная фигура немца говорила о превосходстве. Именно он и начал допрос. Вслед за ним офицеры всех рангов засыпали Демьянова вопросами. Спрашивали часто об одном и том же, пытаясь поймать на неточностях, мелочах. Александр терпеливо и уверенно отвечал на все интересующие немцев вопросы.

Наконец старший из офицеров, человек с невыразительным атлетичным лицом, с резкими складками вокруг рта приказал Демьянову выйти из комнаты. Переводчик вывел Александра в сени и усадил на грубо сколоченный табурет, а сам сел напротив и приготовился ждать. Из комнаты, в которой только что велся допрос, слышались возбужденные голоса. Немцы никак не могли решить, что им делать с перебежчиком. Многие сомневались в том, что молодому человеку можно верить.

Через двадцать минут Демьянов снова стоял перед столом, за которым сидели германские офицеры. На вторичном допросе его снова засыпали вопросами: кто послал, как добрался до немецких позиций. Просили подробнее рассказать об организации «Престол», о ее членах. Интересовались семьей Александра и его ближайшими друзьями, записывали их адреса. Демьянов упорно

держался первоначальной версии о том, что он принадлежит к организации, объединяющей идеологических противников советской власти. Задача «Престола» — борьба с коммунизмом.

Немцы никак не хотели верить Александру и поставили ультиматум: если Демьянов скажет правду, ему гарантируют сохранить жизнь до окончания войны, в противном случае будет применена «третья степень» пыток.

Наконец усталого и окончательно измотанного пленника вывели в другую комнату. На стенах небольшого аккуратного помещения с двумя кроватями было развешано оружие: пистолеты в кобурах, ружья, казацкие шашки. «Что это? Мне дают возможность покончить с собой, чтобы избежать пыток? Или же еще раз проверяют? Нет, застрелиться — значит, показать свою слабость. А задание? Я же дворянин, я дал слово и должен выполнить порученное задание. Я не имею права сорвать операцию. Убивать себя нельзя, тем более прикасаться к оружию», — думал Александр, разглядывая казацкие шашки, крест-накрест висевшие на стене. «Тик-так, тик-так», — мирно тикали ходики. Он был пленником этой комнаты всего полчаса, но время словно остановило свой бег, а секунды показались часами.

Мерный ход часов немного успокаивал. Александр прилег на кровать и сразу же провалился в тяжелый сон. Разбудили его громкие голоса и топот кованых солдатских сапог. Сильные руки грубо подхватили его, выволокли во двор и поставили спиной к бревенчатому сараю.

Наступил вечер, быстро темнело. Небо было хмурым и неприветливым. Лучи прожекторов бороздили пространство, изредка вспыхивали осветительные ракеты. На крыльце дома появились несколько офицеров. Среди них были те, которые на допросе старались запутать Александра. Немцы что-то оживленно обсуждали, один из них обратился к «Гейне»:

— Вы наконец скажете правду?

— Я рассказал все, что знал, — ответил Александр. Офицер поднял руку, щелкнули затворы винтовок и раздались выстрелы. Веер щепок посыпался на «Гейне».

Александр стоял неподвижно, он словно оцепенел. Все чувства покинули его, и он никак не мог осознать реальность происходящего. Наконец он понял, что жив. Тесть сказал правду — крест его спас.

Усмехающийся офицер подошел к Александру и дружески похлопал его по плечу.

— Ты вел себя мужественно, — сказал он, — теперь нам нужно поговорить.

Немец жестом пригласил Демьянова пройти в комнату, где несколькими минутами раньше его с пристрастием допрашивали. В просторной комнате уже был накрыт стол.

— Господин Александр, коньяк, водочка. Не стесняйтесь. Давайте выпьем за успех. Мы будем работать вместе. Некоторое время вам придется побыть в Смоленске. Туда мы отправим вас завтра. Не будем терять время, приступим к инструктажу.

Итак, игра началась. Эту ночь «Гейне», впервые за трое суток, спал спокойно. Позади были изнурительные допросы и явная враждебность германских офицеров. Он прекрасно знал: от его поведения зависит не только успех операции, но и собственная жизнь. Но все равно, сегодня он одержал первую, пусть небольшую, но победу.

Александр проснулся рано. На душе было тревожно. Погода соответствовала его настроению. Тяжелые серые тучи заволокли небо. Хмурым февральским утром началась операция, запланированная органами госбезопасности СССР.

Демьянов сел в машину, которая, поднимая снежную пыль и ловко объезжая воронки и рытвины, понеслась в сторону Смоленска. По дороге изредка встречались механизированные колонны, прошло несколько грузовиков с солдатами в сопровождении штабной легковой автомашины и полевой кухни. Александр смотрел на передвижение немцев к Москве и думал: «Наполеон со своими войсками тоже двигался по этой дороге. А потом?.. Интересно, по какой дороге побегут немцы к своему новоявленному Наполеону?»

Смоленск показался за очередным поворотом дороги. Холодное зимнее солнце выглянуло ненадолго из-за туч, и его лучик блеснул на куполе полуразрушенного собора.

Глава пятая
НА ТОЙ СТОРОНЕ

В Смоленске шел снег. Снежные хлопья сначала медленно кружили в воздухе, потом повалили на землю, плотно облепляя стекла машины. Машина, постоянно застревая в сугробах, медленно ползла по городу. Через лобовое стекло Александр мельком смог увидеть полуразрушенные здания, искореженные заборы. Изредка слышались громкие окрики немецких постовых.

Машина остановилась около больших металлических ворот и протяжно загудела, как бы подзывая часового. Александру бросился в глаза высокий забор с рядами колючей проволоки наверху. По углам забора располагались вышки с караульными автоматчиками, а вдоль него прогуливались солдаты с овчарками. «Гейне» понял, что для дальнейшей проверки его привезли в концлагерь. Он вспомнил вчерашний банкет и мысленно передразнил его организаторов: «Господин Александр, коньяк, водочка. За успех. Будем вместе работать…» — «Так вот как приходится работать», — устало подумал он. Начал перебирать возможные варианты проверки, но тут ворота открылись, и машина въехала на территорию лагеря.

«Гейне» поместили в отдельном бараке, вместе с военнопленными, согласившимися работать на немцев. Эти люди не смогли выдержать голода, пыток и были нравственно сломлены. Инстинкт самосохранения взял в их душе верх. Они пытались оправдаться перед собой и старались расположить к себе немцев, но Александр заметил, что и у немцев они вызывают брезгливое чувство. Гораздо труднее ему дались другие встречи. За дни, проведенные в концлагере, «Гейне» столкнулся с военнопленными, чей дух оказался сильнее страданий плоти, чье сердце не перестало любить Родину и ненавидеть тех, кто пытался ее уничтожить. Видеть страдания этих людей и чувствовать себя бессильным помочь им было невыносимо. Александру пришлось играть роль равнодушного человека, не слышащего стонов и проклятий, и спокойно говорить о необходимости столь жестоких мер. Но именно гордость за этих людей и помогла «Гейне» справиться с *ролью, так* как он знал, что, только войдя в доверие к немцам, сможет выполнить задание и тем самым приблизить день долгожданной победы. А в том, что она придет, он теперь не сомневался.

Офицеры абвера каждый день вызывали «Гейне» в управление лагеря. Снова и снова повторялись бесконечные допросы. Их

интересовала история его рода, жизнь до войны и детали перехода через минное поле. Александру казалось, что он проходит это злосчастное поле второй раз.

Через некоторое время его перевели на городскую квартиру, находившуюся почти в центре старого Смоленска. К Александру были приставлены два инструктора, занимавшиеся с ним специальной подготовкой: шифровальное и радиодело, а также тайнопись. Они служили в диверсионной школе «Абверкоманда-203» («лагерь МТС»), которая располагалась на улице Дзержинского в доме 22. «Гейне» понимал, что для успеха дальнейшей проверки необходимо найти контакт с инструкторами, наладить с ними хорошие отношения. Это сделало бы их менее подозрительными. Помог случай. Занятия прерывались на обед. В меню входила бутылка шнапса. Шнапс «Гейне» не любил, так что большая его часть перепадала инструкторам, к большому их удовольствию.

На конспиративной квартире «Гейне» периодически навещал сам начальник лагеря зондерфюрер Гисс. Этот человек, по всей видимости, симпатизировал «Гейне». Нередко он приносил с собой консервы и сигареты. Этими презентами Александр щедро делился со своими инструкторами. Шнапс в сочетании с гостинцами развязал им языки. Вилли и Юзеф, так звали инструкторов, рассказали, что до войны жили в Бресте и работали на телеграфе. Будучи немцами по национальности, они перебежали на сторону фашистов еще в первые дни войны. Они были довольны собой и своей жизнью. После занятий, подшучивая друг над другом, они провожали Александра обратно в лагерь, попутно обсуждая планы на вечер. Он мог оказаться удачным, если какая-нибудь красотка не откажет им, или неудачным, если девушка попадется строптивая.

По ночам, лежа в бараке, «Гейне» часто вспоминал стихи своего любимого поэта и размышлял над тем, как нация, подарившая миру Гёте и Баха, могла допустить к власти Гитлера. «Впрочем, это вечная борьба добра и зла, света и тени. Она постоянно происходит и в душе человека, и в каждом народе, и в обществе. Надо только удержать в душе свет», — заклинал себя Александр.

Спустя несколько недель пребывания «Гейне» в Смоленске состоялась встреча с каким-то высокопоставленным представителем абвера, на которой ему сообщили, что скоро его отправят обратно в Москву с заданием по подрывной работе в столице. Уточнили некоторые детали, время связи и условились, что курьеры, прибывающие в Москву, сначала будут являться к тестю под видом больных, а тот в свою очередь выведет их на

«Гейне». Маршрут «Гейне» был таков: на машине его переправляют в Минск, оттуда он должен будет перелететь самолетом через линию фронта и, прыгнув с парашютом, самостоятельно добраться до Москвы.

В Минске его поселили на частной квартире, в которой проживало еще несколько человек. Это тоже был элемент проверки, о чем «Гейне» сразу догадался. И все же он почувствовал радость от этой короткой передышки. Он очень устал в лагере, его моральные силы были на пределе. Три дня «Гейне» никто не беспокоил. Соседи по квартире, пожилые люди — профессор с женой — пытались разговаривать с ним, когда он появлялся на кухне. Они постоянно жаловались на нехватку продуктов, на отсутствие отопления, заводили разговоры о зверствах немцев. Окна кухни выходили на центральную улицу города. По ней время от времени немцы под конвоем проводили большие группы людей. Патрульные избивали прикладами отстававших, и их лающие крики долетали до окон кухни. Соседи сообщили, что этих людей как пособников партизан ждет смертная казнь. Но ни один мускул не дрогнул на лице Александра. После лагеря он научился контролировать свои чувства. Эмоции он надежно запер на ключ в собственном сердце. К соседям испытывал легкое презрение. Становиться осведомителями у гестапо за лишнюю банку консервов представлялось ему делом неблагодарным. Но «Гейне» все это мало интересовало. Он очень хотел узнать результаты проверки. Это бы многое определило в выработке линии дальнейшего поведения. Он не знал, что в эти дни немцы еще раз тщательно проверяли все факты его биографии. Удостоверились они и в том, что в городе Темрюке стоит памятник его деду Антону Головатому. Памятник оказался на месте, и Антон Головатый еще раз послужил Отечеству.

Вернувшись в Москву, «Гейне» дал подробную характеристику немецким офицерам, с которыми ему довелось общаться в Смоленске. Естественно, фамилии их он знать не мог, однако позже по материалам радиоперехвата было установлено, что ими оказались полковники Герлиц и Хуффман.

Герлиц являлся начальником контрразведывательной службы разведывательного отдела штаба среднеармейской группировки германской армии в Смоленске.

Именно от Герлица и Хуффмана «Гейне» получил задания: приступить к созданию подпольных антисоветских ячеек в промышленных и областных центрах СССР, организовывать саботаж и диверсионную работу, наладить сбор сведений о передвижении войск Красной Армии, вести антисоветскую

пропаганду, восхвалять гитлеровскую Германию и новый порядок в Европе.

Так закончился первый этап этого, пожалуй, самого ответственного задания, данного Александру Петровичу. Ему никогда еще не было так трудно и в то же время так легко на сердце. Он уже не сомневался в правильности решения работать на советскую власть. Он видел и понимал, что СССР — единственная реальная сила, способная противостоять фашистскому режиму и полностью его разгромить. Александру очень хотелось внести и свою лепту в это благородное дело.

Глава шестая
ВОЗВРАЩЕНИЕ «ГЕЙНЕ» («ГЕЙНЕ» — «ДОКТОР»)

Вечером раздался звонок. Дверь открыл сосед-профессор. На пороге стоял немецкий офицер. Старик пропустил его в прихожую и постучал в дверь «Гейне».

— Это к вам, господин Александр, гости, — произнес он гнусавым голосом и, ехидно улыбнувшись, ушел к себе.

— Bitte, bitte, — сказал Александр по-немецки, жестом приглашая гостя пройти в комнату. Вошедший немецкий офицер был достаточно хорошо знаком Александру Петровичу. Они неоднократно встречались в Смоленске. Это был полковник Хуффман — сотрудник контрразведывательной службы Герлица в Смоленске.

Хуффман по-хозяйски прошелся по комнате, огляделся и бесцеремонно уселся в единственное кресло, стоявшее у письменного стола. Все стены комнаты были заняты книжными полками, видимо, раньше здесь был рабочий кабинет профессора.

Немец хорошо говорил по-русски, с едва уловимым акцентом. Устроившись поудобнее, он без предисловий начал:

— Господин Александр, наступил срок возвращения в Москву. Хватит отдыхать и есть немецкие продукты, — решив, что он очень удачно пошутил, Хуффман противно захихикал, словно захрюкал. — Пора работать и зарабатывать себе на хлеб. Германская армия безработных не кормит.

Затем он положил на стол три пачки русских денег.

— Это на нужды вашего «Престола», а это — для рации, — сказал немец, доставая из полевой сумки кварцы.

«Гейне» одобрительно кивнул. Еще на допросах в Смоленске он рассказывал, что сам сконструировал рацию, но питание для нее достать в России невозможно. Опустошив сумку, Хуффман резко встал и как бы между прочим бросил:

— Одевайтесь, вас ждет самолет.

«Гейне» быстро упаковал «подарки» (все остальное было уже собрано), оделся, и через несколько минут мужчины покинули профессорскую квартиру. На машине они быстро доехали до минского аэродрома. На летном поле действительно стоял готовый к вылету самолет.

— Желаю удачи, — пробурчал Хуффман так, будто желает он как раз обратного, и, не подав руки, пошел к машине, махнув на прощание в сторону самолета.

Возле самолета «Гейне» уже ждали. Прямо на летном поле на него надели парашют, дали пистолет и складной нож. В самолете уже сидел один «пассажир», это был русский. С такими Александр не раз встречался во время пребывания в Смоленске. Самодовольная рожа незнакомца буквально лоснилась от сытости. Он обратился к Демьянову.

— Краснов, — представился он. Голос у него был грубый, хриплый, столь же неприятный, как и внешность.

Александр органически не переносил таких людей, но молчать было опасно, и пришлось вступить в беседу.

— Демьянов, — отрекомендовался «Гейне». Он внимательно рассматривал «напарника», одетого в советскую военную форму. За поясом у Краснова торчал «наган», поверх сапог были надеты разрезанные сзади валенки.

Мысли «Гейне» лихорадочно скакали, он старался как можно лучше запомнить Краснова и понять, как действовать дальше. Александр думал: «Я выполнил задачу, убедил немцев в правдивости своей легенды. Не зря я обучался радиоделу, осваивал шифры и тайнопись, подрывное дело и стрельбу, занимался спортом. Если придется, я многое умею и многое смогу выдержать, но я никогда не летал на самолете и не прыгал с парашютом. От этого сейчас зависит все… А этот мерзавец, вероятно, натренирован…»

— Откуда ты? — раздался бас Краснова, вернувший «Гейне» к реальности.

— При отступлении Красной Армии из Гжатска я спрятался, — ответил Демьянов, так его проинструктировали гитлеровцы, — а когда немцы вошли в город, сдался им. А ты откуда будешь?

— Я сейчас из Варшавы, учился там, — гордо ответил Краснов и, перехватив вопросительный взгляд «Гейне», добавил: — Недавно окончил Варшавскую разведывательную школу.

В этот момент появился человек, встречавший «Гейне» на аэродроме, выдал ему паспорт и сообщил, что Краснов будет прыгать первым. Немцы и здесь были верны себе: проверяли и перестраховывались. После этого двухфюзеляжный самолет вырулил на старт.

Так началось возвращение «Гейне» из фашистского тыла, но теперь уже в новом качестве и с конкретным заданием абвера. Было это 15 марта 1942 года.

Когда пролетали над Ярославлем, начали бить зенитки. В полете Краснова укачало, поэтому его (очевидно, вопреки приказу) первым не сбросили. «Гейне» поставили над люком и защелкнули карабин. Раздался вой сирены, свисток, люк

открылся, и Александр оказался в воздухе. Самолет, взревев моторами, скрылся. Грохот зениток смолк.

Наступила тишина.

«Гейне» медленно приближался к земле. Как управлять стропами, Демьянов не знал, и его постепенно сносило в сторону от поляны, к лесу. Видя, что придется садиться на деревья, «Гейне» закрыл лицо руками. Раздался треск, и он повис на трех березах. Перерезав стропы, Александр упал в глубокий снег.

Ему почему-то казалось, что где-то рядом проходит железная дорога. Решив переждать до утра, он стянул с деревьев парашют, наломал веток, устроил берлогу и, завернувшись в полотнище парашюта, лег спать. Это была не самая удобная постель, но Александр быстро заснул. Сказалось нервное напряжение последних дней, а чистый морозный воздух свободы словно опьянил его.

Через некоторое время его стали мучить сны: сначала вокруг того места, где он лежал, начали бегать немцы, которые допрашивали его в деревенском штабе под Можайском. Постепенно они превращались в волков. Один из них сунул свой мокрый нос в берлогу и оказался Красновым, от которого дурно пахло. От этого запаха Александр Петрович проснулся и, перевернувшись на бок, почувствовал боль в колене, поврежденном при падении. На рассвете, чтобы сориентироваться, «Гейне» влез на дерево и увидел невдалеке деревню. Взяв свои вещи, он попытался идти, но снег оказался слишком глубоким. Так как сверху снег был покрыт обледенелой коркой, он решил передвигаться ползком.

Подползая к деревне, Демьянов увидел собравшихся у околицы деревенских ребят, с интересом наблюдавших за его передвижением.

— Лыжи, дайте лыжи! — закричал им «Гейне» так громко, как только мог, но дул встречный ветер, и никто ничего не услышал. Так и пришлось, на радость детям, ползти почти до околицы, к протоптанной тропке.

— Где староста? — спросил «Гейне», приближаясь к толпе ребят. Он не был уверен, что в деревне нет немцев. Но дети не поняли вопроса и молчали.

— Где председатель? — снова спросил «Гейне».

— Там, там, — оживленно замахали мальчишки в сторону деревни и проводили его до нужной избы.

Увидев пришельца, председатель сильно удивился. И было от чего. «Гейне» выглядел странно: промокшее штатское пальто и финская кепочка, брюки на коленях разорваны. Почувствовав недоверие к себе, Александр объяснил, что этой ночью был

сброшен с нашего самолета, вел обнаружение и преследование диверсанта, который, по данным разведки, был ранее заброшен в наш тыл с немецкого самолета.

— Я и вправду слыхал ночью шум моторов, — протянул председатель, внимательно разглядывая «Гейне».

— Конечно, — обрадовался Александр неожиданному подтверждению своих слов. — Поэтому я должен срочно сообщить о себе в райотдел НКВД.

— Ну, работает отдел в Арефино, в райцентре, пешком не дойдешь, а лошадей дать не могу, их мало, и те хилые все, — сказав это, председатель отвернулся, тем самым подчеркивая, что разговор окончен.

«Гейне» мягко, но достаточно настойчиво повторил свою просьбу, пояснив, что дело государственной важности и проволочки не терпит.

Во время разговора с председателем в избу успело набиться все деревенское население. После повторной неудачной попытки договориться в разговор вклинилась одна разбитная бабенка.

— Что вы на него смотрите? Кончать надо этого диверсанта, в истребительный батальон его надо отправить, — кричала она громко и с чувством. — Что стоите? Бейте его! — И толпа подалась вперед, к Александру.

Тут Демьянов схватился за карман, хотя пистолета у него уже не было, он, очевидно, выпал во время неудачного приземления. Однако столь выразительный жест охладил толпу, в основном состоявшую из женщин. А председатель, видя такой поворот дела, согласился отправить его в Арефино, пока беды не случилось.

В райотделе Александр Петрович сообщил свой псевдоним и рассказал, что ночью был сброшен с немецкого самолета, а также подробно описал внешность Краснова, который должен был оказаться в этом же районе. Он попросил сообщить о своем прибытии в Москву.

К рассказу и просьбе «Гейне» отнеслись очень серьезно, и ответ из столицы не заставил себя долго ждать. Поступил приказ немедленно доставить Демьянова Александра Петровича в Ярославль. Тут же, в Арефино, ему оказали медицинскую помощь, так как поврежденное колено давало о себе знать.

В Ярославле Александра встретили очень тепло, и радость возвращения переполнила его. «Гейне» ощутил невероятный прилив энергии, ему не терпелось продолжить важное задание. Это было лишь начало нити, которую предстояло проверить на прочность…

Из Ярославля, в сопровождении сотрудников контрразведки. Демьянова отправили на машине в Москву.

Домой «Гейне» вернулся в отличном настроении. Отдохнул и ощутил себя обновленным, возмужавшим. Появилась уверенность, собранность человека, готового к новому прыжку, это был азарт опасной игры.

Через несколько дней после возвращения стало известно, что Краснова задержали. Сообщение обрадовало и еще больше уверило «Гейне» в правильности выбранной тактики.

Первое время Александр Петрович писал отчет о своем пребывании у немцев. Он не выходил из дома, так как немцы, зная его адрес, могли следить за домом, чтобы проверить время его возвращения. Слишком быстрое без проверок возвращение могло вызвать подозрения.

Через две недели «Гейне» впервые вышел в эфир. Связь с немцами состоялась.

К этому моменту у Александра уже была заготовлена дезинформация, согласованная с командованием Красной Армии. Она касалась в основном передвижения советских войск. Он также сообщил, что собранная им рация работает плохо и что для общего важного дела организация должна иметь новую, заводскую рацию. Он также просил снабдить «Престол» оружием, деньгами и запасными частями к имеющейся рации, хотя бы на первое время.

Свои радиограммы немцам «Гейне» подписывал новым псевдонимом «Доктор». Этот псевдоним был выбран Александром вместе с германскими офицерами, знавшими, что тесть Демьянова — профессор медицины, практикующий на дому.

После удачного радиоэфира «Гейне» решил, что пора навестить главу «Престола» Садовского.

Встречен Александр был восторженно. Он подробно рассказал Садовскому о своих приключениях, о том, как он, перейдя линию фронта, был задержан немцами, подвергнут допросу и потом доставлен в Смоленск. где после почти месячного пребывания снова подвергся самым тщательным допросам и проверке. Рассказал, что выполнил задание Садовского, сообщив немцам о существовании монархической организации, связанной с кругами, ведущими антисоветскую деятельность и желающими оказать содействие великом Германии. Что организация согласна проводить в советском тылу подрывную работу, предложенную германским командованием. Слушая «Гейне», Садовской на глазах раздувался от гордости и величия. Он был чрезвычайно доволен собой, своим помощником, открывающимися перспективами. Александр также сообщил об успешном сеансе связи и о том, что проинформировал немецкую сторону о нуждах организации. Теперь оставалось только ждать

гостей с той стороны.

«Гостей» с нетерпением ждали не только в организации «Престол», но и в 4-м Управлении Наркомата внутренних дел.

Курьеры с немецкой стороны не заставили ждать себя слишком долго.

Глава седьмая
ДОЛГОЖДАННЫЕ «ГОСТИ»

Александр Петрович только что вернулся домой со встречи с Маклярским и Щорсом Игорь Александрович Щорс. Родился в 1915 году в Елизаветградской губернии. Окончил Житомирский горный техникум и в 1940 году Ленинградский горный институт, после чего был призван на работу в органы госбезопасности и направлен на учебу в Школу особого назначения (разведка), которую окончил накануне Великой Отечественной войны.

С июня 1941 года — сотрудник Особой группы, а затем Второго отдела НКВД СССР. В 1942 году — начальник отделения Четвертого (диверсионно-разведывательного) управления НКВД.

Разведка и контрразведка в лицах. Энциклопедический словарь российских спецслужб / Автор-сост. А. Диенко. М., 2002. С. 562— 563.]. С ними он обговорил детали приема долгожданных гостей, которые по всем признакам должны были скоро появиться. В план операции по приему агентов была посвящена и жена «Гейне».

Жены дома еще не было. Демьянов вышел на балкон. Стояла осень 1942 года. Ее краски были разбавлены приметами военного времени (бумажные кресты на заклеенных окнах, бомбоубежища и такие непривычные в небе столицы аэростаты). Стройные и гибкие молодые березки росли у входа бомбоубежища, расположенного рядом. Они роняли на асфальт золотые листья.

Неожиданно Александр Петрович увидел птиц. Неужели показалось. Нет… Высоко в безоблачном небе пролетал клин запоздалых журавлей.

«Откуда они взялись? — подумал Демьянов. — Война, разруха, а у природы, видно, свои законы, законы жизни». Журавлиный клин то скрывался за высокими зданиями, то снова появлялся. Александр любовался птицами, пока клин не исчез из виду.

Его мысли вернулись к реальности, «Гейне» стал обдумывать свое поведение с «гостями» с той стороны. Вчера тесть сообщил Демьянову, что к нему на прием заходили два незнакомых человека и сказали, что пришли по рекомендации Александра Петровича. По плану проводимой операции профессор был в курсе дел зятя и сразу понял, что это за «пациенты». Сегодня вечером он обещал проводить этих гостей к дому Демьяновых.

Спустя час раздался резкий звонок в дверь. «Гейне» решительным шагом прошел в прихожую и отворил дверь. На

пороге стояли два человека в форме Красной Армии, один в чине старшины, другой — младшего лейтенанта.

— Александр Петрович? — спросил офицер.

— Да, прошу, проходите.

— Мы зашли к вам привет передать от наших общих друзей, — выпалил скороговоркой старшина и лукаво улыбнулся. Видимо, он был очень доволен тем, что так четко и без запинки назвал пароль.

— Конечно, конечно, — улыбаясь в ответ, произнес «Гейне», — проходите, поговорим.

Пройдя в комнату, гости представились. Младший лейтенант оказался Станкевичем, старшина представился Шакуровым.

— Мы одни в квартире? — спросил Шакуров и, получив утвердительный ответ, похлопал рукой по солдатскому вещевому мешку, который лежал у его ног. — Здесь блокноты для шифрования, деньги и запасные батареи к рации.

В разговоре выяснилось, что «гости» принесли и новую рацию. Но после приземления, добравшись до Москвы, они сдали ее в камеру хранения на Курском вокзале, замаскировав тряпьем.

Вдруг послышался звук открываемого замка. Станкевич и Шакуров насторожились и замерли, а Шакуров машинально скользнул рукой к кобуре, висевшей на поясе.

— Это жена вернулась, — как можно спокойнее сказал гостям «Гейне».

Через пару минут в комнату действительно вошла жена «Гейне» — Татьяна Борисовна. Мужчины встали и поклонились, хотя не слишком галантно. Демьянова в ответ улыбнулась.

— Танюша, — сказал Александр Петрович, — у нас гости. Не собрать ли что-нибудь на стол?

Кивнув, Татьяна Борисовна ушла на кухню. Засуетились и гости. Они стали доставать из своего вещмешка советские солдатские пайки.

— Вы наши гости, ничего не надо, — остановил их Демьянов, — вам и самим это пригодится. А вот деньги я возьму. Сколько вы привезли?

— Десять тысяч, — ответил Станкевич и протянул «Гейне» внушительную пачку, упакованную в бумагу. Деньги предназначались для «Престола».

— А как у вас с документами? — спросил Демьянов, на этот раз совершенно серьезно.

— Нормально, — ответил Станкевич, — на Курском вокзале нарвались на патруль, проверили документы, все оказалось в полном порядке.

— Это радует, — заметил Александр Петрович.

В дальнейшей доверительной беседе прибывшие сообщили «Гейне» как немецкому резиденту в Москве, что цель их прибытия состоит не только в том, чтобы передать для организации «Престол» рацию, деньги и шифры, но и в проведении диверсионной работы в столице, сборе шпионских сведений, установлении, если удастся, контактов с антисоветски настроенными людьми в Москве. В комнату вошла Татьяна Борисовна и пригласила всех к столу.

Угощая курьеров, «Гейне» держался спокойно и естественно, незаметно направляя их на нужную тему. Умело расположив гостей к себе, не допускал панибратства и взял на себя роль тамады на вечер: все время провозглашал тосты и следил за тем, чтобы рюмки гостей не были пустыми.

В разгар трапезы Александр Петрович встал и произнес тост: «За нашу скорую победу». Жена с жаром поддержала мужа, внимательно посмотрев на него. Гости тоже не отказались от предложения выпить «за победу», хотя уже еле держались на ногах.

Вскоре «Гейне» спросил посланцев, где те остановились, и, не получив вразумительного ответа, предложил переночевать у него, тем более что близился комендантский час и необходимых специальных пропусков для передвижения по городу у них не было. Гости легко согласились с Александром Петровичем, решив, что в его квартире они будут в наибольшей безопасности.

Спустя некоторое время курьеры немецкого рейха крепко спали — сказалось количество выпитой водки и действие снотворного, подмешанного в нее. Убедившись, что гостей теперь ничем не разбудишь, погасив свет, Демьянов поднял штору затемнения, немного приоткрыл окно, затем снова закрыл. На диване безмятежно похрапывали Шакуров и Станкевич.

Тихо звякнул входной замок. В комнату осторожно вошли три человека. Немецких курьеров обыскали, сфотографировали, патроны в их пистолетах «ТТ» заменили холостыми. Вся операция произошла в считаные минуты и без малейшего шума. Пожелав хозяевам спокойной ночи, посетители быстро удалились.

Убрав со стола следы «пирушки», «Гейне» с женой отправились отдыхать. Уже в спальне, прижавшись к мужу, Татьяна Борисовна призналась:

— Я очень боялась, до сих пор руки трясутся…

— Совсем не заметно, — пошутил Александр Петрович.

— Я боюсь за тебя, Саша. Демьянов нежно поцеловал жену:

— Спи спокойно, теперь все уже позади. А хочешь, я тебе почитаю?

Он приподнялся на локте и достал с полки над кроватью

толстую, в клеенчатой обложке тетрадь. Устроившись поудобнее, Александр стал листать исписанные листы, ища что-то определенное.

Таня знала, что в эту заветную тетрадку муж выписывает понравившиеся ему цитаты из прочитанных книг, и приготовилась слушать, положив голову на его плечо.

Наконец Александр Петрович нашел, что искал, но, заметив закрытые глаза жены, тихо опустил руку с тетрадью и хотел погасить свет. Таня сделала протестующее движение рукой, прошептала:

— Читай.

Александр с сомнением глянул на жену, поцеловал ее в переносицу и, понизив голос, произнес:

— Это напутствие русской императрицы Екатерины II, по происхождению немки, своим подданным, выезжающим за границу: «Молодых людей, еще не окрепших в священной любви к Отечеству, нельзя выпущать в Европу, ибо ничего толком в целях ее не распознав, они там едино лишь пенки вкусные с чужих тарелок слизывают…»

Что хотел сказать этим Александр. Таня не поняла, она уже спала… Демьянов погасил свет…

Когда гости проснулись утром, кофе был готов и его аромат распространялся по квартире.

Почувствовав этот запах, менее сдержанный Шакуров, потирая руки, воскликнул:

— Sehr gut! [11]

После легкого завтрака курьеры отправились погу-. лять по Москве и, как они говорили, «пивком поправить головы».

— Доброго пути, — напутствовал их Александр Петрович, хотя знал, что путь их будет не очень добрым.

Выйдя из подъезда, мужчины направились в центр города. Они прошлись по улице Горького, старательно козыряя встречным патрулям, зашли в здание Центрального телеграфа, где Шакуров завел разговор с какой-то женщиной. Станкевич же, покинув Шакурова, двинулся в сторону Белорусского вокзала. В сводках наружного наблюдения Станкевич получил кличку «Длинный», а Шакуров — «Лысый».

Из сводки наружного наблюдения за объектом «Длинный»:

«Выйдя из здания телеграфа, где купил открытку с видом Московского Кремля, по улице Горького объект дошел до Елисеевского магазина. Зайдя в магазин, потолкался у рыбного, затем мясного отделов и, пройдя в винный отдел, внимательно

осмотрелся и стал наблюдать за посетителями. Особенно привлекали его внимание военные и выпившие покупатели. Выйдя из магазина, объект прогулочным шагом отправился в сторону Белорусского вокзала. Увидев магазин „Пионер“, зашел туда, внимательно осмотрел товар с пионерской символикой и, ни с кем не встречаясь, вышел из магазина и продолжил путь к вокзалу.

Дойдя до вокзала, вошел в здание, обратился в справочную за справкой о расписании движения поездов в сторону Смоленска. В залах ожидания внимательно осматривался, видимо, считал военных. Обойдя все залы, вышел на перрон Белорусского вокзала. На перроне вел себя активно, все время перемещаясь, подсчитывал и рассматривал эшелоны, уходящие в сторону фронта.

В 13.54 вернулся в здание вокзала, прошел в буфет, купил две бутылки пива и три бутерброда с колбасой. Прошел к столику возле окна, из которого был виден перрон, и, сев за него, приступил к еде.

В 14.50 покинул буфет и вернулся на перрон, где продолжил свои наблюдения.

В 15.00, в соответствии с полученными инструкциями, был очень тихо арестован и доставлен на Лубянку. Объект «Длинный» помещен во внутреннюю тюрьму на Лубянке».

Из сводки наружного наблюдения за объектом «Лысый»:

«Находясь на Главпочтамте вместе с „Длинным“, стал заигрывать с молодой, симпатичной и очень хорошо одетой блондинкой, которая стояла в очереди, чтобы послать телеграмму. После ухода „Длинного“ объект продолжил разговор с женщиной, что, видимо, нравилось последней, так как она смеялась. После отправления телеграммы № 1642 в военный госпиталь г. Омска девушка написала что-то на испорченном телеграфном бланке и передала „Лысому“, после чего удалилась, помахав ему рукой и громко произнеся: „До встречи“. Блондинка была взята под наблюдение.

После выхода из здания телеграфа женщина зашла в магазин «Ткани», который расположен напротив. Внимательно осмотрев продаваемый товар, но так ничего и не купив, вышла из магазина и пошла пешком, больше никуда не заходя. Добравшись до дома № 31 по Бутырскому валу, вошла в первый подъезд, поднялась на третий этаж и вошла в квартиру № 9, открыв ее своим ключом.

Выйдя с телеграфа через 5 минут после ухода блондинки, объект «Лысый» покрутился по магазинам, находящимся рядом, нашел пивной ларек и пристроился возле него. Спустя час стал спрашивать у прохожих, как добраться по нужному адресу, показывая при этом бумажку, полученную от девушки. После

долгих расспросов отправился в ту же сторону, куда ранее ушла блондинка. По дороге объект заходил в три продуктовых магазина, покупал водку, консервы, спрашивал везде конфеты, но не нашел. Дошел до Бутырского вала, не торопясь пошел по улице, сверившись с запиской. Около дома № 31 остановился, осмотрелся и направился к первому подъезду, где его уже ждали оперативные сотрудники. Арестован бесшумно в подъезде, в соответствии с полученными инструкциями. Отправлен на Лубянку. Объект «Лысый» помещен во внутреннюю тюрьму на Лубянке».

Позднее блондинку, разговаривавшую с «Лысым», проверили. Оказалось, что она **Еникеева Марина Сергеевна,** 1922 года рождения, уроженка Москвы, проживает по адресу: Бутырский вал, дом 31, квартира 9. Живет вместе с матерью — Еникеевой Ниной Борисовной, 1901 года рождения, муж которой после ранения на фронте находится в госпитале города Омска. Еникеева Марина Сергеевна не замужем, работает швеей в ателье массового пошива № 16.

В то время, когда «гости» «Гейне» совершали прогулку по городу, в 4-м Управлении НКВД СССР шла обычная будничная работа. За подписью начальника 4-го Управления П.А. Судоплатова был подготовлен рапорт на имя Л.П. Берии, в котором сообщалось о прибытии в Москву немецких курьеров и отмечалось, что ближайшей перспективой дальнейшей разработки оперативного дела «Монастырь» является подготовка повторного ухода «Гейне» за линию фронта для его внедрения и работы на оккупированной территории.

На этом рапорте Берия поставил резолюцию: «В отношении Станкевича и Шакурова подготовьте доклад в ГКО товарищу Сталину».

Интерес к разворачивающимся событиям был необычайно велик, даже на самом верху. Все понимали серьезность и значительность начатого дела. Многие пункты плана агентурно-оперативных мероприятий по операции «Монастырь», утвержденного еще 27 августа 1942 года народным комиссаром НКВД СССР Л.П. Берией, были выполнены. Таким образом, все крепче натягивались нити, связывающие игроков. Весь план состоял из трех частей, каждая из которых включала в себя несколько пунктов.

В первой части плана намечалось пробудить интерес в Берлине к «Монастырю», а также добиться согласия германской разведки на посылку к ним постоянного представителя организации «Престол».

Во второй части плана перечислялись мероприятия, необходимые для выполнения поставленных задач: дальнейшие

контакты «Гейне» с Садовским; установление регулярной радиосвязи с германским разведывательным Центром в Смоленске; посылка радиодепеш с военно-политической дезинформацией, согласованных с руководством Красной Армии.

Эти пункты плана уже успешно выполнялись благодаря «Гейне» и оперативным сотрудникам, работавшим над операцией «Монастырь». Был также выполнен и один из пунктов плана, в котором намечалась постановка перед немцами вопроса о снабжении «Престола» необходимой техникой и о финансировании.

Предстояло решить вопрос о переправке немцами агитационных материалов для ознакомления с содержанием листовок и о направлении в Москву постоянных немецких представителей — для освещения ими на месте обстановки и для координации действий.

В третьей части плана предусматривалась возможность о перевербовке «Гейне» германской разведкой после его вторичной заброски в немецкий тыл.

Учитывая всю сложность и ответственность операции «Монастырь», разработали комплексное агентурное наблюдение за Демьяновым-«Гейне». По русской пословице: «Доверяй, да проверяй». Предусматривалось использование всех оперативных сил и средств, все виды технического наблюдения, включая постоянный радиоконтроль за радиостанцией «Гейне».

Естественно, что Александр Петрович не знал о третьей части плана операции. Этот комплексный план «Монастыря» был подписан Мельниковым — заместителем начальника 4-го Управления, Маклярским, давно и постоянно работавшим с «Гейне», а также начальником 4-го Управления НКВД СССР Судоплатовым. Утвержден же план был, как уже говорилось, Л.П. Берией.

Вернемся к нашим «гостям», которые совершенно для себя неожиданно оказались в тюрьме.

С арестованными Станкевичем и Шакуровым провели индивидуальную вербовочную работу.

В результате работы Станкевич легко пошел на контакт и согласился сотрудничать с органами государственной безопасности, даже радуясь этому обстоятельству. Он подробно рассказал о себе, о том, что был завербован немцами, попав в плен. В концлагере Станкевич очутился после того, как его нашли на поле боя без сознания. Он дал согласие на учебу в немецкой разведшколе, думая, что сможет вернуться на Родину, а после переброски на советскую территорию явится с повинной. Однако, оказавшись в Москве, с повинной не пришел, так как боялся

Шакурова и помнил его рассказы о том, что за работу на немцев будет обязательно расстрелян.

Шакуров на вербовку не соглашался, и выпускать его было очень опасно.

Станкевич под контролем сообщил немцам по рации, что они с Шакуровым благополучно прибыли в Москву, но Шакуров повредил ногу при приземлении.

Так как прибывшие в Москву курьеры должны были вернуться обратно к немцам спустя 3—4 месяца, сотрудники НКВД решили скомпрометировать Шакурова в глазах немецкого командования. Для этого «Гейне» в одной из своих передач сообщил немцам, что Шакуров ничего не хочет делать, трусит, много пьет, и запросил дальнейших указаний по этому поводу. В ответ немцы прислали следующую радиограмму: «Шакуров становится для нас опасным. Любыми средствами, без сентиментальности — уничтожить. Передайте, как с этим справитесь». Через несколько дней немцы получили очень короткую депешу от «Гейне», в ней было всего два слова: «Шакуров уничтожен». Произошло это позже, в конце ноября 1942 года. Судьба первых курьеров была изложена в докладной записке в ГКО СССР на имя И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.П. Берии, подписанной заместителем наркома внутренних дел НКВД В.Н. Меркуловым.

Глава восьмая
ОЧЕРЕДНОЙ ВИТОК РАДИОИГРЫ

7 октября 1942года в Москву явились еще два Курьера германской разведки. Органами государственной безопасности они также негласно были арестованы, а затем привлечены к сотрудничеству без освобождения из-под стражи. В дальнейшем радиоигра с немцами проводилась по двум направлениям. С одной стороны — донесения немцам передавались с радиостанции «Гейне» от имени монархической организации «Престол», с другой — от имени прибывших 7 октября диверсантов.

Ими оказались: **Злобин Иван Степанович,** бывший инструктор физкультуры, а после оккупации города Борисова — член контрразведывательной организации «Белорусская громада» и агент германской разведки;

Шалаев, бывший слесарь завода НКАП (Наркомата авиационной промышленности) в Москве, отказался от эвакуации из Москвы, подлежал призыву в Красную Армию, но скрывался по подложным документам в течение четырех месяцев. В январе 1942 года был призван в армию, а в марте того же года сдался в плен немцам в районе города Ржева. Завербован в германскую разведку 16 апреля 1942 года.

Злобин и Шалаев были сброшены с самолета в районе станции Лихославль Калининской области и прибыли с заданием передать «Гейне» радиопередатчик, двадцать тысяч рублей и «свежие» фиктивные документы для ранее прибывших курьеров — Станкевича и Шакурова. Вместе с этим Злобин и Шалаев имели указание обосноваться в Москве для сбора шпионских сведений и передачи их по рации.

Перед арестом Злобин и Шалаев успели сообщить своим хозяевам о благополучном прибытии и о начале выполнения задания.

На допросах Шалаев признался, что еще до призыва в армию в Москве на заводе НКАП был связан с группой лиц, совместно с которыми вел антисоветскую работу. После прибытия в столицу по заданию немецкой разведки ему удалось связаться с этой группой и получить их согласие на сотрудничество по сбору секретных сведений. Связанные с Шалаевым и привлеченные им к работе четыре человека были арестованы органами государственной безопасности по его показаниям.

Шло время. «Гейне» продолжал систематически выходить на

связь с немцами. Он сообщал координаты местности для приземления парашютистов и количество костров, служивших ориентиром.

18 декабря 1942 года Александр Петрович получил немецкую радиограмму, в которой сообщалось о награждении его и Станкевича, все еще находившегося в Москве, «Орденом с мечами за храбрость» 2-й степени. В ответ было послано сообщение от имени обоих награжденных с благодарностью и обещанием «еще больше и лучше работать для победы над общим врагом».

В следующей радиограмме «Гейне» сообщил, что организации «Престол» удалось привлечь на свою сторону видного работника НКПС (Народный Комиссариат путей сообщения), который может снабжать организацию сведениями о передвижении армейских частей и военной техники по железной дороге. Однако было оговорено, что для налаживания такой работы «Престолу» необходима крупная сумма денег — 500 000 рублей. Немцы, весьма заинтересованные в получении стратегически важных данных, ответили согласием передать нужную сумму.

Наступил новый, 1943 год. 12 января рация, на которой работали Злобин и Шалаев, приняла следующее торжественное послание: «За вашу храбрость вы награждены „Орденом с мечами за храбрость“ 2-й степени. Приветствуем вас с награждением. Ожидаем с радостью день, когда сможем вручить вам лично эти награды».

19 января 1943 года на квартиру Демьянова явился очередной посланец с той стороны. Он доставил Александру Петровичу 266 000 рублей и новые документы для Станкевича, работающего с «Гейне». Курьер сообщил, что прибыл в Москву не один, вчера, 18-го числа, их вдвоем с напарником сбросили с самолета в районе города Ванева Тульской области. Второй агент должен был выйти на связь со Злобиным и Шалаевым.

Прибывшего «гостя» взяли под наружное наблюдение органы госбезопасности, чтобы выйти на второго диверсанта. Встреча напарников состоялась довольно скоро, через 2 часа после ухода первого от «Гейне». Выбрав удачный момент, оперативные сотрудники очень тихо провели задержание сразу обоих курьеров.

При обыске у второго агента немецкой разведки были изъяты сто тысяч рублей, предназначавшихся Злобину и Шалаеву.

В ходе дальнейшей работы Злобин сообщил немцам, что у него есть возможность организовать явочную квартиру. На самом деле квартира была подготовлена органами госбезопасности, в нее вселился оперативный работник 4-го Управления НКВД.

Наживка была заброшена, оставалось только ждать.

Чтобы не дать немцам возможности вызвать Шалаева в

Смоленск и еще больше вовлечь их в игру, 22 февраля по рации Злобина немцам было передано, что Шалаев может покинуть Москву и обосноваться в Челябинске.

Первого марта на явочную квартиру прибыл очередной агент, доставивший для Злобина двести тысяч рублей, запасные батареи для радиостанции и продовольствие, которого было очень мало в военной Москве. Немцы заботились о своей агентуре, которая, по их мнению, очень хорошо работала в советской столице.

По просьбе прибывшего агента, а также для проверки искренности Злобина в сотрудничестве с органами государственной безопасности и выяснения, какие еще цели преследовал новый гость, помимо уже известных, была устроена встреча Ивана Степановича Злобина с немецким курьером на явочной квартире. Встреча состоялась один на один, для контроля использовалась оперативная техника.

Прибывшим агентом оказался Сорокин, уроженец города Москвы, 27 сентября 1942 года попавший в плен к немцам в районе города Вязьмы. 5 февраля 1943 года он был завербован для шпионской работы против СССР. Окончил Катынскую школу германской разведки. Сброшен на парашюте в Зарайском районе Московской области 27 февраля 1943 года.

Сорокин должен был помочь Злобину в сборе шпионских сведений, установить местонахождение лагерей для военнопленных немцев и через два месяца вернуться обратно в Смоленск. Эта информация подтвердила версию советской разведки, что смоленский аэродром используется для взлета немецких самолетов, с которых германские агенты забрасываются в советский тыл и, в частности, в Москву.

Для выяснения намерений германской разведки в отношении пленных немцев, а также для отсрочки возвращения Сорокина в Смоленск был сделан следующий ход: немцам по рации Злобина сообщили, что у Сорокина появилась возможность устроиться сотрудником охраны Тамбовского лагеря для военнопленных.

16 апреля немцы радировали: «В ближайшие дни курьер доставит все, что вам нужно, а также документы для Шалаева. С их получением пусть он срочно едет в Челябинск и подготовит все для радиста, который прибудет позже прямо к нему. Мы пришлем вам надежного курьера».

23 апреля Злобин принял радиограмму, в которой немцы одобрили планы Сорокина и обещали прислать ему в помощь девушку-радистку для прямой связи из Тамбова.

Спустя пять дней, 28 апреля, на явочную квартиру прибыл очередной немецкий посланец и, не застав там Злобина, потребовал *свидания* с ним у находящегося там оперативного

сотрудника, принимая его за помощника.

На следующий день встреча состоялась.

Курьер доставил Злобину деньги — 415 000 рублей, кварцы для передатчика и погоны старшего лейтенанта Красной Армии для Шалаева. При нем было письмо от руководителя Катынской разведшколы, в котором сообщалось, что курьер должен немедленно вернуться обратно.

Прибывший назвал себя Рыбиным, рассказал, что он бывший московский милиционер, перебежал к немцам в 1942 году, состоял на службе в германской разведке под кличкой «Шурин». Его, как и всех, сбросили с самолета, произошло это 26 апреля в районе станции Лаптево Рязанской области.

Проверкой Наркомата государственной безопасности, вновь созданного в апреле 1943 года, было установлено, что настоящая фамилия курьера — Бабченко и он числится дезертиром с сентября 1942 года.

Руководство 4-го Управления Наркомата государственной безопасности СССР, которое работало над операцией «Монастырь», приняло решение Рыбина-Бабченко не арестовывать. Злобин пристроил его на специально подобранную квартиру. Бабченко был взят под постоянное специальное наблюдение.

В это время последовал очередной виток оперативной игры с германской разведкой, уже было арестовано 8 агентов противника и 7 их пособников, изъято более миллиона советских рублей. Однако основная цель «Монастыря» — проникновение нашей агентуры в Берлин — пока достигнута не была.

Руководство Наркомата государственной безопасности (НКГБ) СССР подготовило **очередную докладную записку в Государственный Комитет Обороны (ГКО) об оперативной игре «Монастырь».** В ней говорилось:

«НКГБ СССР считает целесообразным:

Продолжать использовать существующую легенду о монархической организации «Престол» и радиоигру с немцами через «Гейне» и Злобина для осуществления основной задачи разработки — проникновения нашей агентуры в Берлин.

Для закрепления перед германскими курьерами «Гейне» и Злобина и легенды в целом Рыбина-Бабченко аресту не подвергать и дать ему возможность вернуться к немцам. Использовать благополучное возвращение Рыбина-Бабченко для постановки в ближайшем будущем от имени «Престола» перед немцами вопроса о направлении в Москву видного представителя германских разведывательных органов.

Одновременно с этим поставить перед немцами вопрос о посылке в Берлин «для переговоров» «видного» представителя организации «Престол», пароль которого подготовить проверенного агента НКГБ СССР с задачей внедрить его в центральные разведывательные органы противника».

Рации продолжали работать. Передачи *велись или* из леса, или из разных районов Москвы. Молчание. Терпение. Ожидание нового кода, присылаемого немцами как удачного хода военной игры. Бесконечно длинные ночи в ожидании летной погоды, удобной для высадки парашютистов.

Главной целью и сутью игры с немецким командованием была постоянная передача противнику дезинформации, которая готовилась, а затем умело использовалась Генеральным штабом Красной Армии для борьбы с врагом.

У немцев эти радиограммы подвергались тщательному изучению специалистами, и выдать им ложный материал за правду была задача не из легких. Приходилось продумывать ходы на несколько шагов вперед, ставя себя на место противника и пытаясь понять логику его мышления. Естественно, что содержание передаваемых радиограмм увязывалось с конкретными возможностями «Гейне» *по добыванию* той или иной информации, которые хорошо были известны немецкой разведке. Радиограммы «Гейне», краткие и лаконичные по содержанию, касались главным образом перевозок воинских частей, военной техники, боеприпасов, снаряжения и других военных материалов из тыловых районов страны на фронт по железной дороге. Понятно, что эти сообщения позволяли определить немецкому командованию планируемые нашими войсками наступательные операции.

Однако органы государственной безопасности предполагали, что кто-то, им неизвестный, также ведет наблюдение за железной дорогой. Поэтому воинские эшелоны маскировались, а ложные составы, где под брезентом вместо орудий, танков и другой техники были бревна, ящики и другие элементы маскировки, шли по маршрутам, указанным в телеграммах «Гейне». В отдельных случаях, когда это было нужно и выгодно командованию Красной Армии, немецкий абвер получал от «Гейне» реальные сведения целевого назначения.

Характерной в этом отношении стала информация, передаваемая через «Гейне» перед началом Сталинградской и Курской битв.

Верховное немецкое командование было введено в заблуждение сведениями «Гейне» о планах советского командования в январе—феврале 1943 года в ходе

наступательной операции и Сталинградской битвы, которая затем получила кодовое наименование «Кольцо». Он также сообщил в Берлин, что готовится наступление советских войск в районе Ржева и на Северном Кавказе. И действительно, советские войска провели наступательную операцию на Ржевско-Вяземском плацдарме 2—31 марта 1943 года, имеющую важное стратегическое значение. В результате Ржевско-Вяземской операции 1943 года, где было сосредоточено *2* /з группы армий «Центр», противник был окружен и разгромлен, что позволило отодвинуть линию фронта от Москвы еще на 130—160 км. Были освобождены города Ржев, Гжатск, Сычевка, Белый, Вязьма. Относительно летней кампании 1943 года «Гейне» сообщал немецкой разведке, что советские войска имеют большие резервы юго-восточнее Курска, но эти резервные части недостаточно маневренны, в связи с чем затруднено их использование. Он также информировал немцев о том, что советское командование планировало осуществление военных операций севернее Курска и на Украине. Переход советских войск к стратегической обороне, а затем и к наступлению в районе Курска и Орла оказался для немцев неожиданным. В разыгравшейся в 1943 году Курской битве, частью которой являлась Орловская операция 1943 года, участвовало свыше 4 миллионов человек и огромное количество техники с обеих сторон, битва закончилась для гитлеровцев полным поражением. В результате поражения немецких войск под Курском немецкий план «Цитадель» окончательно рухнул.

Значение победы советских войск под Курском трудно переоценить, после нее и с выходом советских войск к Днепру наступил коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. Стратегическая инициатива перешла в руки Красной Армии.

Естественно, в шифровках «Гейне» не было развернутых описаний военных операций Красной Армии, стратегических замыслов советского Генерального штаба. Радиограммы содержали, как выражаются в разведке, фрагментарные, отрывочные, но конкретные сведения, обобщенный анализ которых позволял германской разведке готовить свои ориентировки. Как это выглядело? Например, немцам сообщалось: «Прибывший из Калининграда родственник нашей квартирной хозяйки видел направлявшиеся на Москву по шоссейной дороге мотомеханизированные части» или «Лицо, связанное с НКПС (Народный Комиссариат путей сообщения), сообщило, что за последнее время с востока в направлении Ельца прошло много пехотных частей, танковых бригад и артиллерии».

Рации «Гейне» и Злобина служили своеобразной приманкой, с

помощью которой чекисты заманивали на нашу территорию немецких агентов, а те, как бабочки на свет, слетались в Москву. Всех их арестовывали. Однако для подстраховки решили запросить у немцев ночные пропуска для организации «Престол». Органы госбезопасности рассчитывали пометить полученные документы, что помогло бы следить за ночными передвижениями членов организации. «Гейне» передал эту просьбу по своей рации, вскоре немцы радировали, что документы готовятся. Сидя по ночам в городе или в лесу, Александр Петрович в ожидании позывных думал о своей жизни. Фильтруя события последнего времени, он приходил к выводу, что выбрал верную жизненную дорогу. Ему нравилось сравнивать себя с маленькой звездочкой, глядя на ночное небо. Она совсем неприметна на большом небосводе, но без этой маленькой звездочки картина была бы иной.

Глава девятая
«ПРЕСТОЛ» — ПРИМАНКА ДЛЯ НЕМЦЕВ

Монархическая организация «Престол» приобрела еще одну явочную квартиру, на которой также постоянно находился сотрудник Наркомата государственной безопасности. На немцев работали уже три «нелегальные» радиостанции («Гейне», Станкевича и Злобина), которые передавали «важную стратегическую информацию».

Курьеры германской разведки все чаще прибывали в Москву. После возвращения к немцам Рыбина-Бабченко доверие к московским агентам со стороны гитлеровцев значительно укрепилось.

Германские разведчики с первой встречи рекомендовали «Гейне», чтобы «Престол» пропагандировал национал-социализм, а по существу — немецкий фашизм, и эти рекомендации переросли в требования. Немцам очень хотелось расширения организации, создания ячеек за пределами Москвы, в разных регионах СССР, о чем они не уставали напоминать в своих посланиях.

«Гейне» радировал, что члены организации есть не только в Москве, но и в других городах, после чего немцы потребовали сообщить адреса и пароли этих людей для направления курьеров в Ярославль, Муром или Рязань.

Чтобы не вызывать подозрений и лишить немцев возможности засылать свою агентуру в интересующие их районы, им сообщили, что в перечисленных городах людей из «Престола» нет.

Есть возможность принять курьеров только в городе Горьком. Немцев такой ответ вполне удовлетворил.

К этому моменту оперативная игра «Монастырь» проводилась широким фронтом. Легендированная организация «Престол», базируясь в Москве, уже имела свои опорные пункты, созданные органами государственной безопасности, в других городах. Они представляли собой явочные и конспиративные квартиры со специально подготовленной агентурой. Причем города для ячеек «Престола» подбирались с таким расчетом, чтобы их дислокация представляла безусловный интерес для германской разведки. В их число входили Горький, Свердловск, Челябинск, Новосибирск.

Расширение радиоигры «Монастырь» заставило чекистов расширять и укреплять «Престол», готовить все новых агентов к приему многочисленных «гостей» из-за линии фронта и работе с

ними.

Подготовка к приему курьеров в Горьком началась еще осенью 1942 года. 18 ноября была отправлена секретная телеграмма-молния начальнику Управления НКВД по городу Горькому Н.В. Сироткину, в которой для приема немецких курьеров предлагалось срочно подготовить квартиру.

В Москве в это же время началась подготовка оперативника, который должен был представлять «Престол» в Горьком.

Уже 30 ноября был получен ответ из Горького на имя начальника 4-го Управления НКВД П.А. Судоплатова за подписью Н.В. Сироткина. В ней, в частности, говорилось: «В качестве явочного пункта в городе Горьком нами подготовлена квартира агента НКВД „Козловой“, оборудованная оперативной техникой и сигнализацией.

«Козлова» (Иевлева) Наталья Сергеевна, 1910 года рождения, русская, беспартийная, преподаватель пения, духовного происхождения. С органами НКВД сотрудничает с 1937 года, характеризуется положительно. По вашему плану «Козловой» отводится только роль по приему курьера.. Разговор по существу поручений немцев должен будет вести ваш сотрудник, который представится курьеру в качестве члена организации «Престол».

Дополнительно о «Козловой» стало известно следующее: отец Иевлевой, Сергей Силантьевич, служил до революции священником в церкви Михаила Архангела в Лукьяновском уезде недалеко от Нижнего Новгорода. В 1920 году он был репрессирован органами НКВД как враг народа. Мать «Козловой» умерла четыре года тому назад. Сама Наталья Сергеевна после смерти матери переехала в город вместе со своей младшей сестрой и стала работать в музыкальной школе № 5 учителем пения. Специального музыкального образования не имеет, при жизни отца еще ребенком пела в церковном хоре. Завербована на компрматериалах. С органами госбезопасности сотрудничает давно и успешно. Характеризуется исключительно положительно. Родственников на оккупированной врагом территории не имеет».

В начале декабря, а точнее, 7-го числа «Гейне» сообщил немцам пароль и адрес явочной квартиры в Горьком. 9 декабря немцы радировали, что курьер в Горький будет выслан в ближайшее время.

На следующий день оперативник, который должен был представлять монархическую контрреволюционную организацию «Престол», выехал из Москвы в Горький. Он уже успел отпустить бородку и походил на старого русского интеллигента, ходил опираясь на палочку, прихрамывая, как и подобает пожилому

университетскому профессору. Хотя на самом деле это был ветеран старой гвардии чекистов, радовавшийся возвращению к живой оперативной работе.

Приехав в Горький, он нашел дом на Пушкинской улице, в котором жила Наталья Сергеевна, быстро познакомился с ней, произведя самое благоприятное впечатление. Она долго не могла привыкнуть, что это не настоящий профессор, а старый оперативник.

Вскоре в Горький явился и немецкий посланец. Им оказался Лобов Семен Иннокентьевич, 1916 года рождения, бывший парикмахер, сын кулака, осужденного в 1935 году. Лобов перешел к немцам во время боев под Ельней. Обучался все в той же Катынской школе диверсантов.

Наталья Сергеевна вела себя безукоризненно, исполняя роль хозяйки дома. «Профессор» даже подумал, что в придачу к певческому в ней открылся актерский талант.

Курьер трое суток прожил на квартире «Козловой», беседовал с «профессором» и ходил на прогулки по городу в сопровождении бригады наружного наблюдения. Его интересовало сосредоточение войск под Горьким, интенсивность транспортного движения из города в глубь страны и в сторону фронта. Он несколько раз побывал на железнодорожной станции, интересуясь движением товарных составов. Однако вел себя трусливо, хоть и пытался считать составы и даже записывал что-то маленьким карандашиком.

В итоге, как и другие слушатели Катынской разведывательной школы, был арестован. Чекисты на приманку «Престола» переловили добрую половину выпускников этого учебного центра.

«Гейне» сообщил немцам, что с курьером, прибывшим в Горький, случилось несчастье. При приземлении он сломал ногу и был помещен в одну из больниц города. Немцы выразили свое сожаление и рекомендовали «Гейне» уничтожить Лобова при первой же возможности.

Глава десятая
ДЕЗИНФОРМАЦИЯ

Заканчивался 1943 год. На фронтах Великой Отечественной войны для Красной Армии произошел коренной перелом. Стратегическая инициатива оказалась в ее руках.

Пыл германской разведки по засылке немецких диверсантов в Советский Союз все больше угасал. За время оперативной игры с немецкой разведкой, продолжавшейся до конца Великой Отечественной войны, органами государственной безопасности было обезврежено более 50 агентов противника и арестовано около 10 пособников шпионов.

Война на территории нашей страны подходила к концу. Советские войска продвигались к государственной границе СССР.

За успешное содействие стратегическим военным операциям многие сотрудники органов государственной безопасности были награждены орденами и медалями.

Начальника 4-го Управления НКГБ СССР, руководителя операции «Монастырь» генерал-лейтенанта Павла Анатольевича Судоплатова и его заместителя генерал-майора Наума Исааковича (Леонида Александровича) Эйтингона наградили полководческими орденами Суворова, что было единственным случаем в системе Наркомата государственной безопасности.

Указом Верховного Совета СССР от 20 сентября 1943 года «Гейне» — Александр Петрович Демьянов — был награжден орденом Красной Звезды, а его жена и тесть — медалями «За боевые заслуги». Этим же указом орденом «Знак Почета» был награжден и горьковский «профессор».

Сталин, несмотря на то что операция «Монастырь» по существу носила частный характер, постоянно интересовался ходом событий, о чем свидетельствуют имеющиеся в архивных делах докладные записки на его имя.

По оценке Судоплатова, «Монастырь» являлся одной из наиболее удачных операций разведывательных органов государственной безопасности военного времени.

Параллельно с работой по выявлению и захвату забрасываемой абвером в наш тыл агентуры велась и большая творческая работа по дезинформации противника. Особая важность и значение этой дезинформации хорошо видны из оценки радиограмм «Гейне», данной в абвере и в Генеральном штабе вермахта.

Бывший руководитель разведпункта абвера в Софии и

Будапеште Рихард Клатт Каудерс, захваченный американскими специальными службами летом 1945 года, рассказал, что ценный источник немцев «Макс» (кодовое имя Демьянова, данное немцами еще до войны) передавал ему свои донесения по радио с 1942 года, причем прямо из Москвы. Эти донесения высоко ценились в отделе «Иностранных армий Востока» Генерального штаба сухопутных сил Германии, возглавляемом Райнхардом Геленом. Более того, многие немецкие высшие военачальники не принимали решений, пока от службы Канариса не получали донесений «Макса».

В своих воспоминаниях Гелен отзывался о донесениях «Макса» как о крупном достижении немецкой военной разведки. Это был для нее чуть ли не единственный источник сведений из Москвы.

Несмотря на скептическое отношение некоторых сотрудников абвера (например, резидента и немецкого консула в Софии майора Вагнера), приходящих к Клатту с донесениями, все проверки сходились на том, что «Макс» заслуживает доверия.

Интересно отметить, что информация «Гейне», передаваемая немцам, по иронии судьбы возвращалась к нашим органам из разных источников.

Так, в 1942 году органам разведки СССР удалось наладить непродолжительное, но весьма продуктивное сотрудничество с одним из руководителей шифровальной службы абвера полковником Шмитом. До своего провала он успел передать советской разведке во Франции ряд ценных разведывательных материалов абвера, полученных из Москвы. При анализе этих материалов было установлено, что они представляют собой дезинформацию «Гейне». Шмит был связан и с британской разведкой. Поэтому через него англичане также получили ряд сообщений Демьянова, которые немцы преподносили в форме ориентировок штаба вермахта во Франции. Информацию, содержащую данные «Гейне», советские органы госбезопасности получали три раза.

Первый раз — в феврале 1943 года — пришло сообщение из Франции, содержащее часть информации Демьянова, переданной им в Берлин еще в ноябре 1942 года.

Второй — в марте 1943 года — **Энтони Блант,** работавший в годы войны в службе английской разведки (один из наиболее ценных источников советской разведки в Англии), сообщил резиденту в Лондоне Горскому, что у немцев в Москве в военных сферах есть важный источник информации.

Третий — в апреле 1943 года — сообщение поступило через миссию связи советской разведки в Лондоне, куда пришла от

англичан очень урезанная по содержанию информация «Гейне», переданная в Берлин и якобы перехваченная английской разведкой в Германии. В действительности же англичане имели эту информацию благодаря дешифровальной работе. Поддерживая с Советами союзнические отношения, они не сообщили, что читают и перехватывают немецкие шифры, в том числе шифртелеграммы абвера.

Таким образом, о наличии у немецкой разведки ценного источника в Москве стало известно и англичанам. Но они, как и немецкие разведчики, не сумели раскрыть «Гейне».

Глава одиннадцатая
РАДИОИГРА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Была уже вторая половина 1944 года.

Величайшая в истории разведки оперативная игра чекистов «Монастырь» завершилась. Она планировалась вначале как операция по выявлению лиц, сотрудничавших с немцами, а фактически переросла в противоборство между НКВД—НКГБ и абвером. П.А. Судоплатов в своей книге «Разведка и Кремль» писал, что, помимо «Монастыря», служба ГБ во время войны вела примерно восемьдесят радиоигр дезинформационного характера с абвером и гестапо. Однако центральная задача — внедрить в органы немецкой разведки своего человека — не была решена. В связи с этим «Гейне» вышел с рапортом-предложением на имя Маклярского, в котором писал, что в целях укрепления доверия и положения организации «Престол» в глазах немецкой разведки нужно направить посланца, которого они давно ждут.

«Гейне» предлагал предварительно проинформировать немцев о том, что один из активистов «Престола», призванный в Красную Армию, направлен в качестве переводчика в лагерь немецких военнопленных. Затем с помощью этого человека следовало организовать «побег» нескольких офицеров и с этой же группой военнопленных вывести его — «Гейне» — К немцам.

Это предложение было внесено «Гейне» 1 августа 1944 года. А несколькими днями позже его подключили к новой большой игре с немецким командованием, которую НКГБ СССР проводил под кодовым названием «Березино».

Для подготовки этой операции «Гейне» информировал немецкую разведку о том, что он призван в Красную Армию, в технические части в качестве инженер-капитана. В связи с этим ему требуется еще одна рация для продолжения связи из Москвы, где будет работать другой человек, подготовленный «Престолом». Свою рацию он забирает с собой и свяжется с немецкой стороной из тех мест, где будет находиться по долгу службы.

Таким образом, связь с абвером не прекратилась, была подготовлена почва для начала органами госбезопасности новой операции против немецких спецслужб. Но это уже следующая страница истории.

Часть II
ОПЕРАЦИЯ «БЕРЕЗИНО»

Глава первая
ЗАСЕДАНИЕ В КРЕМЛЕ

В 1944 году начался новый этап операции, известной под названием «Монастырь».

4 апреля в Кремле состоялось очередное заседание Государственного Комитета Обороны (ГКО). В его состав входили все члены Политбюро ЦК ВКП(б), но на это заседание были приглашены только военные. Его, как обычно, вел председатель и Верховный главнокомандующий Иосиф Виссарионович Сталин. За длинным столом просторного кабинета Верховного главнокомандующего расположились нарком государственной безопасности Всеволод Николаевич Меркулов, начальник контрразведки Красной Армии «Смерш» [12] Виктор Семенович Абакумов, начальник Главного разведывательного управления ГРУ Генштаба Красной Армии Федор Федорович Кузнецов и начальник 4-го Диверсионно-разведывательного управления НКГБ Павел Анатольевич Судоплатов.

Перед началом летнего наступления советских войск в Белоруссии Сталин был озабочен продолжением операции «Монастырь», которая позволила бы ввести в заблуждение противника и оказать помощь частям Красной Армии. Сталин предложил посмотреть на радиоигру с немецким командованием с точки зрения достижения стратегических целей на заключительном этапе Великой Отечественной войны. Раскуривая трубку и медленно шагая по ковровой дорожке, Иосиф Виссарионович дошел до конца своего кабинета и еще раз внимательно посмотрел на сидящих за столом.

— У кого есть соображения на этот счет? — спросил он.

— Можно использовать имеющийся канал и подбросить через «Гейне»-«Макса» дезинформацию для немцев о якобы планирующейся наступательной операции на Украине, а не в Белоруссии, — предложил генерал Кузнецов.

Но генерал Судоплатов, ответственный за операцию «Монастырь» и всего за месяц до совещания получивший за ее проведение орден Суворова, молчал. Абакумов же начал доказывать Сталину, что операция «Монастырь» теснее связана с Генштабом, чем с НКГБ.

Назрела необходимость расширить операцию «Монастырь», используя ее в стратегических целях, влияющих на размещение на фронте сил с обеих сторон. План предписывал дезинформировать немецкое командование, создав впечатление,

что германские войска, окруженные частями Красной Армии в Белоруссии, способны нарушить советские коммуникации и линии снабжения.

Замысел Сталина состоял в том, чтобы, обманув немцев, заставить их направить основные свои ресурсы на поддержку окруженных войск и на попытки их прорыва. Поставленная Верховным главнокомандующим задача выходила за рамки проводившихся до сих пор информационных мероприятий, поэтому традиционные формы дезинформации не годились. Следовало выяснить действительное положение немецких войск в Белоруссии. Установив, что окруженные немецкие части и группы выходили из леса на Минское шоссе и другие дороги, складывали оружие и ожидали появления Красной Армии, чтобы сдаться в плен, радиоигру с германским командованием решили продолжать. 18 августа 1944 года через московскую радиостанцию все той же легендированной церковно-монархической организации «Престол» противнику было сообщено, что в районе реки Березины в Белоруссии скрывается крупная немецкая воинская часть численностью до 2500 человек, потерявшая связь с командованием, нуждающаяся в продовольствии, медикаментах и боеприпасах.

Так началась операция «Березино» — продолжение радиоигры «Монастырь».

Глава вторая
ПЛАН ОПЕРАЦИИ «БЕРЕЗИНО»

Вернувшись из Кремля на Лубянку, Павел Анатольевич Судоплатов вызвал своего заместителя генерал-майора Эйтингона и участников операции «Монастырь», чтобы сообщить им о решении вождя. Необходимо было выработать план предстоящей операции. Организация нового этапа дезинформационной игры с немцами была возложена на Наума Исааковича Эйтингона[13].

Встретиться с «Гейне» и сообщить ему о продолжении операции предстояло Игорю Александровичу Щорсу, поддерживающему с Александром Демьяновым постоянную связь. Оставалось найти на территории Белоруссии место, где будет находиться «затерявшаяся» в нашем тылу немецкая часть. Выбор пал на бывшую партизанскую базу у деревни Глухое на берегу озера Песочное. В Червенский район Минской области вскоре выехала небольшая группа сотрудников 4-го Управления, хорошо знавших эти места по опыту партизанской работы. Михаил Борисович Маклярский, в это время возглавлявший 3-й отдел в 4-м Управлении НКГБ, засел за составление плана операции «Березино». Предстояло тщательно продумать мероприятия по организации ложной базы для якобы действовавшей в нашем тылу немецкой части.

Теперь «Гейне» выходил в эфир как «Александр» (т. е. под своим именем).

Через московскую радиостанцию «Престола» немцам было сообщено, что «Александр» («Гейне» — «Макс») случайно вышел на контакт с попавшей в окружение в Белоруссии воинской частью. Немцев уведомили, как и было решено по плану, что окруженцы испытывают нужду в продовольствии, а главное — в оружии и боеприпасах. Также было сообщено, что продвижение немецкой части затруднено из-за множества раненых. «Александр» в это время находился во Львове. Он получил задание помочь украинским чекистам в борьбе с националистическим подпольем. Из Львова «Александр» направлял немцам подготовленные 5-м спецотделом УНКГБ по Львовской области дезинформационные материалы о положении во Львове и о передвижениях войск по железной дороге, так как здесь располагался крупный железнодорожный узел. В это же время из Москвы от имени «Престола» немцам также периодически направлялись телеграммы. Так что обстановка для новой игры складывалась как нельзя более удачно.

11 августа 1944 года «Александр» телеграфировал: «Сообщаю, что я по-прежнему служу в 5-м запасном полку связи и в настоящее время прикомандирован к 51-му отдельному дорожно-строительному отряду, находящемуся в 100 километрах от Могилева». Спустя некоторое время немцы получили сообщение от «Престола»: «В Москву приехал „Александр“. Его часть сейчас находится в местечке Березино, что в 100 километрах западнее Могилева. „Александр“ рассказывает, что в районе Березино в лесах скрывается крупная германская часть, полк или более, не желающая сдаваться большевикам. „Александр“ беседовал с пленным обер-ефрейтором из этой части, захваченным во время разведки на шоссе, который сообщил ему, что часть намерена пробиваться на запад. Однако в связи с большим количеством раненых (более 150 человек только тяжелораненых) и отсутствием вооружения, боеприпасов и продовольствия ее дальнейшее продвижение невозможно. Немцы в настоящее время скрываются в глубине лесного массива, в одном из оставленных советскими партизанами лагерей. Небольшие группы офицеров и солдат из этой части, по словам пленного, изредка нападают на отдельные автомашины и конные обозы, в основном для захвата продовольствия. Пленный также сообщил „Александру“, что на допросе он ничего о месте нахождения своей части не сказал. Получив эти сведения, он специально добился командировки в Москву, чтобы сообщить об этом вам. „Александр“ считает, что, если вы проявите заинтересованность, он через своих людей в Березино сможет наладить связь с этой частью.

Срок его пребывания в Москве заканчивается 28 августа».

«Престол»

18 августа телеграмма была передана в Берлин. Подлинник заверил Маклярский.

25 августа 1944 года по делу «Монастырь» пришла ответная телеграмма: *«Благодарим Вас за Ваши сообщения. Просим Агександра связаться с этой немецкой частью. Мы намерены сбросить для них различный груз. Мы также могли бы дослать радиста, который мог бы оттуда связаться с нашими руководящими органами. Для этого мы должны знать место нахождения этой части, где наш радист может найти ее и где место сброса багажа.*

Этой части нужно было бы сообщить о прибытии к ним радиста, чтобы он не был задержан, так как радист придет в обмундировании Красной Армии.

Пароль будет «Ганновер».

Слово «Ганновер» было написано нечетко, в дальнейшем будет использовано чекистами.

События разворачивались стремительно, поэтому уже 20 августа заместитель наркома госбезопасности комиссар 2-го ранга Кобулов красным карандашом поставил свою подпись под планом «мероприятий по организации ложной базы якобы действующей в нашем тылу немецкой воинской части и обеспечению приема груза, курьеров, радистов, которые должны быть направлены немецкой разведкой на данную базу», тем самым план был утвержден высшим руководством НКГБ. Документ гласил:

«Совершенно секретно.

Поделу «Монастырь» было получено очередное сообщение германского Центра о его готовности срочно прислать радиста с радиостанцией и сбросить необходимую помощь для легендируемой нами немецкой воинской части, оперируемой якобы в районе Березино.

В этой связи считаем необходимым провести следующие мероприятия:

1. Командировать в район Березино (БССР) специальную оперативную группу в составе 20 автоматчиков отдельного отряда особого назначения НКГБ СССР под командованием офицера капитана Гусева; в качестве старших оперативных начальников, ответственных за оперативную сторону проведения операции, старшего оперуполномоченого 4-го Управления НКГБ СССР капитана госбезопасности тов. Леонова и старшего оперуполномоченного 4-го Управления НКГБ СССР майора госбезопасности тов. Борисова.

Перед группой поставить следующие задачи: А. Из числа баз, действовавших в свое время в данном районе во время оккупации немцами, партизанских отрядов подобрать подходящее место, где якобы укрывается легендируемая немецкая часть, а также пригодные площадки для приема груза и парашютистов, как и на случай возможного приземления немецких самолетов.

Б. После того как противнику будут сообщены координаты подходящих площадок, оперативная группа принимает меры по обеспечению встреч немецких десантников, в том числе и радистов, приема сброшенных немцами грузов, приземлившихся немецких самолетов и осуществляет другие мероприятия, связанные с проведением данной комбинации.

2. В зависимости от обстоятельств руководителю оперативной группы разрешается, если в этом будет оперативная необходимость, организовать «встречу» прибывшего немецкого

радиста или других агентов противника с командованием легендируемой части, а также использовать втемную немецкого радиста (с предварительной санкции НКГБ СССР для осуществления связи с германским разведцентром).

3. Вне зависимости от того, как будет организован «прием» прибывших агентов противника, т. е. будут они сразу арестованы или будет устроена «встреча» с командованием «части», начальник оперативной группы принимает меры по обеспечению гласной или негласной охраны, полностью исключающей какие-либо возможности побега прибывших агентов.

В случае получения указаний Центра об аресте прибывших немецких парашютистов-радистов начальник оперативной группы осуществляет это мероприятие немедленно.

4. Для возможного легендирования наличия в намеченном районе немецкой воинской части, а также на случай необходимости организации встреч втемную с прибывшими немецкими агентами оперативной группе придается для использования военнопленный немецкой армии подполковник Шерхорн, фигурирующий в наших сообщениях противнику как командир легендируемой части, который содержится на базе под соответствующим конвоем. Подполковник в курс дела не вводится и используется исключительно втемную[14], и следующие агенты — немцы, обмундированные в форму германской армии: «Георг» [15], «Вальтер», «Жак». Агенты «Георг», «Вальтер» и «Жак» передаются 4-му Управлению НКГБ СССР для использования в специальных операциях с немцами.

(Справки на этих агентов прилагаются.) [16]

5. Агент «Георг» намечается для осуществления переговоров от имени немецкой воинской части с прибывшими немецкими агентами, если в этом будет соответствующая оперативная необходимость.

6. Для связи с НКГБ СССР в распоряжение начальника оперативной группы выделяются два радиста, а для поддержания регулярной связи с Минском и Могилевом — мотоциклист с мотоциклом.

7. Группа отправляется из Москвы на 2 автомашинах АХФУ НКГБ СССР.

8. Для питания агентуры, радистов и оперативных работников на время нахождения в лесу выделить 10 пайков 1-й категории из фондов 4-го Управления и выдать под отчет начальнику оперативной группы тов. Леонову 10 000 рублей на оперативные расходы.

9. Для маскировочных целей выделить в распоряжение начальника оперативной группы как «НЗ» трофейные продукты

германского происхождения.

Начальник 3-го отдела 4-го Управления НКГБ СССР М. Маклярский.

Согласен: начальник 4-го Управления НКГБ СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга П. Судоплатов».

Глава третья
ТАЛАНТЛИВЫЕ «СЦЕНАРИСТЫ»

Возглавлять комплекс операций «Березино», включая координацию работы с белорусскими чекистами, поручили заместителю П.А. Судоплатова генерал-майору Н.И. Эйтингону. Наум Исаакович (Леонид Александрович) Эйтингон еще в 1921 году поступил на работу в ВЧК по личной рекомендации Ф.Э. Дзержинского, который знал его как члена партии эсеров. В 30-е годы Эйтингон по указанию Сталина руководил операцией по ликвидации Л.Д. Троцкого.

Развивая дальше радиоигру, чекисты разработали в Москве, а Нарком государственной безопасности В.Н. Меркулов утвердил к плану «Березино» *следующие дополнительные мероприятия:*

« 1. Поскольку немцы продолжают настаивать на посадке самолетов для вывоза раненых, НКГБ СССР намерен инсценировать разгром одной какой-либо группы, тем самым облегчив продвижение остальных групп в западном направлении, и снять вопрос о необходимости посадки самолетов.

2. Сосредоточить боевую группу Шерхорна в двух районах: одну в районе Вильно, другую — в районе Налибекской пущи.

3. Учитывая, что немцы сбрасывают значительное количество парашютистов с заданием организации восстания в Белоруссии, развития антисоветской деятельности, опираясь на националистические элементы, использовать одну из легендируемых групп для легализации перед противником, создать якобы «Белорусский комитет», добиться получения для этого комитета средств, оружия, разведчиков и радистов из числа обучавшихся в немецких разведывательных школах.

4. Учитывая проявленный интерес противника к организации разведывательной работы в тылу Красной Армии, получить путем игры одного крупного разведчика и через него начать дезинформацию немецкого командования.

5. В процессе радиоигры добиваться открытия немецким командованием одного из участков фронта для перехода части Шерхорна и ввести в переход под этим предлогом заранее подготовленное и соответствующим образом экипированное соединение Красной Армии для прорыва немецкого фронта.

6. В целях дезинформации немецкого командования легендировать захват частью Шерхорна в прифронтовой полосе советской штабной машины с документами, среди которых будут обнаружены важные «оперативные планы» советского

командования. Прошу Ваших указаний. Меркулов».

В лесу вместе с **Н.И. Эйтингоном** по указанию Судоплатова находился и начальник 3-го отдела 4-го Управления НКГБ подполковник органов государственной безопасности **Михаил Борисович Маклярский,** который как начальник отдела через своего старшего оперативного уполномоченного майора И.А. Щорса руководил работой «Гейне». Сам «Гейне» и Щорс находились в Москве и в Белоруссию не выезжали. Михаил Маклярский был инициатором операции «Березино», составлял все планы проведения этой операции, был главным «теоретиком» Диверсионно-разведывательного управления, которым руководили Судоплатов и Эйтингон.

Эйтингон, Маклярский и Мордвинов писали все дезинформационные материалы, которые затем передавались немцам как сообщения о «диверсиях» в тылу Красной Армии, так же как раньше передавались сообщения о «диверсиях» на железной дороге при проведении операции «Монастырь». Авторы были одни и те же, кроме Мордвинова, который в тот период откомандировывался в Турцию.

Георгий Иванович Мордвинов — легендарный, мужественный и отважный чекист, бывший командир крупного партизанского соединения в Приамурье. Он окончил Институт востоковедения, по специальности был китаистом. Дважды приговаривался к смертной казни. Первый раз — попав в плен к японцам. Второй раз, уже будучи профессиональным разведчиком, «провалился», находясь в одной из европейских стран. Оба раза сумел выскользнуть из рук контрразведки.

В операцию «Березино» Георгий Иванович, как говорится, попал «с корабля на бал», так как только 2 августа 1944 года турецкий меджлис принял закон о разрыве дипломатических отношений с Германией. На том же заседании меджлис принял закон, по которому из тюрьмы были освобождены Павлов и Корнилов, просидевшие там два года и пять месяцев в связи с провокацией покушения на немецкого посла фон Папена в Анкаре. «Павлов» был псевдоним Г.И. Мордвинова.

Следует сказать, что во время проведения операции «Березино» еще один сотрудник 4-го Диверсионно-разведывательного управления НКГБ СССР — Николай Иванович Кузнецов — вел другую игру с немцами и Организацией украинских националистов (ОУН) на территории Западной Украины, в районе города Ровно.

За свой подвиг Николай Иванович Кузнецов еще до окончания Великой Отечественной войны Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года был удостоен

звания Героя Советского Союза (посмертно), во Львове ему был установлен памятник, который затем перевезли на его родину — в город Талицк.

Глава четвертая
«КОМАНДИР» ГЕНРИХ ШЕРХОРН

Летом 1944 года на улицах Москвы царило приподнятое настроение. Этому способствовали победы на фронтах, известия об освобожденных городах и селах. В парках Москвы зазвучала музыка, в кинотеатрах стали крутить трофейные фильмы. Люди с удовольствием ходили смотреть на красивые лица, необычные наряды, отвлекаясь на время от своих повседневных забот. Особой популярностью пользовался фильм «Большой вальс» с чарующей музыкой Иоганна Штрауса и замечательной оперной певицей в главной роли.

Важнейшее политическое событие произошло в Москве тем летом. Оно навсегда останется в памяти тех, кто был его очевидцем. По улице Горького — центральной улице столицы — провели колонну пленных офицеров и солдат, всего 62 000 человек. Это был «парад» всего германского вермахта, который Гитлер, дав обещание нации, собирался устроить в Москве осенью 1941 года. Расчет в проведении «парада» был психологически точен: немцы шли в рваной одежде, с понурым видом, пряча лица под осуждающими взглядами москвичей. Колонну возглавляли генералы, затем следовали офицеры и уже потом — солдаты. Их охраняла милиция, на случай, если на пленных выплеснутся эмоции людей, что могло привести к непредсказуемым результатам.

Подчиненных П.А. Судоплатова, тех, кто хорошо владел иностранными языками (прежде всего немецким), направили в места дислокации лагерей немецких военнопленных с заданием подобрать человека, который смог бы сыграть в операции «Березино» роль командира части.

В центральный лагерь военнопленных 27/1, находившийся под Москвой, в городе Красногорске, откомандировали двух сотрудников госбезопасности: Игоря Щорса и Михаила Леонова. Старшим был Щорс. Заранее оговорили, что вести беседу надо только с теми пленными, которые, по данным лагерной администрации, не принимали непосредственного участия в расстрелах советских людей на оккупированной немцами территории. Дела тех, кто был замечен в убийстве, направляли в суд для дальнейшего разбирательства и вынесения приговора. Обычно давали десять или пятнадцать лет тюремного заключения. В особо тяжелых случаях применялась высшая мера наказания — расстрел. Как раз в это время в печати появились

статьи о зверствах фашистов по отношению к партизанам, о массовых казнях советских людей, об изощренных пытках в гестапо, в связи с чем последовало распоряжение И.В. Сталина не оставлять подобных преступников в живых.

Через Леонова и Щорса прошло немало военнопленных, но все они по тем или иным причинам не подходили на роль «командира». Помог случай. И.А. Щорс, окончивший разведывательную школу, знал два языка: немецкий и французский, причем французский язык он знал лучше немецкого. И немец, на которого он обратил внимание, прекрасно говорил по-французски. В разговоре пленный не выказывал приверженности фюреру и был настроен крайне пессимистично. Он с готовностью согласился сотрудничать, надеясь, что это смягчит приговор. У администрации лагеря Щорс узнал, что по документам пленный — подполковник Генрих Шерхорн.

В Москву возвращались уже втроем. Машины для оперативных целей начальство им не выделило, ссылаясь на отсутствие бензина. Пришлось добираться электричкой. Щорс и Леонов сидели молча напротив своего спутника. Их подопечный в немецкой форме сидел на скамейке один. Люди на остановках от Красногорска до Москвы входили в вагон и, завидев человека в немецкой форме, на какой-то миг цепенели, с недоумением глядя на него. За всю дорогу рядом с ним никто так и не сел. Те же самые чувства можно было прочитать на лицах москвичей, когда троица села в автобус по дороге с вокзала на Лубянку.

Шерхорна заключили в отдельную камеру внутренней тюрьмы на Лубянке, закрепив его за Щорсом.

Дальнейшая история с «командиром части» для операции «Березино» развивалась по следующему сценарию: пока Генрих Шерхорн находился в Москве, с ним несколько раз встречался Павел Судоплатов. Беседа велась на французском языке, переводчиком был Игорь Щорс. Надо сказать, что генерал был крайне недоволен процессом вербовки пленного. Он строго отчитал своего любимого сотрудника, и тот потом долго вспоминал этот разговор. Вечерами у себя в кабинете Щорс с санкции Судоплатова проводил с «командиром» психологические беседы. После тщательно проведенной работы Судоплатов утвердил кандидатуру Шерхорна на роль «командира». Основой сценария, сочиненного в НКГБ СССР, послужил следующий документ:

«Справка.

Военнопленный подполковник Шерхорн Генрих, 1897года рождения, уроженец города Аппелерен.

Проживал в Шаумбурге по Вессералле. Здесь же проживает его семья. Кадровый офицер, по профессии администратор коммунального хозяйства, командир 36-го полка 286-й дивизии тыловой охраны. Взят в плен 9.07.1944 года в районе Минска, член НСДАП с 1933 года.

Настроен пессимистично. В победу Германии не верит.

Органами государственной безопасности подполковник Генрих Шерхорн был завербован, и ему присвоен псевдоним «Шубин».

Подписал ст. о/у 3-го отдела НКВД майор г/б И. Щорс».

Глава пятая
НЕМЕЦКИЕ АГЕНТЫ В «ЧАСТИ ШЕРХОРНА»

Итак, подполковник Шерхорн по плану операции «Березино» был заброшен в Белоруссию как командир немецкой «части».

В ночь с 15 на 16 сентября 1944 года по указанным координатам приземлились три радиста. Их привели к Шерхорну. Во время беседы старший группы радистов Курт Киберт рассказал, что за несколько дней до его выброски было доложено Гитлеру и Герингу о части Шерхорна, находящейся в лесах Белоруссии. Они велели передать Шерхорну, что приложат все усилия для спасения этого соединения. Курт также сообщил, что немецкое командование решило послать к Шерхорну одного врача и одного офицера авиационной части, который должен будет подготовить площадку для посадки самолетов серии «Арадо» [17].

Эти самолеты должны были доставлять в часть Шерхорна вооружение, боеприпасы, обмундирование и продовольствие, а обратно — вывозить в Германию раненых. Таким образом немецкое командование решило оказать поддержку героической части, чтобы она, снабженная всем необходимым, смогла бы беспрепятственно продвигаться на запад для соединения с германской армией. От своего командования каждый немецкий радист получил задание — на следующий день . после приземления подтвердить по рации с условным использованием кодов существование немецкой войсковой части Шерхорна и свое нахождение именно в этой части.

Оперативникам довольно быстро удалось завербовать Курта Киберта и его помощника, они были тут же подключены к радиоиграм с немецким командованием.

О третьем же радисте — абверовце, который не соглашался на вербовку, было сообщено, что он пострадал при приземлении и находится без сознания. Немцы ожидали условного сигнала со всех раций, и, если одна из них молчала, это означало провал.

Получив подтверждение о действительно существующей в лесах Белоруссии воинской части, немецкое командование стало готовиться к заброске людей и транспортировке грузов.

Как ранее сообщил немецкий радист Курт Киберт, 27 октября 1944 года на площадку аэродрома «части Шерхорна» приземлились еще два парашютиста — врач Ешке и унтер-офицер авиации Гарри Вильд. Они, как и предыдущие парашютисты, были «приняты» Шерхорном, которому передали письма от

командующего группой армий «Центр» генерал-полковника Рейнхарда и от начальника «Абверкоманды-103» фон Барренфельда, известного под псевдонимом «Рудольф».

В письме Рейнхарда говорилось: «Сердечно благодарю Вас и Ваших офицеров и солдат за выражение мне лучших пожеланий. В свою очередь заверяю Вас, что все мои наилучшие пожелания всегда с Вами. Надеюсь, что в новом году Ваша настойчивость найдет свои награды в соединении с нами. Я с гордостью слежу за движением Вашей части и всегда буду делать все возможное для оказания помощи Вам. Пусть Вашим паролем будет: „Германия превыше всего“. Хайль Гитлер. Рейнхард».

Кроме того, Вильд и Ешке сообщили, что Геринг отдал распоряжение послать в соединение Шерхорна четыре транспортных самолета «Арадо» для доставки грузов и вывоза раненых.

Арестованный Вильд на допросах показал, что они должны были по рациям ранее присланных радистов-немцев сообщить условными фразами немецкому командованию о благополучном прибытии. Немецкое командование доверяло, но проверяло. Поскольку поведение и показания Вильда сомнений не вызывали, он был перевербован, и его условная фраза о благополучном прибытии ушла в эфир к немцам. Вильд также сообщил своему начальству, что Ешке разбился при приземлении. На самом деле у сотрудников госбезопасности СССР возникли неожиданные трудности при вербовке Ешке. Он оказался фанатичным последователем Гитлера. Он твердо верил в победу Германии, несмотря на тяжелейшее ее положение в конце 1944 года, и категорически не хотел идти ни на какое сотрудничество, считая Вильда и Шерхорна предателями нации. Перевербовать его было невозможно, так как он отвергал все предложения. Его арестовали и на ночь поместили в блиндаж, приставив к нему охрану.

Оставшись один, Ешке стал мерить шагами небольшой блиндаж, изредка присаживаясь на врытый в землю деревянный топчан.

Он все еще не мог прийти в себя от шока. Положение было ужасным. Вот уже скоро сутки, как он и Вильд в советском плену, и попали в него, как мыши в мышеловку. Никакой части Шерхорна не существует, русские просто устроили ловушку. Ешке понимал настойчивость русских. В Германии с нетерпением ждут зашифрованного сигнала. И Вильд наверняка уже передал свой сигнал, а также сообщил о трагической смерти Ешке. В его услугах уже нет нужды. Его вычеркнули из списка живых. Эта мысль гвоздем засела в сознании Ешке. В любом случае его

должны расстрелять, не могут оставить в живых.

Ешке в очередной раз присел на нары в мучительном раздумье. И вдруг его рука, машинально опустившись к ножке топчана, почувствовала что-то деревянное рядом с ножкой. Нагнувшись, он увидел саперную лопатку, кем-то случайно забытую.

Ешке вскочил и заметался по блиндажу. Бежать! Как только часовой заснет, сделать подкоп и бежать к своим. Но, трезво оценив свой план, он понял, что бежать бесполезно. Один, без продовольствия и оружия, в чужом лесу, он не доберется до своих. Ну что же… Видно, богу угодно призвать его к себе и дать возможность достойно умереть. Он покажет этим русским, что такое настоящий офицер немецкой армии. Сжав в руке лопатку, Ешке подошел к двери…

Утро следующего дня было пасмурным. Возле блиндажа толпились бойцы. Срочно вызвали патрульный наряд. Дверь в землянку была открыта, на пороге лежал мертвый часовой. На его рассеченном виске запеклась кровь. Рядом лежала саперная лопатка. Труп Ешке находился чуть подальше от землянки. В руках Ешке сжимал автомат часового.

Следует отметить, что часовой был единственной жертвой с советской, стороны за всю операцию «Березино».

21 декабря для усиления «части Шерхорна» сбросили еще двух радистов-немцев и четырех разведчиков-белорусов, окончивших разведывательную школу в г. Инстенбурге (Восточная Пруссия).

Задержанные парашютисты дали о себе следующие показания:

— Войска Рудольф, 1920 года рождения, немец, уроженец г. Эссен, радиомеханик, прибыл к Шерхорну в качестве радиста.

— Саутер Вилли, 1924 года рождения, немец, уроженец г. Штутгарт, радист.

Парашютисты, закончившие немецкую разведшколу:

1. Шмаков, он же Соловьев Никита Григорьевич, 1907 года рождения, уроженец Калининской области. До войны работал бригадиром участка на железной дороге.

2. Филипович, он же Иванов Авенир Константинович, 1926 года рождения, уроженец Вилейской области, учащийся.

3. Галенчик, он же Орлов Николай Иванович, 1924 года рождения, уроженец Минской области, в период оккупации Белоруссии служил полицейским.

4. Сальников, он же Жуков Макар Иванович, 1925 года рождения. При немцах служил полицейским.

Радисты-немцы Войска и Саутер после приземления были,

как обычно, доставлены к Шерхорну, а затем перевербованы и стали использоваться в радиоигре с немцами. А парашютистов (белорусов) арестовали, допросили и отправили для суда в Москву.

В это же время с пяти больших транспортных самолетов «Арадо» был выброшен в расположение «части» груз, причем самолеты вылетали по нескольку раз, как только устанавливалась летная погода.

В Москву, в Кремль, Сталину, Молотову и Берии была направлена **докладная записка,** в которой говорилось:

«В дополнение к № 4813/м от 4 декабря 1944 года НКГБ СССР докладывает, что игра с немцами по легендированию якобы скрывающейся в лесах Белоруссии немецкой воинской части под командованием подполковника германской армии Шерхорна продолжается».

Глава шестая
НОВАЯ ЛЕГЕНДА О «ЧАСТИ ШЕРХОРНА»

В Белоруссии уже стояла весна. Земля покрылась первой зеленью. В лесах набухли почки вербы и ольхи. Вечерами по траве стелился густой туман, оседая в воронках и окопах. Туман словно зализывал раны, полученные заповедной землей во время войны.

Эйтингон, Маклярский, Фишер, Мордвинов собрались, чтобы обсудить план дальнейших действий. Еще в конце октября 1944 года немецкое командование все настойчивее стало требовать от Шерхорна подготовки условий для посадки самолетов. В Германии считали, что раненые, находящиеся в части Шерхорна, сковывают движение сил к фронту и снижают боеспособность. Поэтому германское командование приняло решение о срочной эвакуации раненых.

Перевербованный оперативной группой унтер-офицер авиации Гарри Вильд вскоре по указанию Эйтингона доложил в «Абвергруппу», что требуются дополнительные ресурсы для подготовки площадки, на которую смогли бы приземлиться тяжелые транспортные самолеты «Арадо-332». Следовало оттянуть время и принять решение.

— Наша операция рассчитана на перспективу. Конечно, мы и сейчас можем принять эти самолеты. Два транспортных самолета «Арадо» — это восемьдесят летчиков люфтваффе и груз, — Эйтингон нахмурил брови. — Хорошо, но не густо. После их приземления на операции «Березино» можно поставить крест.

— Можем пострадать не только мы, — вступил в разговор Маклярский, — подозрения могут дойти даже до Москвы, а там — «Гейне» и столь необходимая радия. Легендированная им организация «Престол» также потеряет доверие у немцев, и передаваемая дезинформация уже не достигнет желаемого эффекта. А это — сотни спасенных жизней…

— Но решительный отказ тоже может подорвать доверие абвера и армейского командования к части Шерхорна. — Мордвинов зашагал из угла в угол. — Все-таки думаю, нужно действовать по уже сложившейся схеме — под разными предлогами оттягивать приземление самолетов.

— Необходимо направить телеграмму со всеми предложениями в адрес Судоплатова, — заключил Эйтингон.

Присутствующие согласились. Эйтингон начал посылать Судоплатову одну телеграмму за другой. В результате этой переписки Наркомат госбезопасности подготовил и направил в

ГКО докладную записку с изложением разных вариантов развития операции «Березино», в которой указал, что предпочтительным является последний вариант. И.В. Сталин и Л.П. Берия по телефону дали свое согласие, а В.М. Молотов написал на служебной записке: «По-моему, второй вариант (тянуть дальше) лучше».

Убедить немцев не направлять самолеты стоило большого труда. Для начала подготовили радиограмму за подписью «Шубина»: «Для обеспечения посадки необходимо предварительно прислать крупнокалиберные зенитные пулеметы, противотанковые ружья, гранаты и боеприпасы». С немецкой стороны ответили, что готовится большая партия груза. Когда германское командование доложило о готовности перебросить груз и следовало только назначить время вылета самолетов, по рации Шерхорна сообщили о неожиданном столкновении с частями Красной Армии и в связи с этим о возможности передислокации. После этого немцы согласились, что посадка самолетов в белорусских лесах чревата нежелательными последствиями и может послужить поводом для обнаружения войсками Красной Армии «части Шерхорна». Однако немцы продолжали поддерживать «части Шерхорна», сбрасывая обмундирование и продовольствие. «Абверкоманда» регулярно посылала в район дислокации части свою агентуру, не сообщая об этом Шерхорну. В основном это были солдаты и офицеры так называемой дивизии «Бранденбург» — диверсионно-разведывательной части, подчиненной непосредственно берлинскому аппарату абвера. Как выяснилось позднее, в этот период абвер сбросил в расположение части восемь агентов с целью прощупать «командира» и его соединение. К счастью, все восемь человек были выявлены и арестованы. Главное, они не успели передать в эфир ни одной радиограммы, кроме тех, что уже передавались под контролем чекистов. Судя по ответным телеграммам, абверовцы удовлетворились полученной информацией и окончательно поверили созданной в 4-м Управлении НКГБ легенде.

Эйтингон направил главнокомандующему группой армий «Центр» генерал-полковнику Рейнхарду дезинформацию о том, что численность части возросла за счет двухсот русских — бывших полицаев, скрывающихся от сотрудников госбезопасности и Красной Армии. Еще 12 декабря 1944 года немецкое командование предложило Шерхорну разделить свою часть на отдельные группы для повышения мобильности и маскировки действий и для их вывода под общим командованием к линии фронта. В связи с этим в целях развития радиоигры и тщательной

подготовки НКГБ СССР ле-гендировал разделение «части Шерхорна» на несколько групп. Немцам были сообщены фамилии руководителей групп. Все они являлись офицерами германской армии, завербованными нашей разведкой:

1. *Фолрат Гюнтер Мартин,* 1914 года рождения, уроженец города Лейпциг, немец, военнопленный, обер-лейтенант германской армии, имеет высшее образование и звание доктора философии. До войны работал редактором газеты «Лейпциг». Последняя должность в германской армии — адъютант начальника штаба полка.

2. *Шиффер Терт,* 1920 года рождения, немец, сброшен немцами на площадку Шерхорна в районе Березино 11 ноября 1944 года.

3. *Экгард Вилли-Альберт,* 1915 года рождения, уроженец г. Кобург, немец, военнопленный, подполковник германской армии, бывший командир 519-го пехотного полка 296-й пехотной дивизии 35-го армейского корпуса. Взят в плен в июле 1944 года в районе г. Бобруйска.

4. *Михоэлис Ганс-Иоганн,* 1910 года рождения, уроженец г. Газедорф (Германия), немец, военнопленный, подполковник германской армии, бывший командир полка. Взят в плен в июле 1944 года в районе Витебска.

5. *Шольц Эрих,* 1916 года рождения, военнопленный, майор немецкой армии, взят в плен в августе 1944 года в районе Березино.

Ко всем названным немецким офицерам были прикреплены опытные сотрудники 4-го Управления НКГБ. У каждой группы имелась своя радиостанция с перевербованными абверовскими радистами. Таким образом, вместо одной радиостанции стало действовать несколько каналов «независимой» радиосвязи с «Абвер-командой-103» и штабом группы армий «Центр».

Вновь созданные группы двинулись в путь. Основную группу по-прежнему возглавлял Шерхорн. Были приняты меры, чтобы с воздуха передвижение «немцев» выглядело естественно, с соблюдением маскировки, так как они находились в тылу Красной Армии. После того как указанные группы двинулись по маршруту, предложенному немецким командованием, по пути они все равно продолжали получать значительное количество грузов, включая продовольствие. Продовольственный груз, сброшенный с самолетов, тут же на месте проходил лабораторное исследование, потом продукты давали на пробу собакам и лишь после этого разрешали их употреблять, тем не менее немцам сообщалось, что задержки в пути происходят исключительно из-за отсутствия продовольствия и боеприпасов. Те продолжали

усиливать снабжение «части Шерхорна» всем необходимым для перебазирования во фронтовой тыл и последующего прорыва на соединение с частями вермахта.

Из сообщения НКГБ СССР в Государственный Комитет Обороны СССР от 30 апреля 1945 года:

«С сентября 1944 года немцами совершено на территорию легендируемой части 67 самолетовылетов и сброшено 25 германских разведчиков (все арестованы); 13 радиостанций, из которых 7 включены в игру с немцами; 644 места различного груза, в том числе 615 комплектов зимнего обмундирования; 20 пулеметов «МГ-42»; 100 винтовок и автоматов; 35 пистолетов; 2000 гранат; 142 000 патронов; более 2,5 тонны различных мясопродуктов; 370 кг шоколада, 4 тонны хлеба; 400 кг сахара; 100 бутылок вина и прочее. Кроме того, было прислано 2 258 330 рублей».

Вместе с дезинформацией передавались сообщения о «диверсиях» в тылу Красной Армии, которые сочиняли Эйтингон, Маклярский и Мордвинов.

Верховное командование германской армии в ноябре—декабре 1944 года и в январе—феврале 1945 года присылало лично Шерхорну, а также солдатам и офицерам его части поздравительные телеграммы с благодарностью за службу, пожеланием успехов и обещанием сделать все возможное для вывода части за линию фронта. Однажды с грузом боеприпасов прислали Железные кресты для награждения отличившихся.

Раннее утро. Лес слегка подернут дымкой, воздух прозрачен и свеж. Весь личный состав «части Шерхорна» выстроился на большой поляне. Полковник Мордвинов, мужественный и остроумный человек, только что закончил очередной инструктаж. Вдруг на его серьезном лице появилась легкая усмешка.

— От имени командующего армией генерал-полковника Рейнхарда, — торжественно произнес он, — объявляю вам благодарность за отличную службу отечеству в тылу врага. Наверное, мы действительно хорошо работаем, — сменив тон, добавил он, — раз даже немцы нас благодарят. — Смеясь, он раздал кресты и скомандовал: — Кругом! А теперь прицепите их себе на заднее место.

28 марта 1945 года Шерхорн получил радиограмму, подписанную начальником Генерального штаба, который поздравил его с присвоением звания полковника и награждением рыцарским крестом 1-й степени.

Глава седьмая
ВИЛЛИ ФИШЕР

Наступил 1945 год — последний год Великой Отечественной войны. 28 марта Шерхорн получил от начальника германского Генерального штаба радиограмму следующего содержания:

«Телеграмма № 5 *для полковника Шерхорна: «Приказом от 16 марта 1945 года фюрер произвел Вас в этот чин. Желаем успеха в Вашей дальнейшей работе. Гудериан».*

Вслед за этой телеграммой пришла телеграмма № 6:

«Приказом от 23 марта в знак Ваших выдающихся достижений и выдержки фюрер наградил Вас Рыцарским крестом ордена Железный крест[18]*. Это одновременно признание заслуг Ваших людей далеко в стане противника. Наши лучшие пожелания в Вашем дальнейшем марше».*

Одновременно с поздравлениями Шерхорну было приказано прорваться со «своей частью» через линию фронта, приложив для этого все возможные силы, а затем следовать в Польшу и далее — в Восточную Пруссию.

За радиоперекличкой следили советские военные радисты, а руководство радиоигрой осуществлял Вилли Фишер — старший радиогруппы, специалист высочайшего класса. **Вильям Генрихович Фишер** родился 11 июля 1903 года в городе Ньюкасл-эпон-Тайн в Англии, в семье русских политэмигрантов. Его отец — уроженец Ярославской губернии из семьи обрусевших немцев. В 16 лет он приехал в Петербург в поисках работы и сразу же включился в революционную деятельность, за что попал под наблюдение полиции и был сослан в Саратовскую губернию. Там он познакомился с девушкой, коренной саратовчанкой, полюбил ее, и вскоре они поженились.

Молодую чету объединяло не только чувство, но и общность политических взглядов. В 1901 году супругов Фишер, преследуемых за революционную деятельность, вынудили покинуть Россию. Они эмигрировали в Англию.

С детских лет Вилли был настойчивым и упорным, всегда достигал намеченной цели. Учеба давалась ему легко, явное предпочтение мальчик отдавал естественным наукам. Незаурядные способности позволили ему в 16 лет сдать вступительный экзамен в Лондонский университет.

В 1920 году Фишеры, не прекращавшие заниматься революционной деятельностью и в Англии, возвратились в Россию и поселились в Москве. Все члены семьи стати советскими

гражданами. В это время Вилли привлекли к работе переводчиком в отделе международных связей исполкома Коминтерна. В 1924 году Вилли Фишер поступил в Институт востоковедения в Москве на индостанское отделение и успешно закончил первый курс. Но дальше учиться ему не пришлось. Он был призван на военную службу и зачислен в 1-й радиотелеграфный полк Московскою военного округа. Здесь Вилли освоил профессию радиста, которая и предопределила его дальнейшую судьбу.

После демобилизации Фишер поступил на работу в Научно-исследовательский институт военно-воздушных сил РККА.

На работу в иностранный отдел ОГПУ Вилли Фишер был принят в 1927 году, его назначили на должность помощника оперативного уполномоченного центрального аппарата. Опыт работы, приобретенный в исполкоме Коминтерна, и хорошее знание иностранных языков позволили руководству ОГПУ доверить Фишеру выполнение важных поручений в двух европейских странах по линии нелегальной разведки. В оперативном плане Вилли Фишер выполнял обязанности радиста нелегальных резидентур, деятельность которых охватывала несколько европейских стран.

Работа Фишера в загранкомандировках была оценена положительно. По возвращении в Москву он получил повышение по службе и звание лейтенанта государственной безопасности. Будущее казалось безоблачным. И вдруг в последний день уходящего 1938 года ему сообщили, что руководство НКВД СССР без объяснения причин приняло решение об освобождении его от работы в органах. С позиций сегодняшнего дня ясно, что причиной увольнения Фишера послужило то, что он был наполовину немцем, родившимся в Англии и там же проведшим детские годы.

Вилли устроился на работу во Всесоюзную торговую палату. Позже перешел на авиационный завод, где проработал до начала Великой Отечественной войны.

В сентябре 1941 года Фишеру предложили вернуться в НКВД СССР. Вильям Генрихович дал согласие и был зачислен во вновь созданное подразделение, занимавшееся организацией боевых разведывательно-диверсионных групп и партизанских отрядов. Это была особая группа во главе с П.А. Судоплатовым, которая уже 13 октября 1941 года в связи с расширением объема работ была реорганизована во 2-й отдел НКВД СССР, затем, в 1942 году, — в 4-е Управление НКВД—НКГБ СССР, а в 1943 году — НКГБ СССР.

Здесь уместно, забегая вперед, рассказать, как это произошло.

Вскоре после окончания войны, когда Вилли Фишер после завершения в Белорусских лесах операции «Березино», вместе с другими товарищами — сотрудниками 4-го Управления НКГБ СССР — вернулся в Москву, руководство внешней разведки, учитывая его личные и деловые качества, а также опыт оперативной работы, приняло решение направить его на самый ответственный участок работы — в США. В ноябре 1948 года Вилли Фишер, получивший оперативный псевдоним «Марк», выехал в командировку, которая продлилась 14 лет.

«Марк» быстро и уверенно вошел в местную среду. К концу мая 1949 года все организационные вопросы были решены и он доложил о готовности приступить к выполнению разведывательных задач. Началась кропотливая работа по сбору интересующей Центр политической информации, созданию устойчивых каналов связи с Москвой. Со временем круг задач «Марка» расширился. В августе 1949 года за успешную работу он был награжден орденом Красного Знамени.

Чтобы разгрузить «Марка», занятого выполнением большого объема текущей работы и многих специальных заданий, Центр в 1952 году направил ему в помощь Хейханена (псевдоним «Вик»), кадрового сотрудника внешней разведки, прошедшего подготовку радистом нелегальной резидентуры.

К сожалению, «Вик» оказался слабым человеком. Четыре года, проведенные в Америке, привели его к предательству. «Вик» выдал «Марка» американцам, и спустя некоторое время тот был арестован.

Провал не сломил «Марка». Надо было как можно скорее уведомить Центр о своем аресте. Он выдал себя за друга Рудольфа Ивановича Абеля, к этому времени уже скончавшегося. В Центре хорошо знати об их дружбе, и можно было не сомневаться, что, как только появится сообщение об аресте Абеля, коллеги сразу поймут, что речь идет о «Марке».

В ходе следствия «Марк» категорически отрицал свою принадлежность к разведке, отказался от дачи каких-либо показаний в суде и отклонил все попытки работников американских спецслужб склонить его к сотрудничеству.

После объявления приговора «Марк» сначала находился в одиночной камере следственной тюрьмы в Нью-Йорке, а затем был переведен в федеральную исправительную тюрьму в Атланте. Обладая уникальной способностью находить себе занятия в любой обстановке, в тюрьме он занимался решением математических задач, теорией искусства, графикой, писал картины маслом.

Родина не оставила «Марка» в беде. 10 февраля 1962 года на

мосту Глинике, через который проходила граница между Западным Берлином и ГДР, был произведен обмен Рудольфа Абеля на осужденного в СССР американского летчика — шпиона Ф. Пауэрса.

После лечения и отдыха Фишер-Абель вернулся к работе в центральном аппарате внешней разведки и находился на боевом посту до конца своей жизни.

Заслуги «Марка», кадрового офицера, полковника, почетного сотрудника органов госбезопасности, были отмечены многими орденами и медалями. 15 ноября 1971 года Вильгельма Генриховича Фишера (Рудольфа Ивановича Абеля) не стало. Похоронен он на Донском кладбище в Москве. На его памятнике написано: «В.Г. Фишер — Р.И. Абель».

Глава восьмая
КОНЕЦ ОПЕРАЦИИ «БЕРЕЗИНО»

Действуя согласно утвержденному плану, который предусматривал возможность заманить «путем игры одного крупного разведчика», чекисты периодически подбрасывали гитлеровцам информацию о возможности развертывания подрывной и агитационной работы с целью создания фундамента Белорусского подпольного центра из числа немецких пособников.

Очевидно, подчиненные адмирала Канариса клюнули на приманку, потому что опергруппе, занимавшейся операцией «Березино», из радиоперехвата стало известно о том, что начальник «Абверкоманды-103», известный в литературе как «Сатурн» — старший лейтенант Рудольф фон Баренфельд, носивший псевдоним «Рудольф», — несколько раз лично вылетал в тыл Красной Армии на разведку местности для возможной посадки самолетов в район базы «части Шерхорна». Узнав об этом, чекисты уже предвкушали успех своей акции. Но, как гласит пословица: «Не говори „гоп“, пока не перепрыгнешь». Задержанные вскоре агенты-парашютисты показали на допросах, что самолет, на борту которого находился Баренфельд, обстреляли и подожгли наши зенитки. В момент посадки немецкий офицер попытался выпрыгнуть из самолета, но попал под винты «Арадо» и погиб. Немцы лишились одного из самых опытных разведчиков, который первым установил связь с «частью Шерхорна» и немало, как полагали в штабе группы армий «Центр», сделал для внедрения агентов и диверсантов в тыл Красной Армии. Но прекращать оперативные мероприятия, проведенные Баренфельдом, в связи с его гибелью шефы не захотели, и в конце декабря 1944 года советская опергруппа, находившаяся в белорусских лесах, задержала еще четверых посланцев «Абверкоманды-103». Все они прошли полный курс обучения, организованного немцами при самой активной помощи разведотдела Белорусской добровольческой армии в Восточной Пруссии. В задачи немецких агентов входила подготовка вооруженных выступлений и диверсии на железнодорожных коммуникациях для затруднения переброски на советско-германский фронт армейских резервов, техники и боеприпасов. Но в результате мероприятий, проведенных за линией фронта сотрудниками «Смерша», а также благодаря оперативной игре «Березино» такое важное подразделение немецкой разведки, как «Абверкоманда-103», оказалось практически парализованным и

уже до самого конца войны не смогло принести ощутимой пользы германскому командованию.

Шел 1945 год. Красная Армия стремительно продвигалась на Запад, и «часть Шерхорна» никак не могла «догнать» все время отодвигающуюся линию фронта. Бои переместились на территорию Германии. 1 мая 1945 года немцы сообщили Шерхорну, что Гитлер погиб, а 5 мая по всем радиостанциям, участвовавшим в игре «Березино», немцы передали последнюю телеграмму:

«Превосходство сил противника одолело Германию. Готовое к отправлению снаряжение воздушным флотом доставлено быть не может. С тяжелым сердцем вынуждены прекратить оказание вам помощи. На основании создавшегося положения мы не можем больше поддерживать с вами радиосвязь. Что бы ни принесло нам будущее, наши мысли всегда будут с вами, которым в такой момент приходится разочаровываться в своих надеждах».

Это был конец игры. Советская разведка блестяще переиграла разведку фашистской Германии.

О масштабах этой радиоигры дает представление **справка из архива Службы внешней разведки Российской Федерации по агентурному делу № 4/544 «Березино» от 8.03.1947 года:**

«Агентурное дело „Березино“ заведено в сентябре 1944 года в целях радиоигры с немецкими разведорганами и верховным командованием германской армии о наличии якобы крупных соединений немецко-фашистских войск в районе Березино Белорусской ССР.

Для поддержания морального и боевого духа своих солдат и офицеров в советском тылу германское командование систематически перебрасывало в указанный район с самолетов свою агентуру и различные грузы…

Агентурное дело «Березино» состоит из 117 томов и двух альбомов, в которых сосредоточены материалы, относящиеся к этому делу».

Всего в операции «Березино» участвовало 32 оперативных сотрудника НКГБ СССР и 255 военнослужащих войск НКВД СССР.

На Западе до сих пор верят в успех своей оперативной работы и утверждают, что в годы войны немцы сумели внедрить своего глубоко законспирированного агента под псевдонимом «Макс» в советский Генеральный штаб. И до сих пор не знают о том, что «Макс» и «Гейне» — одно и то же лицо.

Глава девятая
«ЧЕЛОВЕК СО ШРАМОМ» ОБ ОПЕРАЦИИ «БЕРЕЗИНО»

Визвестной на Западе книге «Секретные задания РСХА», написанной знаменитым диверсантом Третьего рейха № 1 Отто Скорцени, которого называли «человек со шрамом», дано подробное описание операции «Березино». *Я* позволю себе полностью привести выдержку из этой книги как оценку этой операции с другой стороны:

«Во второй половине августа мне приказали срочно явиться в ставку фюрера. По прибытии меня встретили два офицера из штаба генерала Йодля и объяснили причину вызова.

Вскоре после чувствительного поражения в июньской кампании 1944 года на центральном участке Восточного фронта дал о себе знать один «резервный агент», иначе говоря, сотрудник одного из подразделений контрразведки, какие существуют во всякой армии, русский агент, еще в начале войны внедрившийся в тыл русских. (Имеется в виду «Гейне», или, как его называли немцы, «Макс». **— Прим. авт.)**

Наш связной перешел линию фронта и передал разведчику приказ о расконспирации и само задание. И вот наконец радиограмма: «В лесной глуши к северу от Минска стекаются группы уцелевших немецких солдат».

Около двух тысяч человек под командованием подполковника Шерхорна находились в районе, указанном весьма неопределенно.

Разведчику сразу же приказали наладить радиосвязь с затаившимся отрядом, сообщили соответствующие частоты и код, но до сих пор все попытки оставались тщетными — по-видимому, у Шерхорна не было передатчика. Главнокомандующий уже посчитал невозможным найти и вернуть отряд. Ему посоветовали обратиться за помощью к моим «специальным частям».

— В состоянии ли вы выполнить подобное задание? — спросили встретившиеся со мной офицеры.

Я с достаточным основанием дал утвердительный ответ, зная, что эти офицеры и их коллеги были бы счастливы вернуть своих друзей, затерявшихся в русском цунами. В тот же вечер я вернулся на самолете в Фриденталь, и мы принялись за дело.

Моей службой в считаные дни был разработан план под кодовым названием «Браконьер». Его реализация началась. Прежде всего предстояло решить многие технические проблемы.

Проект предусматривал создание четырех групп, каждая из которых состояла из двух немцев и троих русских. Людей вооружили русскими пистолетами и снабдили запасом продовольствия на четыре недели. Кроме того, каждая группа была снабжена палаткой и портативной радиостанцией. Все члены группы были на всякий случай переодеты в русскую военную форму, обеспечены удостоверениями, пропусками и т. д. Всем пришлось привыкнуть к русским сигаретам, в вещмешке у каждого имелось несколько ломтиков «русского» черного хлеба и советских консервов.

Все были подстрижены почти наголо в соответствии с военной нормой советских солдат. В последние дни перед вылетом всем пришлось расстаться с привычными предметами гигиены, включая даже бритвы. Вот такая подготовка была проведена. Теперь двум группам предстояло прыгнуть с самолетов восточнее Минска, почти точно посредине между городами Борисов и Червень, продвинуться на запад и обследовать бескрайные леса в этом районе. Если не удастся обнаружить отряд Шерхорна, надлежало самостоятельно добираться к линии фронта. По замыслу две другие группы должны были десантироваться между Дзержинском и Витией, приблизиться к Минску и обшарить обширный сектор вплоть до самого города. Если поиски останутся бесплодными, им тоже следовало пробиваться к линии фронта. Мы отдавали себе отчет, что сей план является лишь теоретическим руководством, и предоставили всем группам достаточную свободу действий: изначальная неопределенность не позволяла предусмотреть все детали операции, и потому им было дано право действовать по собственному разумению в соответствии со сложившимися обстоятельствами. Нам же оставалось уповать на радиосвязь, которая в случае успеха позволяла передавать новые указания. После обнаружения отряда Шерхорна следовало соорудить в занятом им лесу взлетно-посадочную полосу. Тогда можно было бы постепенно эвакуировать солдат на самолетах.

Уже в последних числах августа первая группа поднялась в воздух на «Хейнкеле-111».

С лихорадочным нетерпением ждали мы возвращения самолета — ведь предстояло пролететь более 500 километров над вражеской территорией (к тому времени линия фронта проходила через Вистюль). Поскольку подобный полет мог состояться только ночью, истребители не могли сопровождать транспортный самолет. В ту же ночь состоялся сеанс радиосвязи между разведчиком и группой.

«Скверная высадка, — докладывали нам парашютисты, —

попробуем разделиться. Находимся под пулеметным огнем».

Это было все сообщение. Видимо, группе пришлось отступить, бросив передатчик.

Между тем дни и ночи проходили, а из радиопередатчика доносился лишь негромкий треск атмосферных помех. Ничего больше, никаких вестей.

В начале сентября была отправлена вторая группа. По возвращении самолета было доложено, что парашютисты прыгнули точно в указанном месте и приземлились без происшествий. Однако следующие четыре дня и ночи радиопередатчик молчал.

…Оставалось единственное объяснение — еще один провал, еще одна катастрофа. Но на пятую ночь наше радио, от которого ждали хоть каких-нибудь признаков жизни, уловило ответ. Сначала пошел настроечный сигнал, затем особый сигнал, означавший, что наши люди вышли на связь без помех (нелишняя предосторожность: отсутствие сигнала означало бы, что радист взят в плен и его силой заставили выйти на связь). И еще великолепная новость: отряд Шерхорна существует и его удалось обнаружить! На следующую ночь подполковник Шерхорн сам сказал несколько слов — простых слов, но сколько в них было сдержанного чувства, глубокой благодарности! Вот прекраснейшая из наград за все наши усилия и тревоги!

Через сутки после принятого сообщения вылетела третья пятерка с унтер-офицером «М» во главе. О судьбе этой группы немцы так и не узнали никогда. И как ни пытались радисты искать их позывные в эфире, группа не объявилась. «М» исчезла в бескрайних русских просторах.

Ровно через двадцать четыре часа вслед за группой «М» на задание отправилась и четвертая группа «Р». С этой группой повезло, радисты четыре дня регулярно выходили на связь с ней. После приземления направилась в сторону Минска, но не могла держаться строго этого направления, поскольку то и дело натыкалась на военные патрули. Иногда группа встречала дезертиров, которые принимали шедших в ней людей за товарищей по несчастью. На пятый день сеанс связи с группой «Р» неожиданно прервался. Мы даже не успели сообщить им координаты отряда Шерхорна. Вновь потянулось тревожное, нестерпимое ожидание. Каждое утро Фолькерсам грустно объявлял: «Никаких вестей от групп „Р“, „М“. Наконец через три недели мы получили телефонограмму откуда-то из района литовской границы: „Группа „Р“ перешла линию фронта без потерь“. Как и следовало ожидать, отчет „Р“ чрезвычайно заинтересовал разведывательные службы. Ведь случаи

возвращения германских солдат с занятых русскими территорий были крайне редки… Переодетому лейтенантом Красной Армии командиру „Р“ достало смелости проникнуть в офицерскую столовую и получить обед. Благодаря безукоризненному знанию русского языка он оказался вне подозрений. Несколькими днями позже „Р“ добралась до наших передовых частей…

Немецкое командование, все еще желая сохранить отряд Шерхорна, старалось удовлетворять наиболее насущные его нужды. Более трех месяцев отряд, находившийся в полной изоляции и лишенный буквально всего, требовал побольше медицинских препаратов, перевязочных средств и врача. Прыгнувший с парашютом врач при приземлении в темноте разбился, сломал обе ноги и через несколько дней скончался. …В течение двух-трех ночей 200-я эскадрилья высылала по нескольку самолетов для снабжения затерянного в лесу лагеря. К сожалению, ночная выброска материалов не могла быть точной: зачастую спускаемые на парашютах контейнеры опускались в недоступных местах или оставались ненайденными в лесных зарослях, хотя солдаты Шерхорна вели непрерывные поиски. Тем временем совместно со специалистами эскадрильи мы подготовили план эвакуации, решив использовать в качестве аэродрома обширную лесную поляну, обнаруженную невдалеке от лагеря Шерхорна. Операцию решили проводить в октябре, в период наиболее темных безлунных ночей, наметив в первую очередь вывезти на самолетах раненых и больных, а уж затем здоровых. К Шерхорну направили специалиста по быстрому развертыванию взлетно-посадочных полос в полевых условиях. Но едва начались подготовительные работы, как русские мощным ударом с воздуха сделали выбранное место непригодным. Пришлось изыскивать другой способ. После переговоров с Шерхорном решили, что отряду следует покинуть обнаруженный лагерь и совершить 250-километровый переход на север. Там в окрестностях Дювабурга, возле прежней русско-литовской границы, находилось несколько озер, которые замерзали в начале декабря. Когда лед достаточно окрепнет, озера превратятся в подходящие аэродромы для транспортных самолетов. Проделать столь долгий путь в тылу врага — дело непростое. Шерхорн предложил разделить отряд на две маршевые колонны. Первой, под командой моего офицера С, надлежало идти прямо на север. Вторая, под командованием Шерхорна, должна была идти параллельным курсом, но немного позади. Следовало снабдить людей теплой одеждой и прочими необходимыми материалами. (Хорошо еще, что Скорцени не написал о своем личном присутствии в лесу и о беседе с Шерхорном. — Э.Ш.) Для двух

тысяч человек такая операция требовала огромного количества вылетов. Мы. послали им девять радиопередатчиков, чтобы при дроблении отряда каждая часть имела бы связь с другими и с нами.

Поздней осенью 1944 года колонны немцев медленно потянулись на север. Телег было мало, на них с трудом разместили больных и раненых. Кто мог, шел пешком. Переход оказался намного более длительным, чем предполагалось. В среднем за день преодолевали чуть более десяти километров. Шерхорн был вынужден то и дело останавливать отряд для отдыха на день-другой. Иногда за неделю не удавалось пройти и сорока километров. С другой стороны, не обходилось без кровопролитных схваток с русскими военными патрулями, число погибших и раненых росло с каждым днем, и темпы продвижения, естественно, снижались. Мало-помалу все мы, успевшие хорошо узнать русских, теряли последние надежды. Шансы Шерхорна на возвращение в Германию были до ужаса малы.

По мере продвижения отряда к линии фронта маршрут самолетов снабжения укорачивался, но определить место выброски становилось труднее. По радио мы старались уточнить их координаты на карте, испещренной различными значками. Несмотря на предосторожности, несметное число тюков и контейнеров попало в руки русской милиции, которая, надо отдать ей должное, справлялась со своей задачей. Но даже не это было нашей главной заботой. С каждой неделей количество горючего, выделяемого 200-й эскадрилье, неизменно сокращалось, тогда как наши потребности в нем отнюдь не уменьшались. Время от времени мне удавалось в виде исключения урвать дополнительно 45 тонн, но каждая новая просьба натыкалась на все большие трудности. Несмотря на отчаянные мольбы Шерхорна, пришлось сократить число вылетов самолетов снабжения. Думаю, ни Шерхорн, ни его солдаты, в невероятно сложных условиях пробивавшиеся через русские леса, не в состоянии понять наши проблемы. Чтобы поддержать их дух, их веру в наше стремление помочь им всеми имеющимися у нас средствами, я в каждом радиосеансе старался выказывать неизменный оптимизм. В феврале 1945 года мне самому пришлось командовать дивизией на Восточном фронте. Отбивая яростные атаки врага, я не упускал из виду наши особые миссии. Сообщения, все еще регулярно приходившие от Шерхорна, были полны отчаяния: «Высылайте самолеты… Помогите нам… Не забывайте нас…» Единственно хорошая весть: Шерхорн встретил группу «П», первую из четырех заброшенных групп, которую считали бесследно сгинувшей в августе 1944 года. Дальнейшее

содержание радиосообщений стало для меня сплошной пыткой. Мы уже не в состоянии были посылать более одного самолета в неделю. Перелет туда и обратно превышал 800 километров. Да и количество отправляемых грузов таяло на глазах. День и ночь я ломал голову, изыскивая возможности помочь людям, которые не сломились, не сложили оружия. Но что было делать?

К концу февраля нам перестали выделять горючее, при одной лишь мысли об огромных его запасах, захваченных противником в ходе наступления, меня охватывало бешенство. На каждом из аэродромов Вартегау, занятых русскими, имелось по нескольку сотен тонн авиационного горючего.

27 февраля командир группы «Т» прислал нам следующее сообщение: «Отряд прибыл в намеченный район возле озер. Без немедленной поддержки умрем с голоду. Можете ли вы нас забрать?»

По мере расходования элементов питания передатчика призывы о помощи становились все более настойчивыми, а мы уже не в силах были помочь. В конце С. просил доставить хотя бы батареи питания: «Мы больше ничего не просим, только говорить с вами, только слышать вас».

Крах и невероятный хаос, поразивший многие службы, окончательно добили нас. Не могло быть и речи о вылете самолета с помощью для несчастных, тем более об их эвакуации.

И все равно наши радисты ночи напролет не снимали наушников. Порой им удавалось засечь переговоры групп Шерхорна между собой, порой до нас долетали их отчаянные мольбы. Затем, после 8 мая, ничто более не нарушало молчание в эфире. Шерхорн не отвечал. Операция «Браконьер» окончилась безрезультатно [19].

Автор позволит себе не комментировать написанное Отто Скорцени в его «историческом» труде «Секретные задания РСХА», надеясь на то, что читатель сделает это лучше. Добавлю только, что после окончания войны генерал Гелен, возглавлявший вслед за адмиралом Канарисом немецкую разведку, стремясь завоевать доверие американцев, предлагал им «Макса» как надежного источника в Москве. Однако разведка США отнеслась с недоверием к предложению Гелена.

Закончилась Великая Отечественная война Советского Союза с фашистской Германией. Отгремели залпы салюта в честь воинов-победителей, тружеников тыла, всего советского народа.

Чекисты — сотрудники 4-го Управления НКГБ СССР, принимавшие участие в операции «Березино», вернулись из Белоруссии в Москву. Все участники операции были награждены орденами и медалями, все занялись мирным трудом.

В начале 50-х годов Генрих Шерхорн и его группа из числа немецких военнопленных были освобождены и уехали в ГДР, где жили и работали. О дальнейшей их судьбе сведений в архиве Службы внешней разведки РФ не сохранилось.

Что же касается Александра Петровича Демьянова, то он по-прежнему жил в Москве и, как до войны, вращался в артистических кругах — дружил с режиссерами и актерами театра и кино. Не забывал своего увлечения лошадьми — часто посещал манеж.

После войны была предпринята попытка задействовать его в одной из операций внешней разведки, для этого вместе с женой они выехали в Париж, но местные эмигранты не заинтересовались гостем из Москвы. Супруги вернулись домой.

Умер «Гейне» в октябре 1975 года от внезапного разрыва сердца во время прогулки по Москве-реке на моторной лодке. Похоронен на Немецком кладбище рядом со своим тестем, Борисом Александровичем Березанцевым, и женой Татьяной. У них общая могильная ограда. Летом на могилу отбрасывает тень одинокий клен. Осенью его узорчатые желто-багряные листья застилают ее ковром. Зимой снег, медленно кружась, падает на могилу, всю ее засыпая, вплоть до самой ограды.

Ничто не нарушает вечного покоя…

* * *

Эпилогом могут служить справедливые слова писателя Т.К. Гладкова о работе сотрудников органов государственной безопасности: «Они тоже на всем протяжении истории ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ играли двойственную роль, иногда героическую, иногда преступную. А чаще всего — одновременно.

С одной стороны, им вменялось в обязанности выполнять функции традиционной тайной полиции, всячески оберегать диктатуру партийной верхушки, а с какого-то момента единоличную власть всемогущего вождя Сталина, подавлять любое сопротивление, любое несогласие или даже подозрение на вольнодумство. И делать это самыми жестокими методами, вплоть до пыток арестованных, чудовищных лагерных сроков и расстрелов. Всякого усомнившегося в правоте своего дела чекиста ждал тот же подвал и пуля в затылок, выпущенная вчерашним сослуживцем. Регулярно расстреливались и не усомнившиеся ни в чем — лишь потому, что слишком много знали. Таких в общей сложности за годы сталинщины набралось свыше двадцати тысяч человек, в том числе — множество первоклассных, безусловно

преданных Отечеству разведчиков и контрразведчиков.

С другой стороны, нужно было обеспечить подлинную безопасность страны, оберегать ее государственные и военные тайны, проникать в замыслы враждебных держав, выявлять настоящих шпионов и диверсантов.

Люди, которые честно и добросовестно занимались этой работой, зачастую сидели в соседних кабинетах с мастаками лепить фальсифицированные дела, костоломами и палачами. И те и другие одинаково назывались чекистами, носили одинаковые фуражки с голубым верхом, сидели рядом на партийных собраниях и ведомственных совещаниях, иногда даже вместе получали ордена из рук одного и того же благодушного старичка с козлиной бородкой и такими же наклонностями» [20].

Часть III
БЕЗ ГРИФА «СЕКРЕТНО»

Глава первая
ВСПОМИНАЯ БЫЛЫЕ СРАЖЕНИЯ

Из всех чекистов — руководителей операций «Монастырь» и «Березино» — только Павел Анатольевич Судоплатов написал мемуары. Остальные по разным причинам решили остаться «в тени». Ниже будет рассказано об этих людях — воспоминания хорошо знавших их людей, скупые строки автобиографий, краткие биографические очерки. Они не претендуют на полноту, это попытка рассказать о тех, кто придумал и реализовал операцию «Монастырь» — «Березино».

Воспоминания жены Демьянова:

Мой муж, Александр Демьянов, с самого начала Великой Отечественной войны был призван в одно из подразделений НКВД СССР для выполнения специального задания. Это задание он выполнил с честью и был награжден. Я и мой отец, имевший частную практику в Москве, помогали ему.

Александра уже нет — в последнее время не выдержало натруженное сердце. На счастье, он оставил записи. О себе он писал скупо, но за каждым словом его воспоминаний неуловимая человеческая скорбь, невысказанная, скрытая завесой оптимизма, горькая правда человеческой жизни.

«Когда нависшая над Москвой угроза миновала, немцы были отброшены от столицы, мое руководство задумало операцию по засылке меня в тыл к немцам. Для успешного осуществления данной операции имелся ряд предпосылок.

Я происходил из семьи потомственных военных царской армии как со стороны отца, так и со стороны матери. В моей семье не было ни одного штатского. Моему прадеду, запорожскому полковнику Антону Головатому установлен памятник в городе Тамани. После упразднения Запорожской Сечи Головатого командировали запорожцы к Екатерине II и Потемкину с прошением поселить запорожцев по реке Кубани для борьбы с черкесами. Просьба была удовлетворена. Было создано Войско кубанское, а первым войсковым атаманом выбран Антон Головатый.

Отец мой скончался от ран в 1915 году, поэтому в Красной Армии служить не мог. Младший брат отца до революции был контрразведчиком. Он, когда Красная Армия заняла Анапу, был выслан на Север и по дороге умер от тифа.

Согласно плану я, перейдя линию фронта, должен был

сдаться немцам, выдавая себя за курьера, посланного антисоветской организацией. Такая организация существовала в СССР на самом деле, но находилась под соответствующим наблюдением, так что немцы всегда могли проверить это через свою агентуру в Москве».

Александр с нетерпением ждал выполнения задания. Не честолюбие руководило им, а желание наконец сделать серьезное, нужное дело для Родины. Он был прирожденным разведчиком. У него был особый талант мышления. Он обладал чувствительной нервной системой, умением концентрировать волю, активным восприятием жизни, способностью глубокого проникновения в психологию человека. Великолепная память, собранность, непоколебимая воля, молниеносная реакция, способность самостоятельно принимать решения в любых обстоятельствах, смелость, честность, острый ум — все эти качества были присущи Александру. И главное — безграничная любовь к Родине.

«Я начал подготовку. Занимался радиоделом, осваивал шифры, тайнопись, подрывное дело и стрельбу из разных пистолетов, включая физические тренировки и лыжный спорт. Кроме того, я сконструировал радиостанцию, которая должна была стать подтверждением того, что организация серьезно готовится для работы, но нужна помощь немцев в снабжении батареями и кварцевыми стабилизаторами.

После завершения подготовки был намечен день моего перехода. До отъезда я побывал у одного видного члена организации, ярого антисоветчика, который меня благословил. Получил явку от руководителей на Берлин (если мне удастся добраться)».

…Перед уходом на задание Александр пришел проститься с моим отцом. Он только сказал отцу, что, если кто-либо будет являться от него, направлять в мою квартиру. Борис Александрович ни о чем не расспрашивал, достал из сейфа мой крестильный крестик (хотя сам не был верующим) и, несмотря на сопротивление Шуры, надел ему на шею, сказав: «Пригодится. Крест Господен спасет вас». Перекрестил, благословляя, обнял на прощание, как сына.

Не сразу отец принял Александра, но постепенно недоверие к нему переросло в настоящую мужскую дружбу.

Война — трудный экзамен для человека, а у отца это была третья. Он понял и почувствовал всю серьезность задания мужа. Согласно отведенной ему роли в операции, сдержанно и деловито, не придавая этому значения подвига, помогал делу. Он уважал Александра за смелость, патриотизм, удивительную скромность. И во многом помогал ему выбираться из трудных

ситуаций.

«На другой день меня доставили на фронт за Можайск. Войсковая разведка определила наиболее безопасный путь следования и проводила меня в нейтральную зону. Я залег, так как все время немцы стреляли трассирующими пулями над моей головой и освещали местность осветительными ракетами. Тут я обнаружил, что ремни на лыжных палках армейские, защитного цвета. . Ножа у меня не было, я перетер их о пенек и закопал в снег. После этого привязал белое полотенце к палке (это полотенце при прощании жена, наверное, сама не зная зачем, положила мне в карман). Как только начало светать, стал на лыжи и направился к немцам. Немцы открыли стрельбу, но скоро прекратили. С криком „Не стреляйте!“ я побежал к ним навстречу, размахивая белым полотенцем. В этот момент лыжная палка скользнула по металлу. Я понял, что это мина, и больше палками не пользовался. Когда я добежал до бруствера, немцы помогли мне перебраться, и один из них, отведя в укрытие, просил по-русски немного подождать. Лыжи и палки мои куда-то сразу унесли.

Последовала серия непрерывных допросов, днем и ночью. Я находился под неустанным наблюдением. Меня привели в блиндаж к майору. Тот по-русски спросил меня: «Почему ты предал Родину?» Остро резанул его взгляд, полный холодного презрения, взгляд кадрового офицера, типичного тевтонца, гордого своим превосходством. Он демонстративно встал из-за стола, когда капитан усадил меня пить чай, и, брезгливо бросив реплику «Предатель Родины!», вышел.

Затем меня увели в штаб, который помещался в большой избе.

Немецкий солдат тщательно обыскал меня. При этом он все время извинялся, говоря, что, мол, война и обязан это делать. Сам он был до войны дирижером Берлинской филармонии и проехал нашу страну до Владивостока. Затем начался долгий допрос. Спрашивали, кто меня послал. Выясняли данные моей биографии, как удалось перейти заминированную линию фронта. Повтор одних и тех же вопросов длился до вечера. Допрашивали военный прокурор и два офицера СС.

Вечером меня устроили спать в небольшой комнате на лавке, над которой висело оружие. Но только я лег, как вошел военный прокурор и, увидев меня, заорал на сопровождающих его солдат и вышел. «Дирижер» объяснил мне, снова извиняясь, что гнев прокурора вызван тем, что меня положили спать там, где висело оружие. Меня отправили спать в подпол. По дороге я прихватил подвернувшуюся кошку, так как боялся, что там есть мыши.

Утром все наверху проснулись, а меня как будто забыли. Тогда я осторожно постучал в люк, услышал «Инженер, интеллигент», и меня выпустили.

И снова допрос в большом штабе, где много телефонов, раций, в присутствии большого числа офицеров.

В перерыве между допросами меня вывели в сени. Молодая красивая женщина, проходя мимо, осторожно передала мне пачку сигарет от капитана. Конвоиры, ухмыльнувшись, бросили ей вслед: «Русская шлюха» (но это была связная партизанского отряда). Тут же ко мне подошел толстый неуклюжий полковник (видимо, из бывших белогвардейцев), начал грубо выкрикивать нелепые вопросы, вроде того, почему до сих пор не убили Сталина, вперемежку с площадной бранью, угрожая вздернуть меня на крыльце. Поток его ругани потонул в гуле самолетов. Вблизи разорвалась бомба. Это прорвались наши бомбардировщики. После отбоя тревоги вышел с пакетом солдат, который повез меня в санях дальше.

Только въехали в Гжатск, как наши самолеты начали его бомбить. Немцы попрятались. Били зенитки, дома горели. В дыму и огне метались люди. Я взял под уздцы лошадь и отвел ее в кусты. На снегу я заметил пакет моего конвоира. Подняв его, я укрылся в канаве. Когда бомбежка кончилась, появился конвоир и, расстроенный, стал искать пакет. Я окликнул его и отдал ему пакет. Он пожимал мне руки, высказывая свою признательность.

Мы подъехали к дому, где нас встретили несколько военных во главе с капитаном. Они бесцеремонно меня разглядывали и усмехались. Допрос был коротким. На вторичном допросе, при котором присутствовало много офицеров разных рангов, меня засыпали вопросами: «Кто послал?

Кто члены организации? Как я добрался? Когда ходят поезда на Можайск? Кто моя жена, отец, их адреса?» Проверяли, говорю ли я по-немецки.

Я утверждал версию, что идеологические противники советской власти объединены в организацию «Престол». Их цель — борьба с коммунизмом, несущим гибель России. Большевики уничтожают русскую интеллигенцию, отбросили развитие цивилизации, культуру русских на сотни лет. «Организация» пойдет на любые контакты с фашизмом, так как ее цель — борьба с большевиками любыми средствами, за освобождение России от «красной чумы».

Мне был поставлен ультиматум: если я скажу правду, то сохраню себе жизнь и, пока длится война, буду находиться в концлагере. Дали полчаса на размышление. Если не скажу правды, обещали пытать «третьей степенью». Меня отвели в

другую комнату, где стояло несколько коек, по стенам было развешано оружие и мирно отсчитывали время ходики.

Прошло полчаса. О чем думалось в ожидании пыток? Была одна мысль — выдержать, выполнить задание. Тиканье ходиков отдавалось в висках. Нет, страха не было. Не сорваться бы. Над головой висело оружие. Значит, еще проверка. Можно покончить с собой, не ожидая пыток. Но это сорвет операцию, и я не оправдаю доверие товарищей.

Ходики неумолимо продолжали свой ход. Прошло еще полчаса, но казалось, время остановилось. Я лег и заснул с верой в свою счастливую звезду. Разбудил меня стук сапог и толчки прикладов. Три солдата с винтовками вывели меня через крыльцо во двор и поставили к стенке сарая.

Был тихий пасмурный вечер. Только беспокойные лучи прожектора прорезали небо и где-то вспыхивали осветительные ракеты.

В ожидании расстрела я думал не о смерти, а о том, чтобы до конца выполнить свой долг и не дрогнуть. На мгновение мелькнула мысль о жене…

На крыльце появилось несколько офицеров, которые оживленно разговаривали. Один, усмехаясь, обратил внимание прокурора на крест у меня на груди. Меня спросили, буду ли я говорить, на что я ответил: «Я сказал правду». Офицер дал команду — раздались выстрелы из нескольких винтовок, и веер щепок посыпался на меня. Понял — еще жив. Немцы смеялись. (Отец жены оказался прав — крест Господен спас меня.)

Меня проводили в ту же комнату, где допрашивали. Там был накрыт стол, сервированный для ужина. Старший по чину офицер обратился ко мне, радушно приглашая за стол: «Господин Александр, коньяк, водочка. За успех! Будем вместе работать. Вам некоторое время придется побыть в Смоленске, куда мы отправим вас завтра».

Тут же начался инструктаж. Он подействовал на меня так, как шпоры на скакуна. Значит, игра началась.

Рано утром я в сопровождении офицеров на машине отправился из Гжатска в Смоленск. По дороге один из офицеров снимал узкопленочной камерой заносы на дороге, изредка захватывая меня в поле зрения камеры. Все мосты и переезды охранялись вооруженными солдатами с пулеметами, иногда и зенитными орудиями.

Прибыв в Смоленск, мы остановились недалеко от концлагеря. Меня поместили в домик, стоящий в стороне, от основной территории лагеря. В нем жили предатели и специалисты, которых должны были отправить в Германию. Они

стали расспрашивать, как я попал к ним. (Я понимал, что наблюдение за мной ведется неустанно.) Я ответил, как меня инструктировали немцы, что был в командировке и, когда немцы заняли город, не успел уехать. Некоторое время спустя меня отвели в барак на территории лагеря, где в «вошебойке» пропарили всю мою одежду. В бараке я видел, в каких ужасных условиях содержатся пленные. Больные находились прямо на полу. У двери лежал умирающий, и дверь на пружине ударяла его, когда кто-нибудь входил в барак.

Все пленные были страшно истощены, так как кормили их баландой. Конвоиры не скупились на удары прикладами. Заставляли всех слушать проповедь предателя-священника. В лагере всюду висели дощечки с надписями: «Пленный, тебе трудно, но в этом виновато твое правительство, которое не вошло в международную конвенцию Красного Креста».

Александр остро реагировал на любое проявление жестокости, хамства по отношению не только к людям, но и к животным. И всегда старался защитить от обидчика. Какого же напряжения стоило ему заставить себя не реагировать на окружающие его зверства. Слышать, как за стеной пытают советского летчика, и молчать, не имея права помочь товарищу. Видеть, как ведут в камеры душегубок босых детей и обнаженных женщин по снегу, подгоняемых ударами плетей, и молчать, не ударить, не убить.

Тяжелым нравственным испытанием было преодолевать в себе отвращение и ненависть к предателям, до жестокой боли выдерживать взгляды безмолвного проклятия военнопленных лагеря и холодное презрение офицеров немецкой армии к предателю Родины, трусу. Только не сорваться. Выдержать. Оградить себя щитом правды исполнения воинского долга перед Родиной. Эта психологическая борьба значительно труднее физической.

«И снова допрос в управлении лагеря. Офицерам абвера мне вновь пришлось повторить версию моего перехода. Они интересовались моей специальностью и знаниями в области радио и электротехники. Просили начертить схему моего передатчика.

В управлении лагерем сообщили, что скоро начнутся мои занятия с инструкторами, которые будут меня сопровождать во избежание неприятностей. Русский, одетый в гражданскую одежду, — специалист по советским документам — проверил мой паспорт и военный билет. Через несколько дней утром явились мои инструкторы Вилли и Юзеф. Я с ними направился к дому в центре города. Здесь в квартире старика-профессора мы

приступили к занятиям. Изучали тайнопись, шифровку и радиодело.

Занимались целыми днями. Кормили нас обедом и выдавали бутылку немецкой водки. После занятий один из инструкторов отводил меня обратно в лагерь. . .

Во время занятий мне с большим трудом приходилось скрывать, что я умею работать на телеграфном ключе. Когда я, по мнению инструкторов, уже освоил радиопередатчик, мне доверили вести передачу и прием радиограмм в Центр и из Центра. Передачи из Центра подписывались «Капитан» (это была моя новая кличка).

В домик предателей часто заходил немецкий солдат, при появлении которого раздавалась команда «Встать!». Это был зондерфюрер Гисс, начальник лагеря, наместник фашистской партии. Он ко мне относился с симпатией, угощал сигаретами и справлялся о здоровье. Через солдат передавал консервы и сигареты. Я щедро делился этими подачками со своими инструкторами. Они стали откровеннее со мной, уважительнее относиться, видя такое внимание Гисса ко мне. Во время занятий даже оставляли на некоторое время одного, а вечерами играли со мной в карты.

Через несколько недель после окончания подготовки состоялась встреча с высшими представителями фашистской партии, на которой сообщили, что меня должны отправить в Москву, уточнили задачи и время моих передач, связи с «организацией» по подрывной работе в столице. Условились, что «курьеры», прибывающие в Москву, являться будут к отцу жены, а он будет уведомлять меня о их прибытии. Делалось это для того, чтобы не вызывать подозрения (отец был практикующим врачом).

На следующий день я в сопровождении лейтенанта и капитана прибыл в Минск. Оттуда меня должны были отправить самолетом, чтобы с парашютом высадить за линию фронта, а далее я должен добираться до Москвы.

В Минске меня определили на частную квартиру. Провели очередной инструктаж, вручили для «организации» пакет с деньгами, необходимые радиодетали и обещали за мной заехать. Прошло три дня, но никто не приезжал. Я стал беспокоиться, не случилось ли чего. Может быть, я совершил просчет или засекли мои передачи? Чувствовал, что за мной наблюдают.

Жильцы квартиры пытались со мной заговаривать. Им хотелось узнать мою реакцию на происходящие события. В городе ежедневно немцами совершались зверства. Однажды я увидел из окна, как немцы гнали, жестоко избивая, группу людей. Как пояснила мне соседка, это вели на очередную казнь советских

партизан. Она рассказала и о том, что немцы создали в гетто внутреннюю охрану из евреев. Вооруженные палками, они должны были натравливать евреев друг на друга. Целые семьи кончали жизнь самоубийством, так как не могли вынести пыток. И как бы в подтверждение ее слов на улице появилась колонна элегантно одетых, но босых женщин. Их подгоняли плетками немецкие солдаты и потешались, спуская на женщин озверевших псов, которые рвали на них меховые манто. «Это гамбургские еврейки, их гонят на работу», — сказала все та же соседка, не спуская с меня глаз. Я старался ни на что не реагировать и молчал.

Наконец на третий день вечером за мной пришла машина с незнакомыми немцами и меня отвезли на аэродром. Там среди немцев был русский, одетый в солдатскую форму, с револьвером «наган» на поясе, в сапогах, поверх которых были надеты разрезанные сзади валенки. Это был мой «напарник» по фамилии Краснов. Вел он себя развязно. Лицо наглое, грубый хриплый голос.

Спросил, откуда я, о себе сказал, что он из Варшавской разведшколы. Мне дали пистолет и нож. Нас посадили в двухфюзеляжный самолет. Перед вылетом надели парашют и сказали, что Краснов будет прыгать первым в районе Александрова.

Во время полета я очень замерз, так как самолет не отапливался. Ко мне подошел немец и накрыл ноги одеялом. Краснова укачало, поэтому, очевидно, его первым не сбросили. Когда пролетали над Ярославлем (как мне сказал немец), начали бить наши зенитки. Когда пролетали Ярославль, меня поставили над люком, защелкнули карабин шнурка. Раздался вой сирены, свисток, люк открылся, и я полетел вниз. Самолет, взревев моторами, скрылся. Грохот зениток смолк. Наступила тишина. Я медленно приземлился. (Это был мой первый прыжок с парашютом.) Приготовил нож, чтобы резать стропы. Но как я ни старался управлять стропами, меня сносило в сторону от поляны, окаймленной лесом. Видя, что придется садиться на лес, я спрятал ножик и закрыл лицо руками. Раздался треск, и я повис на трех березах. Перерезав стропы, я очутился в глубоком снегу.

Мне казалось, что где-то проходит железная дорога. Решив переждать до утра,, я наломал веток, устроил берлогу и, завернувшись в парашют, лег спать. Впервые за столько времени я заснул без надзирателей, вдыхая чистый воздух свободы. На рассвете я залез на дерево и увидел невдалеке деревню. Попытался идти, но снег оказался очень глубоким. И так как он был покрыт коркой, то я ползком стал двигаться вперед.

Подползая к деревне, я увидел собравшихся у околицы деревенских ребят, которые наблюдали за мной. Я стал им кричать, чтобы дали лыжи, но они ничего не слышали. Я подполз ближе и спросил: «Где староста?» (немцы могли меня выбросить на оккупированную территорию). Они не поняли. Тогда я спросил: «Где председатель?» Дети отвели к нему. Председатель с удивлением посмотрел на меня. На мне было штатское промокшее пальто и финская кепочка. Брюки на коленях разорваны. Я объяснил, что сегодня ночью был сброшен с немецкого самолета диверсант, а меня, мол, выбросил наш самолет, который преследовал немецкий, и что я должен сейчас же сообщить в ближайшее отделение госбезопасности об этом. Председатель сказал, что действительно слышал шум моторов немецкого самолета.

До ближайшего райцентра Арефино было далеко, и лошадей он отказывался давать. В это время в избу набилась вся деревня. Когда я стал настаивать, одна разбитная бабенка начала кричать. «Что вы на него смотрите? Кончать диверсанта, в истребительный батальон дезертира надо отправить! Чего стоите? Бейте его!» Тут я схватился за карман, хотя пистолета у меня не было, он, очевидно, выпал, пока я спускался на парашюте. Это несколько осадило женщин, а председатель сказал, что отправит меня в Арефино.

В Арефино я сообщил свой псевдоним и рассказал, что был ночью сброшен с немецкого самолета и что после меня должны выбросить предателя Краснова, описал его приметы. Просил об этом сразу же сообщить в Москву. Из Москвы приказали немедленно меня доставить в Ярославль после оказания медпомощи (у меня были разбиты колени).

В Ярославле меня тепло встретили. Наконец я принял ванну и спокойно лег спать.

Настало утро. В прозрачном, еще морозном воздухе чувствовалось дуновение весны. Чистота ее дыхания наполняла все мое существо радостью — я вырвался на волю из панциря духовных пыток. Я ощущал невероятный прилив энергии и нетерпения вступить в новый этап борьбы с противником. Нить завязана, но крепость ее надо еще проверить.

В сопровождении сотрудников госбезопасности я отправился в Москву на машине.

Через несколько дней я узнан, что Краснова задержали».

Для Александра любую горькую правду легче сказать, чем солгать. Он верил руководителям операции, и у него не было сомнений, что они доверяют ему. Он чувствовал товарищескую поддержку, строгий контроль, получал нужный совет и

своевременную помощь в осуществлении операции, замысел которой принадлежал молодому генералу, который известен был как «товарищ Андрей».

Спокойная уверенность, ясность мысли, сдержанная корректная манера поведения, умный, серьезный, строгий взгляд темных глаз на красивом молодом лице, а за ним тепло души, обращенное к человеку, обаятельная улыбка — все внушало уважение, доверие и располагало к нему. Встреча с таким человеком, одаренной личностью, память хранит долгие годы.

Шура вернулся домой веселый, возбужденный и возмужавший. Появилась уверенность, собранность человека, готового к новому прыжку, азарт опасной игры. Первые две недели он писал отчет и не выходил из дома, так как не исключено, что немцы могли проверить, когда он вернулся. Слишком быстрое возвращение могло вызвать подозрение. «Через две недели я вышел в эфир. Связь с немцами состоялась. Я сообщал им сведения, согласованные с командованием. В первую очередь они должны были снабдить „организацию“ всем необходимым для активизации работы: рацией, деталями, оружием, деньгами и т.д. Радиограмму подписывал псевдонимом „Доктор“.

Курьеры не заставили себя долго ждать. Они, как было условлено, явились к отцу моей жены, а от него ко мне. Привезли новую рацию, батареи, блокноты для шифровки и деньги. Их целью было проводить диверсионную работу в Москве, собирать шпионские сведения, устанавливать контакты с антисоветскими элементами. Одеты они были в нашу военную форму, снабжены оружием, рацией и надлежащими документами.

Вечером приказано было усыпить их во время выпивки. Когда они уснули, их сфотографировали, заменили патроны в револьверах на холостые, обыскали. Дали возможность погулять (под наблюдением) по Москве, а потом взяли: одного, по имени Юзек — на вокзале при подсчете поездов, а другого — у женщины, с которой он познакомился. Немцам сообщили, что тот, который был взят у женщины, все время пьет и не желает работать. Немцы приказали его уничтожить. Приказ был выполнен. Связь продолжалась. Я сообщал немцам координаты мест для приземления парашютистов-курьеров и агентов. А они указывали время выброски и сколько должно быть костров для ориентирования парашютистов».

Меня интересовала психология предателя, и общение с подобными типами не вызывало во мне страха. Шура держался спокойно, естественно, наводил их полушутя-полусерьезно на нужный разговор, получая необходимые сведения. Умел этих

подонков располагать к себе, соблюдая всегда дистанцию, вызывая уважение к себе как к руководителю операции, не допуская панибратства, заставляя подчиняться своим указаниям.

Когда ночевали у нас курьеры, естественно, мы не имели права спать ни днем, ни ночью. Иногда по три ночи подряд. Нам выдали кристаллы, отгоняющие сон.

Однажды двое, которых усыпили, начали просыпаться, они оказались физически очень сильными. Пришлось еще подпаивать. Один начал буйствовать. Шура скрутил ему руки, заставил уняться, а сам начал терять зрение и бредить. Подоспевшие сотрудники убрали курьеров.

Шура выходил на связь, которую систематически поддерживал с немцами. Передача шла или из леса, или из разных концов города».

Молчание. Терпение. Ожидание нового сигнала как удачного хода военной игры. Бесконечно длинные ночи ожидания летной погоды, удобной для сброса парашюта, звездного неба.

«Мое начальство разработало план еще одной операции, сложной, связанной с Белорусским фронтом. Я сообщил немцам, что меня забирают в армию в технические войска в качестве инженер-капитана, что теперь с ними из Москвы будет держать связь другой радист, подготовленный „организацией“, и что для этого необходима еще одна рация, свою я использую для связи с ними из мест, где буду находиться. Немцы с агентами прислали рацию — и на ней стал держать связь другой наш товарищ».

Через некоторое время я сообщил немцам, согласно плану операции, что в Белоруссии, где я нахожусь, недалеко от линии фронта находится группировка немцев и полицаев под командованием подполковника Шерхорна, которая пробивается на соединение с немецкой армией. Мне, мол, удалось с ними связаться. Эта группировка нуждается в радистах и рациях, деньгах, продуктах и в медпомощи. Немцы стати помогать этой группировке (как мне потом рассказали), сбрасывая грузовые парашюты со всем тем, что требовалось, а также посылали радистов и врачей. Операция дала свои результаты — оказалась полезной для военной разведки Белорусского фронта. В декабре перед Рождеством я принял от немцев радиограмму, в которой сообщалось, что Гитлер произвел Шерхорна в полковники, а меня наградил Железным крестом «С мечами» за храбрость. После этого долгое время я находился в Белоруссии, откуда из Березино держал связь с немцами.

Последний год войны я находился во Львове, откуда продолжал связь по радио с немцами почти до капитуляции Германии. Окончилась эта связь примерно в апреле 1945 года».

«Не изменять чести и совести». Это не слова, а сущность человека. Это было девизом моего отца и мужа.

Воспоминание Зои Зарубиной о своем отчиме Н. Эйтингоне:

Почему мой отчим — Эйтингон? Он всю взрослую жизнь носил фамилию Наумов. Но когда началась война, Берия сказал: «Какой он Наумов? Он Эйтингон, и пусть носит эту фамилию». Поэтому по документам он Эйтингон. К чести этого человека надо заметить, что я в какой-то момент своей жизни спросила, можно ли называть его отцом. Он сказал: «Нет, не надо. У тебя есть папа, очень уважаемый человек. И я буду любить тебя не меньше, если ты будешь называть меня дядя Леонид».

Леонид Эйтингон родился 9 декабря 1899 года в Могилеве. Отец его рано умер от язвы желудка. В семье, кроме него, было две сестры и брат. Он старший. По-моему, был эсером. Я говорю «по-моему», потому что точно не знаю. Когда Феликс Эдмундович Дзержинский бежал из очередной ссылки, он встретил Эйтингона. Молодой человек ему очень понравился. Когда он приехал в Москву, получил комнату на улице Кирова, туда перевез свою маму и сестру. Это была замечательная семья, преданная идеалам революции. Младший брат стал довольно известным ученым — химиком, сестра Соня — прекрасным врачом-терапевтом, работала главным врачом в поликлинике автозавода. Иван Алексеевич Лихачев очень хорошо отзывался о ней. Она так и прожила всю жизнь в этой комнате на улице Кирова. Еще одна сестра — Серафима — была инженером.

Все они были интеллигентными людьми, жили очень скромно. Я встретила дядю Леонида, когда мне было пять лет. По существу получилось так, что я познакомила его со своей мамой, хотя я уверена, что они и раньше видели друг друга. Во всяком случае, с этого момента началась моя жизнь в семье Леонида. Язык не поворачивается сказать «Эйтингона». Какое-то время мы прожили в Пекине, где он был консулом. В это время там был и Василий Иванович Чуйков. Они вместе закончили военную академию, очень дружили, часто играли в шахматы. Кем был в то время В.И. Чуйков, я не знаю, кажется, военным атташе, В Пекине я пережила трагический момент, когда на консульство напали китайцы, согнали всех в клуб, держали там какое-то время, а моя мама тогда была в положении. Ну да ладно, хотя это все было ужасно.

Потом вернулись в Москву, квартиры не было. Жили в гостинице «Метрополь». И я помню, как лазила около кремлевской стены и играла у храма Василия Блаженного. Затем

с 1928 по 1931 год мы находились в Турции. Чем там занимался дядя Леонид, не знаю. Я училась в школе, где изучала немецкий и английский языки. Хочу заметить, что значит знание языка. В школе я была Зоя Наумова. Однажды меня спросили, буду ли я заниматься «Скриптчур», что по-английски означает — закон божий. А я поняла как занятия музыкой на скрипке. Пришла домой, сказала маме, что в школе по субботам будут проходить занятия игры на скрипке и спрашивают разрешение родителей. В школе меня спросили: «Ну как? Родители разрешили?» — «Да, разрешили», — ответила я. Это был такой интересный ляпсус.

Когда мы вернулись из Турции, то поселились, как я уже говорила, в первом кооперативном доме. Там жили все крупные руководители Коминтерна, а позднее здесь поселился Берия. Но это совсем другая история.

Когда начались испанские события, Леонид уехал. Куда — мы не ведали. И об истории с убийством Троцкого узнали значительно позднее.

В конце октября 1951 года Леонида посадили. Мы не имели никаких сведений о нем. В марте 1953 года после смерти Сталина его освободили. Реабилитировали. Вернули все ордена, и после короткого отдыха в санатории он вновь вернулся на работу. А в июле 1953 года, во времена Хрущева, вновь посадили. С большим трудом мне удалось добиться, чтобы ему, осужденному на 12 лет, засчитали те два года.

Когда Леонид находился в заключении, ему потребовалась срочная операция, которая была сделана хирургом-онкологом, и жизнь его была спасена.

Я бы хотела отметить, что он был необыкновенным человеком. Об этом, например, говорят его письма из тюрьмы. Как обычно, они приходили в определенные дни, раз в месяц. Но содержание их поражает. Вот один пример: «Милые девочки! Поздравляю вас с наступающей годовщиной Великого Октября. Как я рад, что вы там готовитесь к празднику, трудитесь на благо страны…» И все в таком духе. Я берегу эти письма, они у меня сохранились. Это действительно была вера в страну, ради благополучия которой он работал всю жизнь. Раз в месяц мы ездили во Владимир на свидание с ним. Старались взять как можно больше родственников. А когда его освободили, много народу собралось проводить его, потому что он помогал всем, кому мог. Начальнику тюрьмы, например, делал контрольные работы и давал полезные советы, что позволило ему заочно закончить юридический институт. Словом, это был человек, нацеленный на служение Родине. Когда он вышел из тюрьмы, здоровье его было подорвано: так же, как его отец, он страдал

язвой желудка. После освобождения вся его энергия и все силы были направлены на одну цель — реабилитацию. Он писал ходатайства по административной линии и всегда получал однозначный ответ: подождите, сначала вас реабилитирует партия, а потом уже и мы. И только после его кончины нам позвонили из конторы Пельше и спросили: «Вы знаете, какого человека мы потеряли?» Мы-то как раз знали об этом. Нам ответили: «Да, мы припозднились». Я хочу отметить, что такое возможно только в нашем государстве Ведь реабилитацию закончили только в 1990 году. Некоторые говорили: «Вы с ним осторожнее, знаете, реабилитировали из КГБ». Не умеем мы ценить людей. Ведь не секрет, что он участвовал в подготовке ликвидации Троцкого. Но ведь это был приказ. Интересно, кто бы осмелился не выполнить приказ Сталина?!

Узнали мы об этом значительно позже, когда приехал Рамон Меркадер и спросил: «А где комерадо Леонидос?» Он перед нами стоял со звездой Героя Советского Союза, а комерадо Леонидос в это время почему-то сидел в тюрьме?! Ему тоже это было непонятно. Это все история. К ней надо подходить очень осторожно. Рамон Меркадер похоронен на одном из московских кладбищ под фамилией Романа Ивановича Лопаса. Я езжу к нему на могилу. Ну, это неважно. Когда у Леонида была беседа со Сталиным на эту тему, тот сказал: «Партия всегда вам будет благодарна, ваше имя будет вписано в историю золотыми буквами. И ваше имя будут помнить не только ваши дети, но и ваши внуки». Имя действительно будет вписано в историю, но в 1951 году он его посадил, а Хрущев сделал то же самое в 1953-м. И все припозднились оправдать его.

ГЕОРГИЙ ИВАНОВИЧ МОРДВИНОВ

«Яродился 23.04.1896 года в деревне Бурнашово Верхне-Удинского уезда Тарбагатайской волости. Отец мой, Иван Ильич, имел бедняцкое хозяйство, которое бросил и поступил рабочим на Николаевский винокуренный завод А.К. Кобылкина. Свою мать я не помню, она умерла, когда мне было 2—3 года. После смерти отца мне было 7 лет.

Трудовую жизнь я начал очень рано, с 5-классным образованием, работая с детства то на заводе, приучаясь к ремеслу, то мальчиком-учеником в магазине, а затем в фирме «Духай» в Чите. Урывками я пополнял самообразование, но мне не удалось осуществить свою мечту — поступить в городское или ремесленное училище, т.к. приходилось работать, чтобы существовать, и еще помогать младшей сестре.

В 1915 году досрочно я был призван в армию и после двухмесячной муштры с маршевой пластунской ротой попал на Юго-Западный фронт в 75-й Сибирский стрелковый полк в команду конных разведчиков, т.к. с детства был хорошим наездником.

В дни Великой Октябрьской революции я, как фронтовик, был за большевиков и с оружием в руках принимал активное участие в борьбе за Советы, участвовал в ликвидации контрреволюционной верховной ставки генерала Духонина в Могилеве и борьбе с контрреволюционными корниловскими войсками, охранявшими ставку, «дикой» дивизией и прочее.

В декабре 1918 года я участвовал в подавлении юнкерского восстания в Иркутске.

С апреля 1918 года я был привлечен к оперативной работе в Забайкальской областной Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (ЧК). Здесь я был принят в июне 1917 года в члены партии.

Выполняя задание руководства ЧК, я со своим помощником Митей Ждановым в августе 1918 года, когда чехи наступали с запада, а японцы с востока, проник в стан врага и, выполняя роль связного между отрядами., анархистов и штабом белогвардейского подполья в Чите, вскрыл заговор анархистов и подготовленное белогвардейское восстание.

Заговор и восстание были ликвидированы, что обеспечило эвакуацию советских организаций, припасов и наших войск на Амур.

После падения советской власти на Дальнем Востоке я с основной группой работников Читинской ЧК, возглавляемой Григорием Трофимовичем Перевозчиковым, ушел в тайгу в районе ст. Гондати (ныне Шимановская). Здесь по заданию партии я налаживал связи в казачьих хуторах по Амуру и с китайской стороной.

В декабре 1918 года мною был сформирован партизанский отряд, которым я командовал. Дрался с японцами и белогвардейцами до 1920 года.

В 1920 году на Восточно-Забайкальском и Амурском фронтах я командовал 1-й Амурской кавалерийской бригадой и одновременно по заданию командования организовал и руководил разведкой фронта. Здесь мною были выполнены два спецзадания командования. У меня до сих пор осталась книжка полевых донесений, в которой сохранились копии донесений в штаб фронта. В них сообщалось о том, что японцы меня расстреляли. Выполнение этих заданий имело важное политическое значение, обеспечивало успешное начало

переговоров и последующее заключение перемирия с японцами.

…В дальнейшем перемирие было заключено.

Выполнение второго задания было связано с тем, что, проникнув глубоко в тыл врага, я подчинил себе белогвардейский гарнизон Нерчинска. Это обеспечило успех ликвидации «читинской пробки», семеновцы были отсюда выбиты, и учредительное собрание ДВР собиралось не в семеновской Чите, как хотели японцы, а в городе, занятом нашими амурскими и забайкальскими партизанами.

После ликвидации «читинской пробки» я был начальником транспортного отдела Госполитохраны ДРВ (ЧК).

В конце 1921 года на Восточном фронте под Хабаровском я был комиссаром Особого Амурского полка, сведенного из третьей Амурской дивизии. С этим полком я участвовал в знаменитых имском и волочаевских боях и в «босом» походе полка через ситухимскую тайгу в апрельскую распутицу 1922 года.

В конце лета 1922 года по особому заданию фронта я был послан в тыл врага, где успешно сформировал китайский и корейский партизанские отряды, командуя которыми я подчинил нашему влиянию до 3 тысяч хунхузов в Маньчжурии и обеспечивал во время наступления на Владивосток наших войск охрану наших границ и железнодорожных коммуникаций нашей армии от белогвардейских диверсий со стороны Маньчжурии, где Чжан Цзолинь всегда оказывал белогвардейцам всяческое содействие.

В 1923—1924 гг. я учился на вечернем рабфаке в Чите и был секретарем партийной ячейки.

Летом 1924 г. меня направили на ликвидацию белых банд в пограничный район на р. Аргунь. Я был назначен начальником 19-го, а затем 54-го Нерчинско-заводского пограничного отряда ОГПУ. Здесь я проработал до весны 1926 года — до ликвидации крупного бандитизма, связанного с «Трехгорьем» в Маньчжурии.

В 1926—1929 годах я был комендантом Отдельной погранкомендатуры войск ОГПУ и начальником Феодосийско-Судакского отдела ОГПУ. Участвовал в ликвидации «великброгимовщины» и лично руководил операцией, в результате которой в открытом море на пути в Сипон мною захвачен Омер Хайсеров, являвшийся душой националистической организации «милифирка», державший в своих руках все нити этой организации. Оперативное значение этой операции выходило далеко за пределы Крыма. Дело Хайсерова велось непосредственно Москвой.

В 1929 году учился на курсах усовершенствования Высшей пограничной школы ОГПУ.

В том же году был зачислен студентом Института востоковедения на китайское отделение.

В 1930 году по линии иностранного отдела ОГПУ был послан на разведывательную работу за кордон: сначала в МНР, а затем в Китай. По возвращении из Китая в 1935 году сдал экзамены в Институте востоковедения и по линии ЦК партии был послан на учебу в Институт красной профессуры по факультету истории на китайское отделение. На время учебы был в действующем резерве ОГПУ — НКВД.

С 1938 по конец 1940 года я работал сначала старшим референтом, а затем руководителем восточного сектора «группы» в аппарате Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ).

В конце 1940 года я перешел на лекционную работу по международным вопросам и одновременно заочно учился в аспирантуре исторического факультета МГУ имени Ломоносова. Я уже был готов защитить диссертацию по теме «Единый национальный фронт в Китае», но началась война.

В начале Отечественной войны я был призван в НКГБ и с июля по октябрь 1941 года руководил сектором Четвертого управления по партизанским формированиям и созданием баз в тылу врага.

В октябре 1941 года был послан на выполнение задания, с которого вернулся лишь в сентябре 1944 года».

В октябре 1941 года Георгий Иванович был послан в качестве вице-консула советского консульства в Стамбул, но весной следующего года попал в провокацию.

…К началу 1942 года нейтральная позиция Турции все больше не удовлетворяла гитлеровскую Германию, несмотря на то что политика этого государства обеспечивала безопасность балканских позиций немцев и облегчала таким образом операции германских войск на Восточном фронте. Немцы стремились, чтобы Турция пошла дальше по пути германо-турецкого договора о дружбе, заключенного за четыре дня до нападения Германии на Советский Союз. В этой связи они организовали в Анкаре провокацию — инсценировали покушение на посла Германии в Анкаре фон Папена, чтобы склонить турецкое правительство к открытому вооруженному выступлению против Советского Союза.

Из официального правительственного сообщения Турции:

«24 февраля 1942 года. В 10 часов утра на бульваре Ататюрка в Анкаре взорвалась бомба, разорвав на части одного человека, который в этот момент проходил в указанном месте, неся что-то завернутое в руках. Полагают, что этот завернутый предмет был

бомбой, которая разорвалась. Германский посол Папен и его жена, которые шли с противоположной стороны, находились на расстоянии 17 метров от места, где разорвалась бомба. От удара взрывной волны они упали на землю, но затем поднялись невредимыми и достигли здания посольства. Начато расследование обстоятельств взрыва. Министр внутренних дел и прокурор немедленно направились на место происшествия. Президент республики и глава правительства послали в германское посольство своих начальников кабинетов, а министр иностранных дел и генеральный секретарь министерства иностранных дел лично посетили фон Папена. Тот факт, что взрыв произошел поблизости от фон Папена, побуждает прокурора серьезно обратить внимание следствия на возможность того, что злонамеренный акт был направлен против немецкого посла».

Через 24 часа после взрыва полиция арестовала двоих турецких подданных — студента Абдурахмана и парикмахера Сулеймана, а также двух советских граждан: сотрудника советского торгпредства в Турции Корнилова и сотрудника советского консульства в Стамбуле Павлова.

Немцы были весьма довольны поведением турецкой полиции и поспешили открыто заявить об этом.

Так, выступая перед журналистами в Софии, фон Папен с удовлетворением отметил, что «турецкая полиция очень быстро арестовала виновных».

Слушание дела о «покушении» на фон Папена началось 1 апреля 1942 года в Ангарском уголовном суде. Абдурахман, Сулейман, Павлов и Корнилов обвинялись в покушении на немецкого посла в связи с тем, что первые двое были товарищами убитого Омерома Токата, который нес бомбу. Суд приговорил Павлова и Корнилова к 20 годам тюремного заключения, а Абдурахмана и Сулеймана к 10 (в решении суда чувствовалось немецкое влияние).

В ноябре 1942 года по кассационной жалобе Павлова и Корнилова турецкий кассационный суд, отменив приговор по причине многочисленных нарушений процессуальных норм, допущенных при судебном разбирательстве, направил дело на новое рассмотрение.

Повторный приговор для Абдурахмана и Сулеймана остался прежним, а для Павлова и Корнилова сокращен до 16 лет и 8 месяцев.

И только в связи с успехами Красной Армии, наносившей удар за ударом армии Германии и ее сателлитам на всем протяжении Восточного фронта, 2 августа 1944 года турецкий меджлис принял закон о разрыве дипломатических отношений с

Германией. На этом же заседании меджлиса был принят закон, по которому из тюрьмы были освобождены Павлов и Корнилов, просидевшие там два года и пять месяцев.

«В октябре 1944 года был послан на выполнение нового спецзадания, с которого вернулся лишь после капитуляции Германии в конце мая 1945 года».

…Новое задание заключалось в том, что в районе Белоруссии был создан из немцев-интернационалистов и наших специальных групп «Немецкий котел»,-который поддерживал постоянную радиосвязь с немецким командованием. В «котле» даже принимали инспекторов из Германии, а немцы старательно и регулярно снабжали «войска», попавшие в «котел», оружием, боеприпасами и продуктами питания. Однажды прислали награды за мужество и верность фюреру — Железные кресты.

В дополнение к героической биографии Г.И. Мордвинова считаю необходимым рассказать эпизод из жизни его семьи, изложенный в газете «Вечерняя Москва» № 69 от 22 марта 1969 года («Сын двух матерей (быль)». «В 1947 году он был еще совсем маленьким китайчонком Ми Ми. За два месяца до его рождения отец мальчика погиб, сражаясь против гоминьдановцев. Двух старших братьев Ми Ми тоже убили гоминьдановцы. И они остались вдвоем: мать и сын. Мать была коммунисткой, а ее народ боролся за свободу. И она решила идти на фронт, стать бойцом народно-освободительной армии, как ее муж и сыновья.

Но с кем оставить грудного ребенка? У матери были добрые друзья — советские люди Мордвиновы, которые в то время жили и работали в Харбине. Георгий Иванович Мордвинов еще в Гражданскую войну командовал партизанским отрядом. В Великую Отечественную был трижды ранен. Его жена, Лидия Августовна, тоже старая коммунистка.

И мать Ми Ми решилась: завернув сына в красное одеяло, она отнесла его русской женщине. Сказала, что может не вернуться, и попросила, когда мальчик вырастет, передать ему письмо. «Я ухожу воевать против ненавистных врагов, — писала она. — Скорее всего я погибну, но я счастлива умереть за новый коммунистический Китай. И мне очень хочется, чтобы ты, мой единственный сын, вырос настоящим ленинцем и больше всего на свете дорожил дружбой с советским народом».

Так маленький Ми Ми стал гражданином Советского Союза Мишей Мордвиновым. Вместе с приемными родителями он приехал в Москву. Шли годы, из неуклюжего карапуза вырос смышленый мальчуган. Он хорошо учился в школе, увлекался спортом.

— Это был чудесный парнишка, — вспоминает писательница

Зоя Воскресенская, которая рассказала корреспонденту ТАСС эту историю. — Он очень дружил с моим сыном, часто бывал у нас дома.

За это время на его родине многое изменилось. Свершилось то, ради чего пошли на смерть его близкие, — многомиллионный народ обрел свободу. Китай стал социалистическим государством.

— Мордвиновы были уверены, что мать Ми Ми (они ее называли Женя) погибла. Ведь уже десять лет от нее не было никаких вестей. И вдруг…

В жаркий июльский день, когда Миша — Ми Ми с Лидией Августовной был на даче, неожиданно приехала Женя. Оказалось, что в боях с гоминьдановцами ее несколько раз ранило. Однажды враги даже расстреляли ее, но она чудом осталась в живых — истекая кровью, выбралась из наспех вырытой могилы и уползла в лес. После войны она работает на заводе, уже несколько лет входит в руководство Общества китайско-советской дружбы. И вот разыскала сына…

Китайская коммунистка обратилась в Верховный Совет СССР с просьбой разрешить ей взять мальчика с собой. Получив такое разрешение, она добавила к настоящей фамилии Ми Ми еще один иероглиф — фамилию его советских родителей».

На родину мать и сын уехали вместе. Каждую неделю Мордвиновы получали письма. Миша писал, что мечтает приехать в Москву, чтобы повидать своих друзей, приемных родителей. Он писал, что обе его родины — и Советский Союз, и Китай — одинаково ему близки и дороги, и так как он не успел стать членом ВЛКСМ в Москве, то вступил в комсомол в Пекине.

А потом письма перестали приходить. Почти два года Мордвиновы не знали, что с их воспитанником, где он. Они с тревогой следили за авантюрой, громко названной в Пекине «культурной революцией». Мордвиновы понимали, что жизнь Миши в опасности. Что, кроме ненависти, могли испытывать к нему маоисты, которые всеми силами старались подорвать дружбу советского и китайского народов?

Позднее сын Г.И. Мордвинова Б.Г. Мордвинов принял меры по поиску своего приемного брата и его матери. Ответ пришел через много лет, только в 1988 году.

«Уважаемый Баррикадо Георгиевич!

Извините, что только сегодня пишу вам письмо. Вы уже не надеялись получить его! Хотя я вам не писала, но о вашей просьбе никогда не забывала! Но я пошла по неверному пути, начиная поиски с Харбина, Тайюаньцзе, а нужно было начинать с Пекина. Но слава богу, сегодня я вам могу сообщить, что

женщина, которую вы разыскиваете, жива! Мать Лю Цзиньмо старая и больная женщина (у нее плохо с сердцем), но у нее светлый ум и хорошая память. Она вас всех помнит по именам, помнит вашу маму и встречи в Союзе. Она была очень тронута, что вы не забыли ее, и до сих пор считает себя обязанной за помощь, которую оказала ваша семья ей в трудное время. Она попросила написать вам от ее имени и передать вам привет. Ей пришлось очень много пережить. Как вы догадывались, она перестала вам писать по политсоображениям. А потом она была в опале и много лет провела в тюрьме. После «культреволюции» ее реабилитировали и она даже занимала ответственный пост на радио, но сейчас на пенсии, не работает. Когда я ее разыскала, она находилась в доме отдыха, под Пекином, где проводит большую часть времени, лишь изредка возвращаясь в город. Она мне рассказала и о печальной судьбе Лю Цзиньмо. Он действительно погиб во время «культреволюции», тогда он был студентом авиационного института. Он покончил жизнь самоубийством Но это вынужденная смерть. Горько об этом писать, но это было очень трудное время для многих хороших людей. После освобождения матери его, «мертвого», тоже реабилитировали. Знаю, как вас это расстроит, но я должна вам все это рассказать. Сейчас Лу Цзиньжу живет вместе с приемным сыном. У нее один внук. Условия у нее очень хорошие, она просит вас не беспокоиться и, наоборот, очень беспокоится о вашей матери, спрашивает, надо ли ей чем-нибудь помочь? Вот видите, как все в жизни интересно! Она совсем недавно, года три-четыре, работала в одной организации с моим мужем! А в городе живет буквально в двух шагах от меня! Это, наверное, ваша удача, что вы «вышли» на меня! Конечно, я просто шучу. Ну вот, Баррикадо Георгиевич, вашу просьбу я выполнила, но все равно очень извиняюсь, что лишь сегодня села вам писать. Если вы захотите ей написать, то лучше пишите на мое имя, я ей передам. Она считает, что так будет лучше. Она старый человек, и слишком тяжелое время ей пришлось пережить, поэтому ей можно простить некоторые странности.

Передавайте привет вашим родным! До свидания.

Чжао Шуйлянь (Ира) 9 мая 1988 г.»

ЯКОВ ИСААКОВИЧ СЕРЕБРЯНСКИЙ

Яков Исаакович Серебрянский родился в 1892 году в Минске. В 1922 году Якова Серебрянского пригласил к себе Вячеслав Рудольфович Менжинский, который в то время был членом президиума ВЧК. Он молча пожал руку вошедшему в его

кабинет молодому человеку и так же молча показал на стул около стола. Сел на свое место, внимательно глядя в глаза молодого человека, которого ВЧК направляла на работу за границу.

Через тридцать лет Яков Исаакович рассказывал сыну, что от той первой беседы с Менжинским в его памяти остался ответ В.Р. Менжинского на вопрос: «А что мне там нужно делать, за границей?» Вячеслав Рудольфович усмехнулся и коротко ответил: «Все, что полезно для революции».

И Яков Серебрянский начал работать на пользу революции. В 1924 году, когда Серебрянский уже почти два года был за границей, Михаил Абрамович Трилиссер, бывший в то время начальником ИНО ОГПУ, вызвал к себе жену Серебрянского — Полину Натановну.

— Вам нужно ехать к мужу, — сказал Трилиссер, — ему трудно. Вам надо быть рядом.

— Не поеду, боюсь.

Несколько затянувшаяся беседа Серебрянской и Трилиссера закончилась очень просто. Трилиссер после уговоров и объяснений положил свою ладонь на руку Серебрянской и твердо сказал: «Ну вот что, Полина Натановна… Или вы поедете к мужу, или вам придется положить на стол партийный билет».

Для нее, члена партии с 1921 года, работницы Краснопресненского райкома партии, это было просто немыслимо, и она поехала. И была с мужем во Франции, в Палестине, Германии, США, Бельгии, везде помогая в трудной и необходимой для страны работе.

В то время, о котором идет речь, кроме иностранного отдела ВЧК, существовала и другая разведывательная служба — Особая группа при наркоме внутренних дел, непосредственно находившаяся в его подчинении и глубоко законспирированная. В ее задачу входило проведение важных операций, в том числе диверсий и ликвидации прямых врагов СССР за рубежом. Как пишет в своих воспоминаниях бывший в 30-е годы заместителем начальника разведки генерал-лейтенант П.А. Судоплатов, особая группа иногда именовалась «группой Яши», потому что более десяти с лишним лет (до 1938 года) возглавлялась Яковом Серебрянским. За этот период люди Серебрянского приобрели в Европе, Скандинавии, Китае и США большое количество агентуры и в 20-е и 30-е годы создали мощную агентурную сеть. Лично Серебрянским было привлечено к сотрудничеству с советской разведкой свыше 200 агентов.

Имя Я.И. Серебрянского стоит в одном ряду с такими виртуозами разведки, как Судоплатов, Быстролетов, Дейч,

супруги Зарубины и Коэны, Молодый. Однако судьба его сложилась довольно трагически. Но это потом, а в 20-е и 30-е годы его имя было легендарным в чекистской среде.

1930 год. Во Франции, с центром в Париже, обосновался так называемый Российский общевоинский союз (РОВС) — последний оплот разбитых в России Красной Армией белых дивизий. РОВС вел активную пропагандистскую работу, направленную на новую интервенцию, засылая в массовом масштабе свою агентуру на территорию СССР. Естественно, ВЧК принимала необходимые меры, чтобы обезглавить РОВС. Это задание поручается особой группе, возглавляемой Серебрянским. И руководитель РОВС генерал Кутепов исчезает с политической арены. Причем исчезает бесследно. В парижских газетах появилось только одно сообщение о том, что «бывший адъютант Врангеля и Деникина, возглавлявший РОВС в Париже, русский генерал Кутепов исчез в воскресенье».

Его место на посту руководителя РОВС занял генерал Евгений Миллер, который еще более рьяно, чем его предшественник, вел враждебную СССР работу. И Миллер в сентябре 1937 года повторяет судьбу Кутепова. Он также бесследно исчезает. Но данных о причастности к этому факту Серебрянского не имеется.

В 1936 году в Испании на выборах 16 февраля победил Народный фронт, созданный по инициативе Коммунистической партии, а в июле того же года вспыхнул военно-фашистский мятеж, поддержанный Италией и Германией. В ответ развернулась национальная революционная война испанского народа против фашизма, поддержанная демократическими силами всех стран. В марте 1939 года республика пала под ударами превосходящих сил интервентов и внутренней контрреволюции; в Испании установилась фашистская диктатура во главе с генералом Франко.

Тогда, в 1936 году, особая группа Якова Серебрянского получила задание оказать посильную помощь революционной Испании.

Легкий летний ветерок колышет национальный флаг Франции, укрепленный на флагштоке административного здания на временном аэродроме. На летном поле 12 новеньких самолетов, только что собранных фирмой «Девуатин». Фирма «Девуатин» поставила эти машины по заказу некой нейтральной страны Геджас. На самом деле деньги, переданные фирме «Девуатин», принадлежали разведывательному управлению Красной Армии, ИНО ОГПУ, который в то время уже назывался 7-м отделом Главного управления государственной безопасности

(ГУГБ) НКВД СССР.

На летное поле аэродрома пришли пилоты во французской военной форме якобы для того, чтобы провести .испытание самолетов, которые должны были поступить и на вооружение французской армии. Летчики сели в самолеты, взревели моторы, новенькие машины одна за другой поднялись в безоблачное небо Франции и… перелетели в лазурное небо Испании, приземлившись на аэродроме воюющей демократической Испанской республики.

Разразился неслыханный международный скандал. Президента Франции Блюда и военного министра Перню обвинили в покровительстве республиканской Испании. А несколько позже, 31 декабря 1936 года, в Советском Союзе было опубликовано постановление ЦИК Союза ССР о награждении «за особые заслуги в деле борьбы с контрреволюцией тов. Серебрянского Я.И. орденом Ленина». Это была вторая после ордена Красного Знамени награда Якова Серебрянского. В конце войны он еще был награжден орденом Красной Звезды и орденом Ленина.

В 1940 году по приказу Сталина в Мексике был ликвидирован Лев Троцкий. Троцкистское движение было обезглавлено, но еще раньше из Парижа тайно исчезли архивы Троцкого.

Долгое время не удавалось напасть на след этих архивов. Известно было лишь то, что архивы находятся где-то в Европе. Серебрянскому и его людям удалось выяснить и это. Об архивах Серебрянский узнал от агента Мака, бывшего ранее в близких отношениях с сыном Троцкого Львом Седовым, умершим в парижской больнице еще в 1938 году. Оказалось, что архивы хранятся в Париже на квартире меньшевика Николаевского. С помощью многоступенчатой и хитроумной комбинации, в которой принимал активное участие агент Генри, работавший в полиции, архивы (несколько ящиков) тайно были изъяты из квартиры Николаевского и переданы легальному резиденту в Париже Георгию Косенко, а затем отправлены в Москву. В тайном изъятии архивов Троцкого Серебрянский принимал личное участие. Агент Генри за эту операцию был награжден орденом Красной Звезды. (Кстати, в своих воспоминаниях П.А. Судоплатов ошибочно называет псевдоним агента: Гарри вместо Генри.)

Когда в 1938 году на посту наркома государственной безопасности Ежова заменил Берия, в Центр отозвали всех резидентов. Почти всех их и начальников управлений и отделов в Москве арестовали. В Москву из Парижа отозвали и Серебрянского вместе с женой. Их арестовали 11 ноября 1938 года прямо у трапа самолета. Это был второй арест в жизни Якова

Серебрянского. Первый раз его арестовали в декабре 1921 года как эсера, но через три месяца освободили. Во время второго ареста обвинили в шпионаже в пользу Англии и Франции. Следствие по делу, Серебрянского вел Абакумов.

Только через два с лишним года, 7 июля 1941-го, военная коллегия приговорила Серебрянского за шпионаж в пользу Англии и Франции к высшей мере наказания, а его жену к 10 годам лишения свободы за недоносительство о враждебной деятельности мужа.

Когда началась война, чтобы хоть как-нибудь восстановить разрушенную в ходе необоснованных репрессий внешнюю разведку, из тюрем и лагерей освободили оставшихся в живых сотрудников государственной безопасности. В декабре 1941 года по ходатайству Судоплатова, который подбирал кадры для вербовки агентуры по глубокому оседанию в странах Западной Европы и США, был освобожден и Серебрянский вместе с женой.

После двух с половиной лет заключения он начал работать на победу СССР в Великой Отечественной войне. Став начальником отделения, Серебрянский занимался заброской агентуры на оккупированную территорию и организацией диверсий в тылу врага.

В 1946 году министром государственной безопасности был назначен Абакумов. Тот самый, который в 1938 году вел дело Серебрянских. Естественно, в таких условиях оставаться на работе в органах государственной безопасности было просто опасно для жизни. И Яков Серебрянский, он же Бергман, он же Борох, прослуживший в ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ СССР двадцать шесть лет, ставший действительно виртуозом разведки, в звании полковника вынужден был уйти на пенсию.

После смерти Сталина Серебрянского вновь пригласили на службу и назначили одним из заместителей начальника 4-го (разведывательно-диверсионного) Управления НКВД—НКГБ, на что он с радостью согласился.

Однако и тут судьба сыграла с ним злую шутку. Серебрянского назначили в апреле 1953 года заместителем Судоплатова, который в 1941 году способствовал его освобождению из заключения. Но уже в октябре 1953 года, после ареста Берии, вновь арестовали, и опять вместе с женой.

Теперь ему ставилось в вину участие в так называемом бериевском заговоре с целью государственного переворота и убийства членов Президиума Центрального Комитета партии. Это же вменялось в вину и арестованному Павлу Судоплатову. Но Якову Серебрянскому припомнили еще и то, что в 1941 году один «враг народа» освободил из заключения другого «врага». Что, мол,

заступничество Судоплатова спасло его от высшей меры наказания.

Поскольку арест и обвинение самого Л.П. Берии в государственной измене явились результатом борьбы за власть, а Судоплатов, Эйтингон, Серебрянский и многие другие оказались в жерновах этой борьбы, следователи долгое время не могли найти никаких доказательств обвинений, предъявленных Серебрянскому и его жене, тем более что Полина Натановна никогда не была официальным сотрудником органов государственной безопасности. В 1955 году ее освободили из заключения. Умерла она в 1983 году, многие годы добиваясь реабилитации мужа.

Однако в отношении Я.И. Серебрянского следствие продолжалось, хотя явно зашло в тупик, так как не собрало никаких доказательств. Яков Исаакович, перенесший до этого несколько инфарктов, в 1956 году скоропостижно умер прямо в тюрьме во время допроса следователем военной прокуратуры Цареградским. Для следствия это было находкой. Не надо было мучиться над поисками доказательств или признаваться в необоснованности обвинений и ареста.

Характерно, что после смерти Серебрянского по его делу было составлено заключение, в котором говорилось, что никаких доказательств в заговоре Берии не обнаружено. В этом же заключении говорилось: нет оснований считать, что обвинение Серебрянского в шпионаже в 1938 году было неправильным. Тем не менее прокуратура, мол, обратилась в Верховный суд СССР с просьбой заменить ему высшую меру наказания на 25 лет тюремного заключения. И тут же приписка, что суд не состоялся в связи со смертью заключенного.

Реабилитировали Я.И. Серебрянского посмертно только в 1971году, когда председатель КГБ СССР Ю.В. Андропов узнал о его судьбе во время подготовки первого учебника по истории советской разведки, который начали писать по его указанию.

ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЩОРС

Игорь Александрович Щорс родился 4 сентября 1915 года в городе Ново-Архангельске Кировоградской области. Он троюродный брат Щорса Николая Александровича, героя Гражданской войны, песню о котором хорошо помнит старшее поколение: «Шел отряд по берегу, шел издалека, шел под красным знаменем командир полка…»

Игорь Александрович Щорс окончил Ленинградский горный институт летом 1940 года. После завершения учебы его

направили в Школу особого назначения, где готовили разведчиков. Он окончил ее 21 июня 1941 года. На другой день началась Великая Отечественная война.

Через неделю И.А. Щорс вместе с опытными разведчиками В. Пудиным и Н. Крупенниковым был вызван к начальнику диверсионно-разведывательного Управления НКВД СССР комиссару третьего ранга П.А. Судоплатову, который объявил им, что в таком составе они будут направлены в Смоленск для организации и проведения подпольной работы, и предложил составить легенды-биографии. После этого он повел их для утверждения к Б.З. Кобулову. Кобулов утвердил легенды-биографии Пудина и Крупенникова и забраковал легенду Щорса, поскольку тот никогда не был в Смоленске и не имел там никаких родственников и знакомых. Поскольку Щорс знал город и имел родственников в Житомире, Кобулов приказал переориентировать его на этот город, а в группу В. Пудина подобрать другого человека.

Во второй половине июля 1941 года, когда немцы уже заняли Смоленск и Житомир, Щорс вдруг получил новое задание. Его назначили начальником цеха водоводов Рублевской и Черепковской станций, которые снабжали Москву питьевой водой.

Кобулов, утверждая Щорса в новой должности, выразил надежду, что горный инженер справится с коммунальным хозяйством. Он спросил у Игоря Александровича, сколько ему надо времени для подготовки.

— Месяц, — ответил Щорс.

— Неделю, — констатировал Кобулов.

На конспиративной квартире на Малой Бронной улице Щорс засел за учебники и пособия по коммунальному хозяйству. Оказалось, что между горным делом, которое Игорь Александрович Щорс прекрасно знал, и системой трубопроводов много общего — тот же горный отлив, та же система арматур, те же задвижки и так далее. Через три дня Щорс доложил, что он готов принять новое хозяйство.

Назначение Щорса на насосную станцию было его прикрытием. Настоящая оперативная задача Щорса как чекиста состояла в том, чтобы подготовиться к подпольной работе — на случай, если немцы займут Москву. Для этой цели и была создана специальная группа, которой руководил Игорь Александрович. Кроме него, в группу входили два помощника, территориально находившиеся в районе Рублево и Черепково, шофер лично за ним закрепленной автомашины и радистка, сотрудница только что созданного управлением Судоплатова ОМСБОНа по фамилии

Аристова. Она официально работала лаборанткой по анализу питьевой воды и среди сотрудников станции была известна только как жена начальника — Щорс Наталья Викторовна. «Жена», данная Щорсу по воле начальства, стала его настоящей женой только после войны, в 1946 году. Вместе они бок о бок прошли всю трудную жизнь.

Группа Щорса должна была подготовить станцию к взрыву, если немцы войдут в Москву, а сам он — предложить оккупантам свои услуги. По ночам закапывали в нужных местах взрывчатку и бидоны с бензином. Сам Щорс имел в портсигаре специально сконструированное взрывное устройство. В его распоряжении находились две радиостанции, одна из которых была вмонтирована в спинку сиденья его автомобиля, а другая была расположена в квартире.

В марте 1944 года Игоря Александровича отозвали для работы в центральном аппарате разведки. В это время 4-е диверсионно-разведывательное Управление НКГБ СССР совместно с территориальными органами государственной безопасности занималось разработкой легендированной церковно-монархической организации под кодовым названием «Монастырь», сутью которой была радиоигра с гитлеровской разведкой. Вести это дело было поручено Щорсу. В июле 1944 года на основании радиоигры «Монастырь» возникла другая радиоигра с немецкой разведкой «Березино», целью которой было заставить немцев открыть линию фронта для прохода наших частей под видом находящейся в советском тылу немецкой воинской части.

В 1946 году, когда американцы взорвали атомные бомбы в Хиросиме и Нагасаки, а у нас в стране пока не было своего урана, И.А. Щорс был направлен в командировку в Болгарию, где немцы нашли хорошее месторождение урана и не успели развернуть добычу и переработку урановой руды. В Болгарию Щорс был направлен как горный инженер и два года работал начальником участка по добыче и переработке урановой руды и доставке ее в Советский Союз. Здесь Игорь Александрович внес массу технических предложений по добыче и переработке урановой руды.

Вернувшись в 1948 году в Москву, Щорс стал работать в комитете информации при МИДе СССР. В августе 1950 года он перешел начальником отделения в плановый отдел ХОЗУ МГБ СССР. 9 марта 1953 года И.А. Щорса назначают начальником отдела норм и сводного планирования материально-технического снабжения МВД СССР. В декабре 1954 года Игорь Александрович ушел на пенсию по линии МВД в звании подполковника.

Выйдя на пенсию, он попросил дать ему как горному инженеру самую отстающую шахту. Ему дали шахту на Чукотке, на берегу Берингова залива. 1 мая 1955 года И.А. Щорс был уже директором угольной шахты «Беринговская» и хозяином поселка Нагорный около нее.

К моменту приезда Щорса в поселке Нагорный было всего одно двухэтажное здание из кирпича. И ничего больше, кроме сопок и голой тундры. Постепенно появились благоустроенные дома, а шахтеры получили отдельные квартиры со всеми удобствами. Горячая вода, к примеру, была круглый год. Развернулось не только жилищное строительство, но улучшились условия работы шахтеров, особенно в зимний период. Вот что значил всего один руководитель! Шахта из отстающей превратилась в передовую, коллектив стал получать переходящие знамена, а директор и его сотрудники — ордена и медали. Игорь Александрович на Чукотке, как и в Болгарии, внес множество рационализаторских предложений, направленных на добычу угля на Крайнем Севере и на улучшение быта населения.

На Чукотке Щорс прожил до 1977 года. Потом вернулся в Москву. Но и тут не остался без дела: стал директором плавучего дома отдыха санаторного типа, организованного на теплоходе «Лев Толстой».

В феврале 1987 года произошло несчастье. Щорс зацепился за латку на ковровой дорожке и упал с одной палубы на другую, между которыми высота составляла 20 сантиметров, и сильно повредил позвоночник. Пришлось совсем уйти на пенсию.

Сейчас Игорь Александрович занимается литературой — вспоминает свои боевые дела и героических товарищей.

ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ ИЛЬИН

В.Н. Ильин родился 6 ноября 1904 года в Москве. Участник Гражданской войны. В органах государственной безопасности начал работать рядовым оперативным уполномоченным 19 января 1933 года. Дослужился до должности начальника третьего отдела Секретно-политического управления НКВД, ведавшего вопросами работы с творческой интеллигенцией. В феврале 1943 года получил звание комиссара без ранга, что соответствовало званию генерала госбезопасности. А 3 мая того же 1943 года Ильин неожиданно был арестован.

Вот как описывает это событие П.А. Судоплатов, долгие годы бывший его непосредственным начальником, в книге «Разведка и Кремль»:

«…в течение всей войны наркомом обороны был Сталин. При

нем военную контрразведку („Смерш“) передали из НКВД в ведение Наркомата обороны, и начальником „Смерша“, по рекомендации Берии, утвердили Абакумова. Таким образом, занимая эту должность, Абакумов стал заместителем Сталина как наркома обороны, что значительно повышало его статус и давало прямой выход на хозяина. Теперь он был фактически независим от Берии и превратился из подчиненного в его соперника».

В 1943 году — без санкции Берии — Абакумов арестовал комиссара госбезопасности Ильина.

Мягкий, с профессорскими манерами, Ильин пользовался в НКВД большим уважением. В течение пяти лет, до того как началась операция «Монастырь», он «вел» Демьянова и также участвовал в этой радиоигре с немцами на ее начальной стадии. Учитывая личные контакты Ильина с такими писателями, как Алексей Толстой, и прославленными музыкантами и композиторами, его часто принимал у себя Берия. Ильин был также в дружеских отношениях с Меркуловым..

И вот в 1943 году служба Ильина в органах закончилась из-за конфликта с Абакумовым. Еще во время Гражданской войны Ильин подружился с Теплинским, с которым они вместе служили в кавалерийской части. Позднее Ильин начал работать в ОГПУ, а Теплинский перешел в авиацию и сделал неплохую карьеру: в 1943 году он был генерал-майором и получил назначение на должность начальника инспекции штаба ВВС.

Неожиданно повышение Теплинского по службе затормозилось: выяснилось, что против его нового назначения возражают органы. Тогда он обратился к Ильину, пытаясь выяснить, в чем дело. Тому удалось быстро узнать причины: единственная причина, заставившая органы госбезопасности отказать Теплинскому в доверии, заключалась в его присутствии на вечеринке в военной академии в 1936 году, до ареста Тухачевского, где он якобы позволил себе с похвалой отозваться об офицерах и генералах, вскоре павших жертвами репрессий в армии. Ильин предостерег Теплинского, чтобы он был осторожнее в своих высказываниях, но все предостережения сделал по телефону.

Абакумов тут же узнал об их разговоре и, возмущенный, потребовал от Берии, чтобы он отстранил Ильина от работы. Берия вместо этого поручил Меркулову ограничиться простым внушением, притом в дружеском тоне. К тому времени отношения между Абакумовым и Берией сильно испортились. Абакумов принял решение воспользоваться этой историей для того, чтобы скомпрометировать Берию и Меркулова. Он доложил Сталину, что комиссар госбезопасности Ильин срывает

проводимую «Смершем» оперативную проверку комсостава ВВС Красной Армии в связи с новыми назначениями. Все это приобрело особую важность, так как одна из причин, побудившая Сталина перевести «Смерш» под свой личный контроль, заключалась в том, что он хотел исключить любое вмешательство бериевского НКВД в вопросы служебных передвижений в армии. Сталин приказал Абакумову немедленно арестовать Теплинского.

На допросе, проводившемся с пристрастием (Абакумов выбил ему два передних зуба в первую же ночь), Теплинский признался, что Ильин советовал ему, как вести себя, чтобы не дать оснований для обвинения в симпатиях к врагам народа. Кроме того, он также признал, что делился с Ильиным своими симпатиями к врагам народа. Неделю спустя Абакумов доложил о признаниях арестованного лично Сталину и получил от него санкцию на арест Ильина.

Явившись к Меркулову на Лубянку, Абакумов потребовал, чтобы вызвали Ильина, напомню, речь шла о руководящем работнике наркомата, комиссаре госбезопасности. И вот этого человека разоружают и сажают во внутреннюю тюрьму на Лубянке. Хотя тюрьма и принадлежала НКВД, чекисты были лишены права допрашивать Ильина, поскольку он находился в ведении «Смерша». На следующий день Абакумов устроил очную ставку Теплинского с Ильиным. Теплинский, избитый накануне, повторил свои «признания», Ильин, возмутившись, влепил ему пощечину, назвав его бабой.

Не найдя свидетелей для подтверждения показаний Теплинского, Абакумов оказался в сложном положении: ведь необходимо было заручиться показаниями двух свидетелей. Поскольку никто из окружения Теплинского в военных верхах даже не знал о существовании Ильина и не мог дать показания против него, найти второго свидетеля для обвинения представлялось проблематичным, а без этого нельзя было передать дело для слушания в Военную коллегию. Ильина избивали, лишали сна, однако он не только отказывался признавать себя виновным, но даже не подписывал протоколы допросов. Для оформления дела их необходимо было предъявить Сталину, чтобы он решил дальнейшую судьбу подследственного, и Абакумов боялся предстать перед Сталиным без убедительного обвинительного заключения. Хотя Абакумов не мог доказать вину Ильина, тот по-прежнему оставался в тюрьме.

На допросы Ильина вызывали в течение четырех лет с 1943 по 1947 год. Его держали в одиночной камере и периодически избивали, чтобы получить признания. Через четыре года на него махнули рукой, но еще целых пять лет он оставался в тюрьме.

Понимая, что является жертвой борьбы за власть, Ильин дал себе слово ни в чем не признаваться и лучше умереть, чем запятнать свою честь. Ему удалось даже сохранить чувство юмора. Однажды он спросил у своего следователя, производившего допрос:

— А что означает орденская ленточка у вас на груди?

Офицер ответил, что это орден Ленина. Ильин заметил:

— Вот какая мне оказана честь — дело поручено человеку, награжденному орденом Ленина. Значит, мое дело очень важное!

В июле 1951 года Ильин был переведен в Матросскую Тишину и помещен в специальный блок тюрьмы ЦК партии. Находившимися там подследственными занимался Комитет партийного контроля, который расследовал дела членов ЦК и офицеров госбезопасности.

Новый следователь, появившийся на очередном допросе в форме военного прокурора юстиции, был заместитель военного прокурора Советского Союза Китаев. К безмерному удивлению Ильина, Китаев потребовал от него показаний о вредительской деятельности Абакумова. В ответ Ильин попросил представить доказательства, что это не провокация. Охранник вывел его в коридор и подтолкнул к глазку камеры, где сидел заклятый враг Ильина Абакумов…

Через полгода начальник комендатуры Министерства госбезопасности (МГБ) генерал Блохин объявил ему: за служебные допущения Особое совещание приговаривает Ильина к девяти годам тюремного заключения. Срок заключения истек — Ильин отсидел девять лет.

Он получил справку об освобождении, временный паспорт и свою старую форму комиссара госбезопасности, теперь генерал-майора, без погон, которая за эти годы порядком обветшала.

Выпущенный на волю поздним вечером, без денег, Ильин решил найти убежище в приемной МГБ на Кузнецком Мосту. Он знал, что война кончилась, но не знал, как она изменила жизнь людей: ему было неизвестно, что в стране произошла денежная реформа и в обращении совсем другие деньги. Он также не знал, где его семья и что с ней. Утром выяснилось, что жена развелась с ним, так как не имела сведений о нем и считала, что он погиб. Она снова вышла замуж, и их дочь жила с ней.

В приемной МГБ он встретил дежурного офицера, который узнал его и разговаривал с явной симпатией. Офицер из приемной МГБ одолжил Ильину пятьсот рублей (тогда это была довольно большая сумма) и посоветовал немедленно уехать из Москвы.

Ильин поехал в Рязань, где жил его двоюродный брат. Там он

устроился на работу грузчиком на железнодорожной станции. О своем прибытии в город он сообщил в местное отделение госбезопасности на железной Дороге, и через два месяца они помогли ему получить должность бригадира грузчиков. Так в возрасте сорока восьми лет он начал новую жизнь.

После смерти Сталина он подал на реабилитацию. Первое прошение было отклонено, но ему разрешили вернуться в Москву. Ильин устроился в транспортный отдел Моссовета. Реабилитировали его в 1954 году, после расстрела Берии и моего ареста. В течение года ему отказывали в полной пенсии, положенной сотрудникам госбезопасности. Этому противился Серов (министр МГБ), заявляя, что Ильин скомпрометировал себя связью с Теплинским, все еще отбывавшим срок как враг народа.

«Через три дня после моего освобождения из тюрьмы в 1968 году, — пишет П.А. Судоплатов, — Ильин навестил меня. Я узнал, что судьба вновь улыбнулась ему. В 1956 году его бывший куратор в ЦК стал заместителем заведующего отделом культуры ЦК партии. Ему нужен был честный и опытный администратор на пост оргсекретаря Московского отделения Союза писателей. Предшествующий опыт работы Ильина, в прошлом комиссара госбезопасности по вопросам культуры, делал его кандидатуру на этот пост вполне подходящей. К тому же его поддержали такие писатели, как Федин и Симонов. Партийному руководству нужен был в Союзе писателей человек, который бы знал всех, включая и осведомителей. Ильин идеально соответствовал своей новой должности и работал в Союзе писателей до 1977 года» [21].

Работая в Союзе писателей СССР, Виктор Николаевич Ильин пользовался большим авторитетом. Его любили за жизнеутверждающий характер и тонкий юмор. Он долгие годы был, без преувеличения, душой большого и разностороннего коллектива. Умер он уже в преклонном возрасте, попав под автомашину в 1990 году.

МАКЛЯРСКИЙ ИСИДОР (МИХАИЛ) БОРИСОВИЧ

Родился 16 марта 1909 года в Москве. Перед войной и в годы войны работал в органах государственной безопасности. Последняя должность в органах НКВД — начальник 3-го отдела в 4-м диверсионно-разведывательном Управлении, которым командовал П.А. Судоплатов. Полковник. С 1950 года член Союза писателей СССР, драматург. В 1956 году закончил в Москве Высшие литературные курсы. Литературный псевдоним Михаил Маклярский.

Маклярским написано шесть киносценариев на

разведывательную тему. Первый сценарий лег в основу широко известного в СССР и за рубежом кинофильма «Подвиг разведчика», где главную роль играет народный артист СССР Павел Кадочников. Фильм получил в 1948 году Государственную премию. Сценарий был написан Михаилом Маклярским совместно с Блейманом и Есеевым.

Характерно, что перед выходом на экраны фильм «Подвиг разведчика» был предварительно подвергнут кинопросмотру в клубе НКВД, где присутствовали профессионалы разведки. Многие разведчики выступили с отрицательной оценкой фильма, указывая на то, что подобного в жизни, в действительности просто не бывает. Приводились примеры, когда для похищения одного немецкого генерала посылалось до нескольких групп разведчиков. И чтобы один разведчик (П. Кадочников) сумел взять в плен немецкого генерала, это ерунда, хотя смотрится интересно.

Такой же точки зрения придерживался и Игорь Александрович Щорс, присутствовавший на кинопросмотре и работавший ранее в одном отделе с И.Б. Маклярским. Спас фильм от провала знаменитый кинорежиссер Михаил Ильич Ромм, который сказал, что в действительности так не бывает и профессионалы совершенно правы… Но широкой публике об этом неизвестно, а фильм построен с захватывающими моментами и по сценическим законам детективного жанра.

Просмотр фильма «Подвиг разведчика» был устроен в клубе на Лубянке в 1946 году. После этого И.А. Щорс уехал в командировку в Болгарию, где демонстрировался этот фильм. М.И. Ромм оказался совершенно прав. «Подвиг разведчика» пользовался у публики исключительным успехом. В Болгарии были даже ночные сеансы, в чем Игорь Александрович Щорс убедился сам и. вернувшись в Россию, принес Маклярскому свои извинения и привез болгарскую афишу фильма. Надо сказать, что и сейчас фильм пользуется большим и заслуженным интересом, хотя «в действительности так не бывает».

Вторым фильмом по сценарию М. Маклярского совместно с В. Алексеевым был «Выстрел в тумане», вышедший в 1964 году. Затем зритель почувствовал, что сценарист попал в «жилу». Следующий фильм был в соавторстве с Г. Куринским «Заговор послов» — 1966 год, здесь уже смешались детективная тема и наша историческая действительность.

Затем М. Маклярский пишет вместе с Есеевым в 1950 году сценарий фильма «Секретная миссия», вновь получившего Государственную премию в 1961 году, как и первый фильм «Подвиг разведчика».

Михаил Маклярский много и упорно работал над киноэпопеей «Следствие продолжается». Последний его фильм в соавторстве с Львом Шейным «Ночной патруль» — 1957 год.

В литературе Михаил Маклярский также успешно работал, как и в разведке, когда руководил работой А.П. Демьянова, принимал непосредственное участие в радиоигре с немцами или писал «сценарий» к операции «Березино».

Интересно, что генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов, рука об руку с которым работал и Маклярский Иосиф Борисович, очень тепло и высоко отзывается о его работе в диверсионно-разведывательном управлении. Он пишет: «Внутренняя борьба за власть в Кремле с 1948 по 1953 год вызвала новую волну антисемитизма… по распоряжению Сталина были арестованы все евреи — ответственные сотрудники центрального аппарата Министерства госбезопасности. Так оказались за решеткой Эйтингон, Райхман, заместители министра госбезопасности генерал-лейтенант Питовранов и Селивановский. Арестовали и полковника в отставке Маклярского, ставшего к тому времени весьма известным кинодраматургом, специализировавшимся на сценариях из жизни разведчиков» [22].

Умер Михаил Маклярский 2 июня 1978 года.

Затем: Мордвинов, Серебрянский, Щорс, Ильин.

Глава вторая
ПАВЕЛ СУДОПЛАТОВ И ВИЛЬГЕЛЬМ КАНАРИС — ДВЕ СУДЬБЫ

Биографии этих людей в чем-то схожи. Оба начинали свой путь в разведке с активных мероприятий, много раз смотрели смерти в лицо. Потом возглавили две разведывательно-диверсионные службы, которые стали «легендарными» еще при жизни их руководителей. Оба до конца своих дней продолжали служить своей родине. Вот только свою жизнь закончили по-разному. Один казнен в апреле 1945 года, а другой, пережив пятнадцатилетнее тюремное заключение, в течение многих лет занимался переводами и литературной деятельностью. Умер в сентябре 1996 года.

Мягкий свет от настольной лампы под большим зеленым абажуром выхватывает из полутьмы комнаты лицо моего собеседника, сидящего напротив в кресле. *Правильные черты* лица, густые, черные, не тронутые временем брови, мягкая, чуть застенчивая улыбка и внимательные карие глаза. Это Павел Анатольевич Судоплатов. Его спокойные руки лежат на набалдашнике трости, зажатой между колен.

Ровным, спокойным голосом Судоплатов рассказывает о своей жизни, полной радостных и горестных событий, как горный поток, несущий с собой живительную влагу и одновременно сметающий ненужное, слабое на своем пути.

«Родился я на Украине, в городе Мелитополе, в 1907 году, — говорит он. — Семья бедная, многодетная, кроме меня, еще четыре брата и сестра. Родители рано умерли. Свою трудовую биографию, — смеется Павел Анатольевич, — я исчисляю с 26 июня 1919 года».

В этот день двенадцатилетний Павел Судоплатов с приятелем стояли в длинной очереди за хлебом и беззаботно болтали о мальчишеских пустяках. Неожиданно внимание горожан привлек цокот копыт по главной улице Мелитополя, звуки горна, развевающееся красное знамя и ряды конников. Через город шли конные части Красной Армии. Мальчишеский восторг не знал границ. И когда мимо проезжали полевые кухни, Павел бросил все — очередь за хлебом, семью, друзей и увязался за ними. Так оказался он в Одессе. Некоторое время беспризорничал, кормился случайными заработками. К середине 1920 года уже был дежурным телеграфистом в роте связи 41-й дивизии 14-й армии, помогал в ремонте телефонной линии.

К началу 1921 года полк передислоцировался в село Кочарово близ Радомышля, где вел боевые действия против вооруженных формирований украинских националистов. Пребывание в Галиции не прошло для Павла Анатольевича бесследно. За несколько месяцев он приобрел устойчивый украинско-галицийский акцент.

В то время, о котором идет речь, в 41-й полк из Киева приехал инспектор политуправления Киевского военного округа. Увидев Павла, он удивленно спросил: «А что здесь делает этот мальчишка?» — «Это помощник телеграфиста, — ответил дежурный офицер и убежденно добавил: — Очень способный паренек».

Это и определило дальнейшую судьбу П.А. Судоплатова. Его послали на учебу в Киев на курсы подготовки политработников, а после окончания учебы распределили на работу в политотдел 44-й дивизии в Житомире. 15 мая 1921 года из политотдела его перевели в особый отдел дивизии, где он выполнял мелкие поручения оперативного характера. Какое-то время Павел Судоплатов был в особом отделе «на подхвате» у возглавлявшего агентурную работу Лицкого.

«Решающую роль в моей судьбе, — смеется Павел Анатольевич, — сыграл секретариат особого отдела». Это они обучили молодого человека печатанию на машинке и шифровальному делу.

Через некоторое время особый отдел 44-й дивизии слили с Житомирско-Волынским губернским отделом ГПУ, и Павла Анатольевича включили в качестве шифровальщика в оперативную группу Б.А. Батажевича, которая занималась агентурной разработкой Волынской повстанческой армии, организованной украинскими националистами при поддержке белополяков, осевших на территории Украины.

В группе Батажевича, а затем уже вне ее П.А. Судоплатов работал в местечке Славута, в городах Ярслов, Шепетовка, в родном Мелитополе и затем в Харькове, где в то время находилось Главное политическое управление Украины. И уже в конце 20-х годов он оказался в столице в качестве работника отдела кадров.

«В Москве, — рассказывает Павел Анатольевич, — я первое время занимался работой по формированию кадров центрального аппарата ОГПУ, и поэтому мне приходилось встречаться практически со всеми руководителями управлений и отделов, и в том числе с начальником ИНО[23] Артуром Христофоровичем Артузовым».

На одной из таких встреч А.Х. Артузов поинтересовался у

Судоплатова, знает ли он украинский язык. Получив положительный ответ, Артузов предложил Судоплатову перейти на работу к нему в качестве оперативного уполномоченного, объяснив это тем, что работой по украинским националистам в ИНО занимается лишь одна женщина по фамилии Кулич, которая уходит на пенсию, и Павел, хорошо знающий украинский язык, мог бы ее заменить.

«Я, конечно, отказался, — улыбается Павел Анатольевич, — ссылаясь на то, что никогда не работал в ИНО и не имею об этом ни малейшего представления, но Артур Христофорович настаивал, и я согласился».

В комнату, где я беседовал с Павлом Анатольевичем, вошел его сын Анатолий Павлович, преподаватель МГУ, и пригласил к накрытому для чая столу. Приступая к трапезе, я не удержался от колкости: много раз, мол, приходилось пить чай с различными известными людьми, но впервые стол сервирует профессор, доктор экономических наук. Судоплатов-младший только улыбнулся.

«Первым моим начальником, — продолжает свой рассказ Павел Анатольевич, — был Андрей Павлович Федоров. Да, да, тот самый Федоров, который вместе с Артузовым провел дело Савинкова — самую крупную в истории ОГПУ агентурно-оперативную разработку. Работать при нем было очень интересно».

Чем чаще встречался я с П.А. Судоплатовым, тем больше изумлялся… Человек-легенда. В истории нашей разведки за период с 1929 по 1953 год практически нет ни одного значительного эпизода оперативного характера, с которым так или иначе не связано имя Судоплатова. В 1937 году непродолжительное время он исполнял обязанности начальника ИНО, затем после нескольких закордонных командировок (1936—1938 гг.) в качестве нелегального сотрудника П.А. Судоплатов до начала войны был заместителем начальника ИНО.

5 июля 1941 года его назначают начальником отдела (а впоследствии управления), который занимался организацией партизанского движения и диверсионной работой в тылу врага. Борьба с оуновским подпольем на Украине до войны и после нее, борьба с троцкизмом в 1930—1938 годах, крупнейшие оперативно-тактические игры Второй мировой войны «Монастырь» и «Березине» и, наконец, организация работы по производству атомного оружия в Советском Союзе — все это напрямую связано с именем П.А. Судоплатова. Ему приходилось несколько раз встречаться с И.В. Сталиным для обсуждения вопросов оперативно-политического характера.

В 1953 году после смерти Сталина Судоплатов как «пособник Берии» был арестован и осужден на 15 лет. Закрытый суд над ним проходил под девизом «Ни слова о Хрущеве».

Все 15 лет заключения во Владимирской тюрьме П.А. Судоплатов вел борьбу за свое освобождение и реабилитацию.

Слишком трудно вместить жизнь легендарного человека в несколько строк. Невольно приходится выбирать лишь основное, главное. Размышляя об этом периоде истории внешней разведки в связи с именем П.А. Судоплатова, я отметил, что из всей богатой событиями его жизни четко выделяются три периода: первый — непосредственное участие в качестве нелегального сотрудника в борьбе с оуновским подпольем, а в дальнейшем руководство этой работой; второй — организация и руководство партизанским движением и диверсионной работой в тылу врага и третий — контроль и оказание помощи в производстве атомного оружия в нашей стране.

Вопрос борьбы советской власти с украинскими националистами сложен и многогранен. Прежде всего отметим неоднородность социальной среды. Если рядовые члены ОУН были искренними сторонниками национальной независимости Украины, то их главари — фашистскими ставленниками, получавшими от Гитлера моральную и материальную поддержку.

К середине 30-х годов организация украинских националистов (ОУН), по сути, выполняла роль спецслужбы украинского правительства в эмиграции, была укомплектована офицерами австрийской армии и немецкими офицерами. Финансировалась абвером. Ее лидер Евгений Коновалец неоднократно встречался с Гитлером. В нацистской высшей партийной школе в Берлине несколько мест было «забронировано» для членов ОУН. Штаб-квартира ОУН располагалась в Берлине под вывеской этнографического музея, а ее филиалы находились во многих европейских столицах, в США. на Дальнем Востоке.

Надо сказать, что украинские чекисты в 1921 году вышли на человека, который был оставлен Коновальнем для нелегальной работы на Украине. С его помощью в Москве решили расколоть ОУН изнутри.

Эта задача была возложена на «Андрея» — Судоплатова. После непродолжительной, но очень интенсивной подготовки его нелегально перебросили через финскую границу и внедрили в ОУН как племянника лидера организации на территории СССР. Постепенно он сумел войти в доверие и к Коновальцу.

Работа корабельного радиста давала Судоплатову возможность периодически бывать на Родине. Впервые он

вернулся летом 1937 года.

— К тому времени, — говорит Павел Анатольевич, — игра с ОУН велась уже более двух лет. Встал вопрос, что же делать дальше. Обсуждался он и на комиссии ЦК ВКП(б), на которой заслушивали также и меня.

Вскоре после той комиссии Ежов впервые привел Судоплатова к Сталину.

— Я растерялся, долго не мог взять себя в руки, — вспоминает Судоплатов. — Начал что-то лепетать о том, какая честь для любого коммуниста, члена партии увидеть товарища Сталина. Ежов молчал, как воды в рот набрал.

— Мне нужны факты, предложения, — прервал Сталин. — Поезжайте в Киев, посоветуйтесь с украинскими товарищами, проработайте этот вопрос и через неделю доложите мне.

Вторая встреча со Сталиным произошла в самом конце того же года. В тот день в кабинете у вождя был председатель ЦИК Украины Петровский.

Судоплатов начал доклад с предложения об использовании своих каналов с ОУН для дальнейшего проникновения нашей разведки.

— Неправильно мыслите, — раздраженно перебил Сталин. — Пусть эти убийцы, которые начали грызню между собой, до конца перебьют друг друга.

К тому времени внутри ОУН разгорелась настоящая драка. В 1936 году осмелившийся выступить против Коновальца один из руководителей ОУН Костырев и его группа исчезли. Были стычки у Коновальца и со Степаном Бандерой, который против воли первого организовал убийство министра внутренних дел Польши генерала Бронислава Перацкого.

— Подумайте, как обезглавить ОУН. Эта акция не должна стать просто местью вешателю рабочих киевского «Арсенала», — сказал Сталин. — Подумайте над его слабостями. Он, кажется, любит конфеты?

А вскоре в Роттердаме в кафе «Атланта» «Андрею» вручили большую коробку конфет в красивой упаковке с украинским орнаментом.

— Когда я взял ее в руки, у меня все как будто оборвалось внутри, — рассказывает Павел Анатольевич. — Подарок для Коновальца был уже «заведен». А везти эту коробку предстояло через весь город. В трамвае я даже поближе сел к полицейскому — очень боялся, что какие-нибудь воришки вырвут из рук. С Евгением Коновальцем мы встретились, как обычно, в одном ресторане около полудня. При встречах мы подолгу спорили о методах «нашей борьбы» с большевиками. Коновалец словно был

одержим идеей террора. Он считал, что, только утопив советскую территорию в крови, можно добиться независимости Украины.

Поговорили. Решили встретиться еще раз вечером. На прощание Судоплатов вручил лидеру ОУН большую коробку конфет.

— Взрыва я не слышал, — говорит Павел Анатольевич, — в тот момент я как раз зашел в магазин купить шляпу, чтобы хоть как-то сменить внешность. Но увидел, как в ту сторону, откуда я пришел, побежали люди.

Интересно, что после гибели Коновальца ouновцы, разумеется, с нашей подачи, распространили несколько версий этого убийства. Одна из них «свидетельствовала», что лидер ОУН пал жертвой немцев, гестапо, поскольку Берлин был недоволен выходом Коновальца из-под контроля. По другой версии — его убили польские спецслужбы. Не исключали, конечно же, и руку Москвы.

Так уж сложилась судьба у Судоплатова, что борьба с украинским национализмом стала одним из главных направлений его деятельности — и как «рядового» разведчика, и как одного из руководителей советской разведки. Его борьба с ОУН не закончилась уничтожением Коновальца. Во время войны и в первые послевоенные годы, уже в качестве начальника Четвертого управления МГБ, он будет лично руководить разгромом националистического подполья на Западной Украине.

В декабре 1938 года угроза ареста нависла и над Судоплатовым.

— На партсобрании поставили вопрос о моей связи с арестованными руководителями разведки, в том числе с Балицким, Горожаниным, благодаря которым я оказался в свое время в Москве, — вспоминает Павел Анатольевич.

Вскоре на заседании партбюро принимается почти единогласно (воздержался только что возглавивший разведку П.М. Фитин) решение об исключении из партии.

До очередного партийного собрания, которое наверняка утвердило бы решение партбюро, оставалось несколько дней. Ну а потом, конечно, неизбежный арест.

И вдруг — вызов к Берии.

— Мне докладывают, что вы ни черта не делаете. Хватит валять дурака. Едем сейчас же в ЦК, — заявил тот.

В машине Лаврентий Павлович не проронил ни слова. Но Судоплатов понял: снова едут к Сталину.

— Докладывайте вопрос, — тихо обратился Сталин к Берии.

— Товарищ Сталин, после вашего указания мы разоблачили тех, кто обманывал партию. Сегодня мы решили обновить

руководство разведкой, укрепить наши агентурные позиции за рубежом…

— Сейчас надо сосредоточиться на том, чтобы обезглавить троцкистов, — прервал Сталин. — Надвигается война, а они работают зачастую с немцами, заодно с ними. Вам, товарищ Судоплатов, мы поручаем лично возглавить и провести эту операцию. Выезжайте на место, подбирайте людей, партия никогда не забудет тех. кто будет участвовать в этой операции, и навсегда обеспечит их самих и их детей. Вы назначаетесь заместителем начальника разведки для того, чтобы использовать весь потенциал разведывательных органов, как военных, так и по линии НКВД. Но помните: вся ответственность целиком ложится на вас. Мы спросим с вас.

В тот же день был подписан приказ о назначении. Вместо изгнания из партии и ареста Судоплатов получил звание майора государственной безопасности. С только что вернувшимся из-за границы Эйтингоном он приступил к работе. Спустя три месяца появился план операции под кодовым названием «Утка».

— Было принято, — говорит Судоплатов, — беспрецедентное решение: моему заместителю Эйтингону разрешили действовать абсолютно самостоятельно с правом выбора и вербовки агентуры без согласования и без санкции Центра. Ему под личную отчетность выделялась астрономическая по тем временам сумма — триста тысяч долларов.

О том, как убивали Троцкого, сегодня известно достаточно хорошо, и наверняка нет смысла повторяться, — говорит Павел Анатольевич. — Скажу лишь, что, когда первая попытка провалилась, я пережил немало волнений.

Берия узнал о провалившейся попытке из сообщений ТАСС и вызвал Судоплатова к себе на дачу в Петрово-Дальнее. Когда тот приехал, Берия обедал вместе со своими заместителями Кругловым и Серовым. Прервав обед, он вышел к Судоплатову, чтобы проанализировать причины неудачи.

Потом они вместе поехали к Сталину, который после долгого разговора согласился разрешить Эйтингону использовать другой вариант. На этот раз операция прошла успешно.

Разумеется, деятельность заместителя начальника разведки Судоплатова в *то* время не ограничивалась лишь руководством операцией «Утка». Он вошел в курс многих тайных дел, осуществление которых Сталин доверял разведке.

— В сентябре тысяча девятьсот тридцать девятого года, — рассказывает Павел Анатольевич, — к нам в плен попал польский князь Радзивилл. С ним в тюрьме работал сидевший там «враг народа» Зубов.

Засыпанный просьбами европейских монарших семей, Сталин согласился отпустить представителя древнего и знатного польского рода восвояси. Но перед тем как сесть в международный вагон и отбыть в уже охваченную пламенем Второй мировой войны Европу, князь Радзивилл встретился с Берией.

— Нам нужны такие люди, как вы, князь, — говорил на прощание Берия.

— Мы держали его для чего-то экстраординарного, — вспоминает Судоплатов. — В тысяча девятьсот сорок втором году, в частности, планировали устроить покушение на Гитлера с участием князя Радзивилла. С этой целью в Берлин была направлена группа наших диверсантов во главе с Миклашевским.

Но Сталин отменил эту операцию. Он считал, что устранение Гитлера откроет дорогу к власти в Германии фон Папену, и тогда американцы и англичане наверняка заключат с Германией сепаратный мир и оставят его с носом.

— Так что князя Радзивилла, насколько мне известно, мы так и не смогли ни разу по-крупному задействовать, — замечает Судоплатов.

17 июня 1941 года после доклада начальника ИНО Фитина о подготовке немцев к войне, встреченного Сталиным с большим раздражением, Берия тем не менее сумел получить разрешение на дополнительные меры по линии разведки. Судоплатову по указанию ЦК ВКП(б) было поручено создать и возглавить особую группу НКВД СССР.

— Двадцать первого июня я засиделся допоздна на службе, — вспоминает Судоплатов. — Было уже глубоко за полночь, когда меня вызвали к наркому госбезопасности. Обычно очень уравновешенный и спокойный, на этот раз Меркулов был не в себе.

— Война началась, — произнес он и подал несколько листков бумаги с донесениями от пограничников. — Немедленно поднимайте всех, кто у вас есть. Подбирайте конспиративные квартиры. Сотрудников перевести на казарменное положение.

— Пятого июля тысяча девятьсот сорок первого года был подписан письменный приказ о моем назначении и создании особой группы, — продолжает Павел Анатольевич. — Первым делом мы начали формирование парашютно-десантного подразделения. В него принимали комсомольцев, спортсменов, а также многих иностранцев-коммунистов. Тринадцатого октября особая группа в связи с расширением объема работ была реорганизована во второй отдел НКВД СССР, а потом, в тысяча девятьсот сорок втором году, в Четвертое управление НКВД —

НКГБ СССР. С началом войны, — говорит он, — многое изменилось. Берия понимал, что нужны люди. Грамотные, опытные. Многие из них сидели в тюрьмах и лагерях.

В июне 1941 года на стол Берии Судоплатов положил первый список специалистов, которых предлагал освободить, 60 человек.

— И вот что удивительно, — рассказывает Судоплатов. — Берия не только не спросил, виноваты эти люди или нет, он лишь скользнул по списку взглядом.

— Они все вам нужны? Тогда забирайте, — произнес Берия, подписывая его.

— Действовала логика преступного рационализма внутреннего террора. Если режиму были неугодны те или иные люди, их просто убирали, убивали, сажали в тюрьмы, лагеря. Но вот началась война. Снова нужны люди, и их выпускают. Виновен ты или нет, никого не волновало. Главное — ты нужен в данный момент.

Понимали это люди? Кто знает? Но выпущенные на свободу, они работали не покладая рук, часто — рискуя жизнью. О размахе и действенности особой группы Четвертого управления говорят хотя бы такие цифры и факты. 22 подчиненных Судоплатова получили звание Героя Советского Союза. Среди них известные имена: Н. Кузнецов, Д. Медведев, К. Орловский, С. Ваупшасов, В. Карасев, А. Шихов, Е. Мирковский. Несколько тысяч награждены орденами и медалями. Сам Павел Анатольевич и его заместитель Наум Эйтингон были удостоены орденов Суворова. Только они, двое из всей разведки, получили полководческую награду. И это не случайно. Ведь на счету разведчиков Судоплатова участие в таких операциях, как «Рельсовая война», «Цитадель», «Концерт», и других.

Многие из них хорошо известны. Но есть и такие, которые еще не стали достоянием широкой гласности.

— Пожалуй, самой захватывающей, — говорит Судоплатов, — была начатая осенью тысяча девятьсот сорок первого года агентурная разработка, получившая впоследствии кодовое название «Монастырь». Ее готовили начальник отдела моего управления Маклярский и оперработник Ильин. По сути, она продолжалась всю войну. Главным действующим лицом был принадлежавший к театральной богеме Москвы Александр Демьянов (агентурный псевдоним «Гейне»). Происходил он из родовитой дворянской семьи, к тому же имел немецкие корни. Его прадеду, как одному из видных деятелей кубанского казачества, был поставлен памятник на Кубани. Кроме того, его дядя в свое время работал в белогвардейской контрразведке, позднее был разоблачен как шпион и сослан в Сибирь, где потом

и скончался.

В самом конце тысяча девятьсот сорок первого года «Гейне» перебросили через фронт. Причем чуть было не потеряли его в самом начале операции, так как наши саперы неправильно указали место для перехода линии фронта. «Гейне» пошел «сдаваться» по минному полю… И узнал об этом, лишь когда ему закричали из немецких окопов.

— Переход по минному полю произвел, — говорит Павел Анатольевич, — на немцев впечатление. Хотя поверили они «Гейне» лишь после нескольких проверок.

Вскоре абверовцы решили использовать в своих целях «представителя монархической группы в Москве» — именно так «Гейне» представился им. В результате «Макс» — так называли его немецкие разведчики — снова оказался в Москве. «Выполнял» задания врага, разумеется, под нашим контролем. По ходу игры с немцами «Гейне» докладывал своим «хозяевам», что ему удалось внедриться в качестве офицера-порученца в окружение маршала Шапошникова. А после смерти Шапошникова его «оставил» при себе вновь назначенный начальник Генерального штаба Красной Армии Василевский. Несколько военных лет наша разведка «кормила» Берлин умело составленной стратегической дезинформацией — смесью правды и лжи.

После войны Шелленберг и Гелен писали в своих воспоминаниях о внедренном ими в советский Генштаб агенте, который давал чрезвычайно важную информацию.

Еще в 1939 году наша разведка получила сведения о том, что за рубежом ведется разработка атомного оружия. Вскоре Центр направил ориентировки, нацеливавшие советские резидентуры в США, Англии и в ряде других стран на добывание сведений по этой проблеме. В сентябре 1940-го наши разведчики в Лондоне сумели получить научную документацию, в которой обосновывалась необходимость создания критической массы для производства супероружия.

В марте 1942 года Берия докладывал Сталину о развернувшихся в США работах по практическому созданию атомного оружия. На основании этого сообщения решением ГКО (Государственного Комитета Обороны) была создана лаборатория № 2 под руководством Игоря Курчатова. В 1943-м правительство приняло решение об организации в недрах разведки группы «С». которой поручено заниматься добыванием информации с целью использования ее для создания атомной бомбы в СССР. Возглавил эту работу, так сказать по совместительству, генерал Судоплатов. Одновременно было создано так называемое «второе разведывательное бюро» в правительственном спецкомитете по

атомной проблеме, которое объединяло усилия военной разведки и НКВД—НКГБ. Группа Судоплатова просуществовала всего год, затем «атомные дела» были переданы в ведение управления «Т» — техническая разведка. В США по линии разведки разработкой этого направления занимался Григорий Хейфец, который позднее стал одним из создателей американской коммунистической партии. «Наши разведчики, сумевшие выйти на видных западных ученых-атомщиков, организовали буквально поток научной информации в Москву, — вспоминает Павел Судоплатов. — Надо сказать, что Ферми, Нильс Бор, Эйнштейн и другие видные ученые понимали опасность появления атомного оружия и поэтому считали необходимым создать равновесие сил».

По сути, это был международный заговор ученых, в котором приняла участие и советская разведка. Ее роль, по мнению Судоплатова, заключалась в содействии воспитания в среде западных ученых-атомщиков убежденных пацифистов-космополитов, стремящихся спасти мир от ядерной войны.

«Атомная команда» Судоплатова сумела добыть в тот период сведения о расположении исследовательских центров, секретные публикации научных работ, досье на ученых. Информация, которая проходила по его линии, убедила Сталина и советское руководство в серьезности намерений США создать атомную бомбу, а позднее — в «ядерной готовности» Вашингтона, что заставило советских ученых существенно изменить направление отечественных ядерных исследований. «В Центр, — вспоминает Судоплатов, — поступило описание первой атомной бомбы. К середине июля 1945 года стало известно о готовящемся взрыве ядерного устройства». Таким образом Сталин, по утверждению Павла Анатольевича, был информирован об американских ядерных проектах много раньше, чем ему сообщил об этом президент Трумэн.

Арест Берии был словно гром среди ясного неба. В сложной кремлевской интриге казавшийся всем простаком Никита переиграл хитрого Лаврентия.

— Для многих сегодня, — говорит Павел Судоплатов, — имя Берии связано с чем-то чрезвычайно зловещим в истории нашей страны. Действительно, человек, долгие годы возглавлявший тайную полицию, и не может выглядеть иначе. Тем более что на его совести, очень много крови. Но нельзя не отметить и то, что из всего кремлевского окружения Сталина Берия был, на мой взгляд, наиболее динамичным, компетентным руководителем. Возглавляя службу безопасности НКВД, он отвечал еще за многие направления, в том числе за создание атомного оружия, оборонный комплекс.

По мнению Судоплатова, многие реформы, которые позже были представлены как идеи Хрущева, первоначально разрабатывались Берией.

Даже после ареста Берии в июне 1953 года Хрущев не чувствовал себя до конца победителем. Поэтому он наносит удар по «органам». Ему необходимо избавиться от лишних и крайне нежелательных свидетелей, знавших настоящую цену Хрущеву, понимавших, что он повинен в репрессиях 30—40-х и начала 50-х годов не меньше, чем кто-либо другой из сталинского окружения. Впрочем, иначе выжить в то время было просто невозможно. Проявить совестливость, сжалиться хотя бы над одним невинным человеком, даже своим близким, означало обречь на верную гибель и себя, и свою семью.

— Именно Хрущев, — подчеркивает Судоплатов, — был инициатором массовых выселений из западных областей Украины. Сохранились документы, письма, подписанные им и министром госбезопасности Украины Савченко, в которых обосновывалась «необходимость» массовых репрессий, говорилось, что проведение таких мероприятий целесообразнее поручить украинским чекистам. Правда, самостоятельно Киев так и не сумел с этим справиться. И в конце концов пришлось обратиться за помощью в Москву.

Излишняя информированность чуть было не стоила Судоплатову жизни. В списке арестованных руководителей госбезопасности и разведки его имя стояло под номером восемь. Первые семь человек из этого ряда были расстреляны очень быстро. Хрущеву надо было спрятать концы в воду, поэтому он спешил избавиться от тех, кто слишком хорошо знал о его грехах.

Что помогло выстоять генералу Судоплатову в тюрьме, не сломаться?

— Прежде всего поддержка семьи, — говорит Павел Анатольевич. — Жене, она тоже работала в разведке, удалось завербовать несколько человек из охраны.

Но главное, она сумела заполучить себе в союзницы одну из тюремных медсестер. Благодаря ей и удалось выходить Судоплатова после голодовки, после того как в тюрьме ему перебили шейный позвонок.

Когда в октябре 1964 года Никиту Хрущева свергли, стараниями Анастаса Микояна первым амнистировали его родственника Людвигова, работавшего в секретариате Берии. Появилась надежда на пересмотр дела Судоплатова. К 20-летию Победы группа чекистов подписала письмо новым кремлевским лидерам с просьбой о реабилитации Судоплатова. Бумага легла на стол Леониду Брежневу. «Не суйтесь не в свои дела» — такую

резолюцию поставил Генсек ЦК КПСС на просьбе чекистов.

Через год было написано еще одно письмо, которое подписали более 40 старых чекистов. Среди них — Зоя Рыбкина, Рудольф Абель, другие. В нем приводятся факты, свидетельствующие о невиновности Судоплатова, показывающие, что дело от начала до конца сфальсифицировано. Однако и ему не дают ход. В конце концов по письму Прокуратуры СССР и КГБ в 1966 году в ЦК КПСС принимается решение — «освободить досрочно», когда Судоплатову оставалось сидеть еще два года, но в декабре того же года по неизвестным причинам это решение отклоняется. И Судоплатов остается в заключении до окончания своего 15-летнего срока.

Борьба за восстановление его доброго имени началась в 1960 году и продолжалась более тридцати лет. Только в конце 1991-го Судоплатов был реабилитирован. Полностью.

О чем думал в ночь с 8 на 9 апреля 1945 года перед казнью узник замка Флоссенбург? (Небольшого роста, разговорчивый, мягкий в обращении, с черными, но рано поседевшими волосами, — когда-то могущественный руководитель Управления разведки и контрразведки верховного командования вооруженных сил Германии, а теперь простой заключенный.)

Может, он вспомнил своего отца — простого инженера, который к концу жизни стал директором сталелитейного завода? Вот прекрасный пример того, чего можно достичь благодаря тяге к знаниям и самодисциплине. Недаром один из педагогов в начале его военно-морской карьеры отметил: «Весьма одарен в теории, прилежание железное».

А может, тех, кто вместе с ним учился в кадетском училище и точно подметил его склонность к шпионажу? Ведь недаром кадеты прозвали его «Кикер» («Подсматривающий») .

Перед его внутренним взором стремительно прошла вся жизнь. Он снова и снова перелистывал страницы своего прошлого.

Вот он появился на свет 1 января 1887 года в деревушке Аплербек близ Дортмунда. Учеба в гимназии и радостное событие: его зачислили 1 апреля 1904 года кадетом в морское училище в городе Киле.

В 1907 году началась карьера морского офицера на крейсере «Бремен», который совершил визит к берегам Латинской Америки. Благодаря тому, что он самостоятельно выучил испанский язык, и таким качествам характера, как «умение ладить с людьми, дополненное скромностью, послушанием и вежливостью», он смог проявить себя как искусный дипломат. Эти качества пригодились ему в 1913 году, когда нужно было

эвакуировать из охваченной восстанием Мексики президента — генерала Гуэрто.

Когда началась Первая мировая война, Вильгельм Канарис занялся тем, что на долгие годы стало его основной профессией. Канарис наладил связь с агентурной сетью в Аргентине и Бразилии, которую создал еще в 1908 году, и стал получать по радио сведения об обстановке, помогавшие крейсеру «Дрезден» (где он служил) перейти к устью Ла-Платы и потопить два судна. Когда вблизи оказались английские корабли, командир крейсера ушел на Тихий океан и присоединился к эскадре вице-адмирала Шпее. И его Канарис, благодаря своим агентам, оповещал о перемещениях противника. Его шпионская карьера была ненадолго прервана в конце декабря 1914 года. Англичане потопили «Дрезден», а Чили интернировала уцелевших членов экипажа.

Канариса тяготило безделье. В ночь на 3 августа 1915 года по согласованию с командиром он бежал и 4 октября прибыл в Гамбург. После краткого отдыха молодой офицер представил отчет о действиях «Дрездена» и получил новое задание — организовать разведку на Средиземном море.

К началу 1916 года он создал агентурную сеть в главных портах Испании. На испанских верфях тайно строили суда для снабжения германских подводных лодок. Однако шпионаж Канарису все менее нравился, и он в сентябре 1916 года добился возвращения во флот.

Снова служба обычного морского офицера, которая прервалась из-за исчезновения с политической карты мира Германской империи и, соответственно, ликвидации большей части кораблей ВМФ. Участие в заговорах, рутинная бумажная работа, ведение многочисленных переговоров о строительстве новых кораблей за рубежом, в обход существующих международных договоров, служба в штабе — все это продолжалось до 1932 года. Его назначили командиром линкора «Шлезен».

На фронта «тайной войны» он вернулся 2 января 1935 года, когда его назначили начальником абвера. К моменту его прихода служба почти не имела агентуры за рубежом. Поэтому в первую очередь капитан 1-го ранга создал агентурную сеть в Европе (в Голландии, Бельгии, Северной Франции). Когда германские войска вступили в Рейнскую область, агенты Канариса сообщили, что Франция не собирается начинать войну.

Абверовцы устанавливали связи с иностранными разведками и пользовались результатами их действий друг против друга. В работе агенты применяли новые технические средства:

малогабаритные радиостанции, съемку объектов в ультрафиолетовых лучах, микрофотографирование.

Когда летом 1936 года испанские фалангисты подняли мятеж против республики, Канарис приложил немало усилий, чтобы организовать помощь генералам Франко и Мола со стороны Германии и Италии. Совместная помощь режиму Франко стала основой оси Рим — Берлин, организованной стараниями Канариса. Канарис установил связь с агентурой Японии, умело внедрявшейся в СССР. Страна восходящего солнца вошла третьим членом в Антикоминтерновский пакт, подписанный 25 ноября 1936 года между Германией, Италией и Японией.

Он являлся организатором международных военных провокаций и диверсий при захвате Австрии (1938), Чехословакии (1939), нападении на Польшу (1939), создал широкую шпионско-диверсионную сеть по всему миру. Абверовцы успешно действовали при вторжении в Бельгию и Голландию, а затем и во Францию в 1940 году.

А дальше началась цепь неудач. Например, в 1940 году Канарис договаривался о наступлении испанцев на Гибралтар, но неудача вторжения Италии в Грецию и высадка там английских войск заставили Франко отказаться от Гибралтара.

Адмирал договорился о примирении Греции с Италией. Однако американский представитель Донован смог переубедить греческое правительство, предложив английскую помощь. Не удалось Канарису опередить Донована и в Югославии, где к власти пришли антигитлеровские силы. А Германии пришлось воевать в 1941 году против Греции, спасая итальянцев, затем в Югославии.

После Югославии Гитлер вступил в войну с СССР. Адмирал, знавший о его намерении, пытался организовать выступление военных против этого гибельного для Германии шага, переубедить фюрера, но безуспешно. В то же время шеф абвера готовил будущую войну, несмотря на слабую агентуру в СССР. Он организовывал дезинформацию о готовности Германии напасть на Британские острова и воевать на Средиземном море.

Абвер для работы на территории СССР установил связи с разведками Румынии и Японии, организовал отдел «Валли» под Варшавой. Абверовцы готовили диверсии в приграничных советских республиках.

Когда германские войска терпели первые поражения на полях России и в Северной Африке, Канарис попробовал установить связь с правительствами союзников, чтобы заключить мир на приемлемых условиях. Особую активность он проявлял после того, как стало известно, что в Касабланке Черчилль и Рузвельт

договорились требовать от Германии безоговорочной капитуляции.

Да и в самом ведомстве было не все благополучно. Резкое снижение уровня служебной дисциплины, коррупция, многочисленные провалы по линии агентурной разведки на Восточном фронте, нецелевое расходование средств — вот неполный список проблем.

А в 1943 году разразился громкий скандал из-за ареста агента, который знал о переговорах с зарубежными деятелями и о том, что близкий сотрудник адмирала — полковник Остер — выдал голландцам срок начала вторжения.

При обыске в абвере были обнаружены документы готовившегося антигитлеровского переворота. Канарис не мог помешать следствию. Он сам ожидал ареста. К счастью, вторжение союзников на Сицилию и переворот в Италии потребовали активизировать деятельность абвера, почти заглохшую в период следствия, а Гиммлер не поверил в виновность адмирала.

Хотя это была временная передышка. Поражения на фронте лишили абвер возможности «легально» работать в Испании — Франко выслал всех агентов, а в Италии, так как она была союзницей, агентуры не было вообще. В результате, когда началась высадка сил антигитлеровской коалиции, Берлин фактически не знал, что происходит в этой стране. Например, о подготовке к высадке десанта у Анцио.

Поэтому 11 февраля 1944 года адмирал был уволен с поста начальника абвера. Дальше — служба на нескольких малозначительных должностях и арест 23 июля 1944 года после неудачного покушения на фюрера.

Следствию не удалось доказать причастность Канариса к заговору. В начале февраля 1945-го вместе с другими подследственными он был перевезен в концлагерь Флоссенбург. Через несколько дней в его сейфе обнаружили документы, в которых он отрицательно отзывался о Гитлере. 8 апреля специальным судом во Флоссенбурге (председатель Гуппенкотен) Канариса приговорили к смертной казни через повешение. Врач отметил: «Адмирал умер спокойно» [24].

Глава третья
БЕЗ ГРИФА «СЕКРЕТНО»

Радиоигры «Монастырь» и «Березино», которым посвящена данная книга, сложно назвать уникальными оперативными мероприятиями. Аналогичные операции в годы Великой Отечественной войны сотрудники территориальных (областных) органов госбезопасности (борьба со шпионами и диверсантами в своей зоне ответственности), Четвертого управления НКВД (организация партизанского движения, разведки и диверсий в тылу врага) и военной контрразведки проводили регулярно. Просто у каждой из служб были свои специфичные функции. Поэтому сложно утверждать о некой конкуренции или исключительной роли одной службы при организации радиоигр. Существовала определенная «межведомственная» технология проведения таких оперативных мероприятий.

Другой важный вопрос — кто координировал радиоигры, обеспечивал необходимой дезинформацией, санкционировал проведение той или иной операции? До создания ГУКР «Смерш» этими вопросами занималась группа сотрудников Управления особых отделов НКВД[25]. Эта работа исполнялась высококомпетентными профессионалами: Н.М. Ендаковым, Д.П. Тарасовым, Г.Ф. Григоренко[26] и В.Я. Барышниковым.

Начиная с апреля—мая 1943 года (с момента создания «Смерша») функции по координации радиоигр были переданы одному из центральных отделов (организация розыска вражеской агентуры на территории СССР и проведение радиоигр с использованием захваченных агентов — радистов противника) ГУКР «Смерш». Это подразделение возглавил Владимир Яковлевич Барышников, в его составе было отделение, которое занималось непосредственно радиоиграми. Другой отдел ГУКР «Смерш», работой которого руководил П.П. Тимофеев, занимался внедрением советских разведчиков в разведывательные и контрразведывательные органы нацистской Германии[27].

Радиоигры, как правило, велись начиная с армейского звена. Указание на проведение радиоигры давал нарком НКВД, генеральный комиссар государственной безопасности Лаврентий Берия, руководство осуществлял комиссар госбезопасности 2-го ранга Виктор Абакумов, а непосредственной работой занимались сотрудники 3-го отдела, руководимого полковником Владимиром Барышниковым.

Хотя бывали и исключения. Например, игры «Березино» и

«Послушники» (о ней будет рассказано в следующей главе) проводили сотрудники Четвертого управления НКВД. Этой «привилегии» удалось добиться Павлу Анатольевичу Судоплатову. Вот фрагмент его воспоминаний об этом:

«Возглавлявший „Смерш“ Абакумов неожиданно явился ко мне в кабинет и заявил, что по указанию Советского Верховного Главнокомандования мне надлежит передать ему все руководство по радиоиграм: этим делом должна заниматься военная контрразведка, которая находится в ведении Наркомата обороны, а не НКВД. Я согласился, но при условии, если будет приказ вышестоящего начальства. Через день такой приказ появился, за нами оставили две радиоигры: операция „Монастырь“ и „Послушники“ (еще одна радиоигра по дезинформации немцев). Абакумов остался крайне недоволен, поскольку знал, что результаты этих операций докладываются непосредственно Сталину…

…После того как Абакумову не удалось подчинить себе радиоигры «Монастырь» и «Послушники», он угрожающе предостерег меня:

— Учтите, я этого не забуду. Я принял решение в будущем не иметь с вами никаких дел!» [28] Тексты радиограмм разрабатывались в Москве с участием представителей Генерального штаба Красной Армии и утверждались руководством Генштаба, а особенно важные — Ставкой Верховного главнокомандования. Все сеансы связи контролировались радиоконтрразведывательной службой.

Вот как описываются в одной из ведомственных монографий, посвященных истории КГБ, отдельные элементы проведения таких радиоигр. Эти правила неукоснительно соблюдали не только сотрудники НКВД, но и «Смерша».

«К участию в радиоиграх привлекались задержанные и перевербованные немецкие агенты-радисты, а также агенты органов госбезопасности, внедренные в германские разведорганы и переброшенные затем противником на советскую территорию с радиостанциями.

Органы госбезопасности тщательно следили за тем, как реагирует противник на передаваемые ему сообщения. При малейших признаках недоверия с его стороны в радиоигру вносились соответствующие изменения.

Сеансы радиосвязи, как правило, проводились из того района, где согласно заданию немецкой разведки должен был находиться ее агент. Перед сеансом радиосвязи с вражеским разведцентром радист инструктировался о том, как он должен вести переговоры» [29].

Одну из первых удачных радиоигр провели сотрудники Особого отдела Северо-Западного фронта в сентябре 1941 года. В результате удалось арестовать 10 немецких агентов[30].

Хотя не все оперативные мероприятия заканчивались так удачно. Вот пример неудачной попытки, о которой рассказал на одном из допросов руководитель подотдела 2А (руководство диверсионно-террористи-ческими действиями против СССР) Абвер-2 полковник Штольц[31]:

«Большая группа агентов-инспираторов была выброшена на парашютах в районе Ленинграда. Главной целью операции было поднятие восстания среди эвакуированных русскими властями в Корский район литовцев и латышей.

Рижское отделение абвера «Остланд» произвело выброску группы агентов северо-восточнее Ленинграда, где в лагерях беженцев проживали интересовавшие нас прибалты…

Во время первого сеанса радиосвязи поступило сообщение о том, что десантирование прошло успешно, но руководитель группы якобы склонял агентов перейти на сторону русских и сдаться в плен, поэтому он и два его приспешника были разоружены и ликвидированы. Агенты просили прислать подкрепление и оружие. Руководители операции сразу же заподозрили что-то неладное и какое-то время ограничивались уклончивыми ответами. Впоследствии в Ригу был вызван инструктор радиодела, обучавший агентов в разведшколе, который указал на отсутствие оговоренных кодовых знаков при передаче шифровки и на изменения почерка радиста. Руководство Абвер-2 пришло к выводу, что группа арестована и советская контрразведка пытается наладить радиоигру, требуя новых агентов, оружия и боеприпасов. В силу вышеизложенных причин операция была приостановлена» [32].

Другой пример. В середине февраля 1942 года была захвачена в районе города Волхова шпионская группа в количестве 22 человек. Перед группой была поставлена задача пройти по специальному маршруту и установить наличие штабов, крупных частей и соединений Красной Армии, складов оружия, боеприпасов и материального обеспечения, наблюдать за передвижением воинских частей, идущих к линии фронта, и т.п.

План операции чекистов предусматривал использование одного из радистов и имитацию существования группы, которая должна была действовать в тылу Красной Армии в районе города Калуги. Вместо немецких агентов решили использовать бойцов войск РКВД и пограничников. Командиром отряда назначили майора Богданчикова.

Операция сорвалась из-за длительного радиомолчания (более

20 суток) и отказа группы перейти сразу через линию фронта[33].

С конца 1941 года по сентябрь 1943 года в оперативных играх было задействовано 80 захваченных вражеских агентов с рациями, работавших под диктовку органов госбезопасности[34]. При этом наблюдалась тенденция к увеличению числа радиоигр. Например, если в марте 1942 года было задействовано 7 радиоточек, то через месяц их число возросло до девяти, а в мае их насчитывалось уже десять. К концу 1943 года было задействовано 56 радиостанций, изъятых у заброшенных на территорию СССР шпионских групп. При этом почти все требования со стороны агентов об оказании им той или иной помощи выполнялись Берлином беспрекословно. Это свидетельствовало о полном доверии разведцентров противника к агентам и о высоком профессионализме работы советских контрразведчиков[35]. В период с 1942 по 1943 год началась работа 83 новых радиоточек. (Не учитывая тех, которые уже работали с 1941 года.) [36]

Если говорить о результатах, то они впечатляют. Например, с 1 мая по 1 августа 1942 года советская военная контрразведка передала вражеским разведорганам ложные сведения о сосредоточении на различных направлениях советско-германского фронта 255 стрелковых дивизий, 3 танковых армий, 6 танковых корпусов, 53 танковых бригад, 80 артиллерийских полков, 6 кавалерийских дивизий и 3 армейских штабов[37].

А вот другой пример. В декабре 1942 года были успешно завершены мероприятия по дезинформации абвера в отношении концентрации наших войск на Волховском направлении. В течение декабря 1942-го — января 1943 года чекисты передавали в разведывательные центры противника дезинформационные сведения о перевозке советских войск и техники в районы Тихвина и Волхова. Ложные сообщения поступали к противнику из Вологды, Бологого, Ярославля, Рыбинска, Калинина и других городов.

Еще случай из практики. В январе 1943 года гитлеровской разведке были сообщены ложные сведения о формировании в Горьком резервной армии, что толкнуло немецкое командование на пересмотр плана дислокации своих войск, к выгоде советского командования[38].

Всего за время Великой Отечественной войны было проведено от 181 до 183 радиоигр, в результате которых военной контрразведке удалось арестовать свыше 400 агентов и кадровых сотрудников немецко-фашистских разведывательных органов[39].

Глава четвертая
КРАТКАЯ ХРОНИКА РАДИОИГР

Описания большинства оперативных игр больше похожи на сюжеты шпионских романов, которые были популярны в середине прошлого века в СССР. Немецкие агенты, внезапно ставшие на путь исправления, опытные и бесстрашные чекисты, тупые германские разведчики — все как в книгах и кино. При этом все это было в жизни. Хотя, как и в настоящем детективе, часть фамилий и детали отдельных событий вымышлены или искажены.

Ниже будут приведены названия и даты проведения большинства рассекреченных на сегодняшний день операций. Также, при необходимости, рассказаны подробности. Хотим предупредить сразу, что название некоторых операций и имена участвовавших в них агентов отличаются от тех, что приведены в архивных документах (см. приложение). Просто в данной главе приведена «официальная» версия, а в конце книги рассекреченные в начале 2003 года документы из центрального архива ФСБ РФ.

Среди описанных ниже операций есть одна — «Послушники», которую упоминает в своих мемуарах Павел Анатольевич Судоплатов. Понятно, что она была на самом деле, вот только к ее деталям следует относиться осторожно. Вот ее описание (ведется от лица сына Судоплатова):

«Операция „Послушники“ проводилась под прикрытием как бы существовавшего в Куйбышеве антисоветского религиозного подполья, поддерживаемого Русской православной церковью в Москве. По легенде возглавлял это подполье епископ Ратмиров. Он работал под контролем Зои Рыбкиной в Калинине, когда город находился в руках немцев. При содействии епископа Ратмирова и митрополита Сергия нам удалось внедрить двух молодых офицеров НКВД в круг церковников, сотрудничавших с немцами на оккупированной территории. После освобождения города епископ переехал в Куйбышев. От его имени мы направили их из Куйбышева под видом послушников в Псковский монастырь с информацией к настоятелю, который сотрудничал с немецкими оккупантами. Оба послушника были известны немцам.

Немцы послали в Куйбышев радистов из числа русских военнопленных, которых нам быстро удалось перевербовать. Тем временем два наших офицера-«послушника» развернули в

монастыре кипучую деятельность. Среди церковных служителей было немало агентов НКВД, что облегчало работу. Немцы были уверены, что имеют в Куйбышеве сильную шпионскую базу. Регулярно поддерживая радиосвязь со своим разведбюро под Псковом, они постоянно получали от нас ложные сведения о переброске сырья и боеприпасов из Сибири на фронт. Располагая достоверной информацией от своих агентов, мы в то же время успешно противостояли попыткам псковских церковников, сотрудничавших с немцами, присвоить себе полномочия по руководству приходами православной церкви на оккупированной территории.

Подготовленные нами материалы о патриотической позиции Русской православной церкви, ее консолидирующей роли в набиравшем силу антифашистском движении славянских народов на Балканах и неофициальные зондажные просьбы Рузвельта улучшить политическое и правовое положение православной церкви, переданные через Гарримана Сталину, очевидно, убедили его пойти навстречу союзникам и вести по отношению к церкви менее жесткую политику. Сталин сделал неожиданный шаг: разрешил провести выборы патриарха Русской православной церкви.

Должность патриарха была упразднена еще Петром Первым, как только церковные иерархи начали выступать против его реформ. Такое положение сохранялось почти двести лет, до 1917 года. После свержения монархии в России Временное правительство разрешило православной церкви провести выборы патриарха. Им стал Тихон. После его смерти советское правительство не разрешило выборы нового патриарха, и только во время Великой Отечественной войны, когда Сталин осознал значение церкви для сплочения народа, в 1943 году, Патриарх Всея Руси был избран. Мы с женой присутствовали на церемонии интронизации. По приказу Сталина епископ Ратмиров после войны был награжден золотыми часами и медалью» [40].

Еще одна особенность в изложенной ниже хронике — наличие двух операций под одним именем. Одна из причин — названия придумывали разные ведомства, например, Московское управление НКВД и «Смерш».

«Ястреб»

Операция началась 12 марта 1942 года, когда в органы госбезопасности явился с повинной агент-радист Ястребов. На первом допросе он рассказал, что после окончания варшавской разведывательной школы был выброшен с самолета на парашюте

на территорию Ивановской области.

Агент имел задание пробраться в город Иваново, осесть там на жительство по фиктивным документам и приступить к сбору сведений военного, экономического и политического характера, наблюдая за переброской войск к фронту по железной дороге, и добытые сведения передавать по радио.

Было принято решение привлечь его к участию в радиоигре. Первый сеанс связи с разведцентром был запланирован на 14 марта, но из-за технической неисправности передатчика устойчивого радиообмена удалось добиться лишь к середине апреля.

Первый и последний реальный успех — к Ястребову 19 сентября 1942 года явился агент-связник немецкой разведки Вепховский, которого задержали чекисты. После вручения груза он должен был возвратиться назад через линию фронта.

Однако продолжить радиоигру «Ястреб» не удалось. При передаче благодарственной радиограммы за оказанную помощь Ястребов допустил ошибку, перепутав условия на случай провала. После чего радиосвязь была прекращена[41].

«Хозяин»

Так вологодские чекисты называли начальника «Абверкоманды-104» (с лета 1942 года в ней работал советский контрразведчик **Мелентий Малышев,** внедрившийся в школу под видом перебежчика) подполковника Гемприха (он же Петергоф) [42].

Операция началась в марте 1942 года, когда советские контрразведчики арестовали трех агентов германской разведки: Алексеенко (псевдоним Орлов), Диева (псевдоним Кресцов) и Лихогруда (псевдоним Малиновский). Из них только Алексеенко был признан годным к работе «двойного агента». Остальные не внушали сотрудникам НКГБ доверия, и 25 июня 1942 года по приговору Особого совещания их расстреляли.

Информация, передаваемая Орловым в Центр, была разнообразной и выглядела достоверной. В одной из радиограмм, к примеру, проходит сообщение о мифическом сотруднике штаба 457-й стрелковой дивизии, старшем лейтенанте Сергее Апполонове — большом болтуне и любителе выпить. В другой — содержится намек на активизацию повстанческого движения: высланные в Вожегодский район украинцы «открыто говорят против советской власти и за возрождение Украины».

Сотрудники «Абверкоманды-104» из оккупированного Пскова активно контактировали с «группой» Алексеенко, давали ей все

новые и новые задания. 21 июня 1942 года «ценные» агенты получили сброшенную на парашюте посылку с батареями для радиостанции, оружием, командирским обмундированием и 14 тысячами рублей. 7 декабря немцы направили к Алексеенко курьера-связника, перебросив последнего через линию фронта на самолете. Курьер вез фиктивные документы, теплые вещи, оружие, 60 тысяч рублей. По требованию Москвы обезвреженный агент по фамилии Баракшин был срочно этапирован на Лубянку.

К концу 1942 года главная задача — дезинформировать противника о комплектовании и передвижении войск по Северной, Октябрьской и Кировской железным дорогам, перевозке вооружения и т.д. — чекистами была выполнена. Было принято решение завершить операцию.

В немецкий разведцентр ушло сообщение о том, что в Вологде в момент проверки документов члены группы якобы чуть не попались, а один из них получил ранение. Оставаться дальше в городе опасно, а потому принято решение уходить на Урал. В дальнейшем «группа» намерена поддерживать связь с «Морошкиным» (по условиям игры — хозяином квартиры, приютившим «Орлова» и его напарников), который мечтает с приходом немцев «стать большим человеком».

Вологодским чекистам удалось достаточно правдоподобно вывести Алексеенко из игры, но не даровать ему обещанную за сотрудничество свободу. С момента задержания он продолжал находиться в тюрьме, а в июне 1944 года Особым совещанием был приговорен к 8 годам исправительно-трудовых лагерей. Справедливости ради надо сказать, что начальник НКВД—НКГБ по Вологодской области полковник Лев Федорович Галкин смог добиться пересмотра приговора: срок наказания Алексеенко снизили до трех лет. В 1946 году он проживал в Вологде на улице Кирова… О дальнейшей судьбе этого человека ничего не известно.

А вот руководителей «мероприятия по оперативной радиоигре и дезинформации немецкой разведки» — начальника УНКВД по Вологодской области майора Льва Федоровича Галкина и начальника КРО УНКВД по Вологодской области ст. лейтенанта Александра Дмитриевича Соколова — «за выполнение задания по обеспечению государственной безопасности в военное время» Указом Президиума Верховного Совета СССР от *21/IX* 1943 года наградили орденами Красной Звезды. Третьего участника — начальника I отделения КРО УНКВД по Вологодской области лейтенанта Дмитрия Даниловича Ходана — оставили без ордена[43].

На Урале

В районе железнодорожной станции Рузаевка 30 сентября 1942 года с самолета на парашютах было выброшено трое агентов — выпускников Брайтенфуртской разведшколы. (Школа располагалась в 20 км от Вены, до 1943 года специализировалась на предварительной подготовке агентов, основной курс проходили в Варшавской разведшколе.) [44]

Федоров, Баранов и Бравин должны были выяснить: организацию службы ПВО Свердловска; число аэродромов, типы и количество базирующихся там самолетов, летный состав, наличие американской и английской авиации; местонахождение и профиль работы вновь построенных и эвакуированных из западных областей заводов; наименования и места дислокации воинских частей вновь формирующихся войск; условия работы железнодорожного транспорта.

Игра продолжалась до конца 1943 года и была прекращена из-за утраты интереса противника к сведениям, передаваемым агентурой[45].

«Фисгармония»

Одновременно с тремя агентами, участвовавшими в описанной выше игре, в районе станции Рузаевка был сброшен еще один агент — Свальский. У него было похожее задание, только в качестве места оседания ему предстояло выбрать один из трех крупных сибирских городов: Красноярск, Омск или Новосибирск. Еще одна особенность — рация, питающаяся от сети, а не от батарей.

Радиоигра шла успешно. Агент регулярно передавал малоценные сведения о промышленных объектах оборонного значения и железнодорожном транспорте, а также сообщил о вербовке двух местных жителей.

Следуя обычной практике, сотрудники «Смерша» решили вызвать курьера. После многомесячных переговоров агент-курьер был сброшен 24 января 1944 года с самолета на парашюте в районе станции Занозная Московско-Киевской железной дороги. Дмитрий Соколов благополучно добрался до Новосибирска и встретился со Свальским. После встречи гостя задержали. Все попытки заставить его сотрудничать с чекистами закончились неудачно. Эту проблему решили необычно. Нашли брата-близнеца Соколова, который после контузии служил в одной из нестроевых частей во Владивостоке.

После непродолжительной подготовки нового курьера в

начале июня 1944 года переправили за линию фронта. Его дальнейшая судьба неизвестна. А сама радиоигра закончилась в сентябре 1944 года, когда немцы утратили интерес к оборонной промышленности на Северном Урале [46].

«Дуэт»

В ночь на 27 сентября 1943 года в районе деревни Долшино Рязанской области были сброшены два выпускника Брайтенфуртской разведшколы (в марте 1943 года она была реорганизована в самостоятельный учебный центр, специализировавшийся на подготовке специалистов по советской авиационной промышленности (1-я группа «Техника авиации») и советских ВВС и ПВО (2-я группа «Авиация») [47]. Агенты Кедров и Сагайдачный имели не совсем обычное задание (слишком большое для двух человек):

1. Создать базу для разведывательной работы в городе Уральске или Сарапуле с предварительным заездом Кедрова в Москву для сбора сведений о работе авиапромышленности.
2. Установить заводы авиационной промышленности и предприятия, связанные с выпуском самолетов, выяснить типы самолетов и авиамоторов, создаваемых этими предприятиями.
3. Собирать сведения о формировании и дислокации частей Советской Армии и аэродромов, о передвижении воинских грузов по железным дорогам.
4. Выяснить количество и типы вооружений, прибывающих из США и Англии по ленд-лизу.
5. Выявить политико-моральное состояние личного состава частей Советской Армии и рабочих промышленных (оборонных) предприятий.

Гостей арестовали почти сразу после приземления. Советский агент в разведшколе заранее предупредил о визите. Серия допросов, и агенты согласились сотрудничать со «Смершем». Игра продолжалась до ноября 1944 года и была прекращена после того, как советские войска взяли Вену, а разведцентр прекратил свое существование. Хотя за время работы был огромный объем дезинформации, не удалось вызвать курьеров или нового радиста (дело в том, что по легенде агентов мобилизовали в армию, и они оказались в разных городах) [48].

Бегство Орлова

Эта история, имевшая негативные последствия для организаторов радиоигр, началась в ночь с 18 на 19 апреля 1943

года, когда на территории Клетского района Сталинградской области был сброшен с самолета на парашюте агент немецкой разведки, бывший лейтенант Красной Армии некто Орлов. После приземления он сам явился с повинной в органы советской власти и сдал коротковолновый радиопередатчик, оружие, деньги и фиктивные документы. В процессе следствия агент вел себя искренне: подробно рассказал о полученном задании, о Варшавской школе германской разведки и известных ему агентах, передал шифр и код, рассказал об условном пароле на случай провала.

В связи с этим было решено привлечь Орлова к работе на радиостанции под диктовку советской контрразведки. Согласно разработанной легенде, он познакомился с машинисткой штаба резервной армии, от которой узнавал секретные сведения по интересующей немецкую разведку тематике.

Для проведения операции было принято решение освободить Орлова из-под стражи и поселить вместе с двумя сотрудниками УНКВД по Сталинградской области на специально подобранной квартире. Ее адрес агент сообщил в Центр — ожидалось прибытие курьера. Гость должен был доставить деньги, документы и батареи для радиостанции.

Агент-связник, бывший майор Красной Армии Амозин, был арестован 20 июля, на третий день после приземления. После окончания предварительного следствия и выяснения всех обстоятельств было решено сообщить противнику о прибытии курьера, но одновременно указать, что визитер оказался нечестным и часть денег присвоил себе.

28 июля противнику была передана следующая радиограмма:

«Прибыл Амозин, привез батареи и 8 тысяч рублей, а я, как мне известно, должен был получить 10 тысяч. В беседе выяснилось, что Амозин хочет поехать домой. Рассказывая о себе, он упомянул, что был большим командиром в Советской Армии, и жаловался на теперешнее свое положение. Как мне теперь с ним держаться? Благодарю за внимание».

Операция по задержанию курьера прошла успешно. А вот на следующий день исчез сам Орлов. Через несколько дней чекисты получили от него письмо, доставленное по городской почте:

«Вот, наконец, ушел от вас, господин начальник. Как вы себя чувствуете? Сейчас, когда вы читаете мое письмо, я в составе передовых частей германской армии двигаюсь к городу, в который мы скоро войдем победным маршем. Желаю благополучно унести ноги. Орлов».

Легко представить, что ощутил начальник отдела контрразведки, прочитав это послание. В ходе расследования

было установлено, что сбежал Орлов по причине своей мнительности и впечатлительности. Во время его пребывания в Сталинграде военная обстановка, мягко говоря, складывалась для советских войск неблагоприятно. Линия фронта стремительно приближалась к городу, что отрицательно влияло на малодушных и неустойчивых, к которым относился и Орлов. Неблагоприятный фактор — наличие двух чекистов, которые постоянно находились рядом. Он опасался, что при захвате Сталинграда противником его уничтожат как опасного свидетеля. .

Как удалось выяснить после окончания войны, Орлов скрыл от немцев явку с повинной и участие в радиоигре. Согласно его версии, причиной провала стал Амозин, а телеграмму 28 июля он передал под контролем чекистов. Через пару дней, воспользовавшись благоприятной возможностью, он сбежал. Немецкие разведчики поверили его объяснению и направили в одну из разведывательных школ в качестве инструктора[49].

«Львов»

Радиоигра была начата в марте 1942 года в городе Ярославле от имени трех немецких агентов, выброшенных немцами на территорию Бровичевского района Ленинградской области. Группа должна была проникнуть в Ярославль с целью получения данных о численности, наименовании и дислокации воинских частей гарнизона, их обеспечении вооружением и боеприпасами, о наличии промышленных предприятий и выпускаемой ими продукции, о прохождении воинских частей в сторону фронта, а также о количестве и наименовании вооружения, поступающего из США и Англии.

Поскольку показания агентов по многим вопросам были противоречивы и вызывали сомнения, радиоигра была начата спустя 20 суток после их выброски. Задержка в установлении связи была объяснена противнику якобы неудачным приземлением и подбором удобного местожительства. Несмотря на задержку, оперативное мероприятие развивалось успешно и продлилось до 11 января 1943 года[50].

«Борисов» («Бумеранг» и «Находка»)

Подробно об этой операции рассказано в приложении № 7. Тройное название радиоигры связано с тем, что в «Смерше» она именовалась «Борисов» [51], а в воспоминаниях сотрудников НКВД (которые ее начали) как «Бумеранг» и «Находка» (под таким названием у «Смерша» проходила своя радиоигра).

«Находка»

Операция («Смерш») началась весной 1943 года в районе города Волоколамска. Группа Костылева была сброшена с самолета на парашютах и захвачена во время прочесывания местности. При задержании оказала вооруженное сопротивление.

Радиосвязь была установлена на третий день после выброски и пленения группы. Игра продолжалась до декабря 1944 года. Центр регулярно присылал курьеров, которые перевербовывались советскими контрразведчиками или расстреливались[52].

Группа Краснова

В октябре 1942 года сотрудники органов госбезопасности на территории Тамбовской области задержали немецкую разведывательно-диверсионную группу, состоящую из трех человек. Ею руководил некто Краснов. Агенты почти сразу же согласились начать работать на Москву. Единственная проблема — сломанная рация. Пришлось командиру еще раз пересекать линию фронта. Он явился в разведорган и подробно рассказал о великолепных перспективах работы группы. Ему поверили, вручили новую рацию, и в сопровождении еще двух агентов он вернулся в Тамбов. Радиоигра продолжалась до окончания Великой Отечественной войны[53].

«Салават»

Весной 1943 года при отступлении немецких войск из Краснодарского края орган германской военно-морской разведки оставил в станице Славянская двух своих агентов (Рашида Мухаммедова и Виталия Яковлева) с радиостанцией.

Продержались они недолго. После двух сеансов связи советские контрразведчики вычислили место, откуда велась радиопередача. Правда, без шума агентов задержать не удалось: Яковлев был убит, а Мухаммедов ранен в перестрелке.

Было решено начать радиоигру, при этом переместив радиоточку в новое место — станицу Нововеличковская. Операция прошла успешно. Так, 27 августа было сброшено с самолета на парашютах трое немецких агентов. Их задержали без единого выстрела.

Игра продолжалась до сентября 1943 года, так как дальнейшее ее проведение стало невозможным по техническим

причинам. Германская армия поспешно отступала из Крыма и с юга Украины. А мощности радиостанции было недостаточно, чтобы поддерживать связь на больших расстояниях[54].

«Опыт»

Операция проводилась в мае—июне 1943 года на Центральном фронте и длилась 20 дней. Цель радиоигры — дезинформировать немецко-фашистское командование относительно мероприятий, проводившихся советскими войсками. Для этого в разведывательный орган (Борисовскую разведшколу) противника через два-три дня по указанию Генерального штаба Красной Армии передавались радиограммы, содержащие дезинформацию. В них, например, указывалось, что в сторону фронта идут эшелоны со строительными материалами, бронеколпаками, колючей проволокой и другими грузами, необходимыми для обороны, что местные жители и саперы роют окопы и противотанковые рвы, строят блиндажи и доты. В этих сообщениях почти не упоминалось о транспортировке боевой техники[55].

Радиоигра велась от имени трех агентов германской разведки, заброшенных в расположение штабов и оборонительных сооружений в тылах фронта, а также в расположение частей Советской Армии с заданием выяснить в районах Щагры, Касторное, Курск, Львов и прилегающих к ним пунктах места сосредоточения советских войск и техники, фамилии командиров, состояние транспортных путей и мостов[56].

Карелия

В радиоиграх использовались агенты не только германской, но и финской разведки. В качестве примера — операция, проведенная карельскими чекистами в январе—феврале 1943 года. Все началось 9 февраля, когда были задержаны два агента.

На первом допросе они рассказали начальнику отдела контрразведки А. Кузнецову и начальнику радиоцентра А. Анисимову, что, согласно директиве начальника Петрозаводской разведшколы, они должны были: «Разведать движение на дороге Вытегра — Пудож — Повенец, притащить хорошего пленного. Сведения добывать от встречных, которых затем ликвидировать. Возвращаться спустя неделю через Бесов Нос».

Выяснив задачи группы, район ее действия, расписание работы рации, время передачи и содержание первой радиограммы, контрразведчики немедленно проинформировали

2-е Управление НКВД СССР, которое приняло решение начать радиоигру с финнами.

16 января передана первая радиограмма: «Приземлились благополучно. 7-го утром наткнулись на двух охотников, все схоронили и удрали на север глубоко в лес. 15-го разыскали рацию. Скажите, что делать».

Передача прошла хорошо, финны прием подтвердили и 17 января передали: «Если вас преследуют, возвращайтесь обратно. Если нет, начинайте выполнять задание».

Москва не торопилась с высылкой материалов по радиоигре. Вот и приходилось местным чекистам самим придумывать дезинформацию. Передавались радиограммы о передвижении корреспондентов на юг к Пудожу, о разведке в деревне Сарозеро, состоянии дороги на Повенец, просьба прислать продукты, которые финский самолет сбросил 23 января 1943 года.

По легенде разведчики переместили шалаш в окрестности д. Давыдова Гора южнее Пудожа и приняли решение: радиограммы ежедневно не передавать, «экономить» питание рации.

27 января Москва наконец-то предложила передать финнам радиограмму следующего содержания: «Находимся в 30 км от Пудожа. На Повенец прошло до 2 рот красноармейцев в зимней форме. Идут по 4—6 автомашин с грузом?.

Очередная телеграмма содержала «нейтральный» текст: «Условия наблюдения трудные. В Пудож не идем, в его районе патрули. В городе сильный гарнизон, какие войска — выясняем».

30 января финнам переданы две очередные радиограммы о дислокации в деревне Авдеево штаба воинской части, о наличии в Пудоже стрелкового полка, о движении на Повенец большого числа автомашин с красноармейцами, лыжников и легковушек.

На все переданные радиограммы было получено подтверждение о приеме, в ответной радиограмме подбадривали, ждали возвращения.

2 февраля финны передали: «Уточните: какие войска и сколько их в Пудоже. После этого возвращайтесь, как было указано». Ответа они так и не получили. Москва уже приняла решение о прекращении игры в связи с завершением дезинформационных мероприятий. По определенным причинам от перевербовки разведчиков и их обратной заброски отказались[57].

«Пешеходы»

В начале мая 1943 года во время перехода линии фронта на участке обороны 8-й Гвардейской дивизии в засаду «Смерша»

попала группа из трех немецких агентов. Они должны были пробраться в город Тороповец и собрать там сведения о военном гарнизоне и его вооружении; установить характер грузов, прибывающих на местную железнодорожную станцию; выяснить, производится ли переброска воинских частей по дорогам, ведущим к городам Холм и Великие Луки. Через две недели агенты должны были вернуться обратно.

Изъятую радиостанцию включили в радиоигру, которая продолжалась с 9 по 20 мая. За это время было передано шесть радиограмм, содержащих дезинформационные сообщения о продвижении через станцию Тороповец частей Советской Армии и воинских грузов. Игру закончили из-за «возвращения» агентов обратно[58].

«Загадка»

Операция началась 20 июня 1943 года, когда в Егорьевское РО НКВД Московской области явился зафронтовой разведчик особого отдела Северо-Западного фронта «Северов», внедрившийся в германскую разведку, и заявил, что вместе с напарником «Волковым» они ночью были сброшены немцами на парашютах для выполнения спецзадания в тылу Красной Армии. Их немедленно доставили в Москву. Офицерам «Смерша» агенты рассказали, что их главная задача — вербовка высокопоставленного работника НКПС «Леонова» (дальнего родственника «Северова»).

С самого начала войны противник проявлял большой интерес к Московскому железнодорожному узлу, поэтому подполковник В.Я. Барышников 23 июля рапортом доложил В.С. Абакумову: «В связи с тем, что группа имеет очень интересное задание, по которому можно осуществить серьезные контрразведывательные мероприятия, как вызов, например, квалифицированных вербовщиков, данную группу целесообразно включить в радиоигру».

Санкция была получена, и после проверки прибывших из-за линии фронта началась игра с разведорганом 6-го Управления РСХА «Цеппелин» «Россия — Центр». В качестве радиста в игре использовался «Волков», что выглядело логичным исходя из полученного им задания.

«Северов» инсценировал вербовку родственника, выступая в качестве представителя американской разведки. Для оплаты услуг «ценного» агента требовалась валюта. Поэтому в ночь с 29 на 30 марта 1944 года в районе Егорьевска был сброшен с самолета сотрудник СД Алоиз Гальфе, берлинский специалист по

подготовке агентов-радистов. Вызов на нашу территорию офицера немецкой разведки был несомненной удачей. Кроме того, заброска Гальфе являлась показателем огромного доверия к своим агентам со стороны разведоргана противника. Помимо шпионского снаряжения для вербовки родственника «Северова» он привез 5 тысяч долларов и 500 тысяч рублей. На вокзале в Егорьевске немца арестовали, а по рации в разведцентр сообщили о его благополучном прибытии, получении посылки и состоявшейся вербовке «Леонова».

Следующего немецкого агента заманили наличием «тщательно отработанных» планов воинских перевозок на летне-осенний период 1944 года, который позволял выявить замыслы командования Красной Армии и заранее узнать о готовящихся наступлениях. Ведь Москва являлась важнейшим транспортным узлом.

Спустя несколько дней после сеанса связи очередной агент-парашютист был захвачен на месте приземления в том же Егорьевском районе. 21 июля 1944 года в разведцентр противника было сообщено, что все необходимые средства получены, документы сфотографированы, и оговаривались условия их передачи.

В Берлине были готовы на все, чтобы получить эти материалы. Эта радиограмма была доложена руководству РСХА Шелленбергу и Кальтенбрунеру. А возможно, что и самому Гиммлеру. Ведь уже на следующий день имелся наготове самолет, с которого предполагали сбросить фотоаппарат. В 1944 году «Цеппелину» никогда бы самостоятельно не удалось в течение шести часов достать самолет.

Самолет, посланный для доставки добытых материалов, приземлился в районе Егорьевска в ночь с 14 на 15 августа на специально подготовленной контрразведчиками площадке, оборудованной ямами-ловушками. Но, к удивлению офицеров «Смерша» и бойцов группы захвата, он не застрял ни в одной из них. Когда контрразведчики это поняли, то открыли огонь на поражение, но гость удачно сманеврировал, развернулся, взлетел и благополучно ушел за линию фронта.

Разгадка такой неудачи стала возможной только через месяц, когда аналогичный спецсамолет был захвачен в Смоленской области. Выяснилось, что он был специально сконструирован фирмой «Мессершмит» для высадки разведгрупп в глубоком тылу противника. Вместо обычных шасси он был снабжен каучуковыми траками, дававшими ему возможность приземляться даже на заболоченной местности. Это и позволило экипажу удачно избежать расставленной западни под Егорьевском.

Пришлось легендировать бегство агентов из Москвы. 21 августа с германским разведцентром радиосвязь была установлена уже из Ряжска. После ряда переговоров немцы приняли решение вывести агентов на свою территорию, но эта задача была невыполнимой, так как фронт стремительно приближался к границам Германии. Хотя Берлин не забывал о своих агентах. В ночь с 3 на 4 февраля 1945 года в районе Смоленска вновь было сброшено пять тюков различного снаряжения. Там были продукты, фиктивные документы, радиостанции, оружие, деньги. Последнее задание от разведцентра заключалось в указании вернуться в Москву и восстановить связь с работником Наркомата путей сообщения. Но война подходила к концу, радиосвязь становилась нерегулярной и в апреле 1945 года прекратилась[59].

Операция продолжалась до середины апреля 1945 года и была прекращена из-за технической невозможности германского разведцентра связаться со своими агентами по радиоканалу[60].

Представляет интерес оценка работы «Смерша» по радиоигре «Загадка», прозвучавшая из уст официального работника «Цеппелин» «Россия—Норд», который вел дело группы «Иосифа» («Северова»). На допросе в июне 1945 года он утверждал: «В разговорах с сотрудниками отдела заброс ок я постоянно слышал такое мнение, что „Иосиф“ — лучшая агентурная группа, и если бы все активисты были такого склада, как люди „Иосифа“, то разведка на территории Советского Союза была бы гораздо лучше поставлена. Все неполадки и провалы его группы служили поводом для критики плохой работы немецкой разведки. Вина за них возлагалась на взаимную конкуренцию и погоню за орденами среди руководства» [61].

«Контроллеры»

Началась 2 августа 1942 года в Москве и велась от имени радиста Ускова и его напарника **Лосева.** В течение длительного времени они передавали противнику дезинформацию о движении грузов по железным дорогам северного направления — на Мурманск и Ленинград. Кроме того, было захвачено несколько агентов-курьеров[62]. Игра продолжалась до декабря 1944 года.

«Развод»

Проводилась одновременно с радиогрой «Контроллеры» в Москве и первоначально использовалась для передачи дезинформации о работе Москвовского железнодорожного узла.

На этой радиоточке работал Москвин. Игра продолжалась до мая 1945 года[63].

Битва на Курской дуге

В мае—июне 1943 года в соответствии с планами советского командования была проведена крупномасштабная и уникальная операция, подробности которой и в наши дни продолжают оставаться секретными. Речь идет о сокрытии для противника планирующегося наступления на Курской дуге.

Для передачи дезинформации использовались девять агентурных радиостанций, расположенных в населенных пунктах Ливны, Елец, Щигры, Касторное и Тамбов. Одна из трудностей, с которой столкнулись чекисты, — все радиостанции располагались в прифронтовой полосе (в зоне досягаемости авиации противника), а малолесистая и равнинная местность не способствовала маскировке. Это означало, что немцы могли использовать для проверки переданных сведений самолеты или сбросить агентов-парашютистов.

Для нейтрализации этой реальной угрозы были предприняты конкретные меры:

1. В игру были включены все контролируемые органами госбезопасности германские агентурные группы, выброшенные противником для ведения разведки в районе Курской дуги.

2. После передачи основных радиограмм, в том числе тех, которые подтверждали данные других групп, работа радиоточек под разными предлогами прекращалась, чтобы противник не смог проверить их.

3. Дезинформация передавалась, как правило, задним числом и не систематически, а в выгодное для нас время. Она подтверждалась двумя агентурными радиостанциями в Москве и тремя радиоточками в Саратове и Пензе[64].

Всего в процессе подготовки битвы было проведено 17 радиоигр[65].

«Связисты»

Игра началась 13 февраля 1944 года в районе города Тосно. Для ее проведения использовалась радиостанция, изъятая у разведывательной группы вермахта, получившей приказ вести наблюдение за переброской частей и соединений Советской Армии к линии фронта.

В связи со стремительным перемещением линии фронта на запад и, соответственно, бесперспективностью работы радиоточки

в этом районе «Смерш» принял решение переместить ее в Ленинград. В этом городе она и работала до окончания войны[66].

«Подрывники»

Проводилась на территории Вологодской области в 1943—1944 годах. В результате было выведено на советскую территорию и арестовано 22 немецких агента[67]. Кроме того, по этому каналу в разведцентр противника систематически передавались ложные сведения о передвижении воинских частей и боевой техники по Северной железной дороге. Учитывая ее тогдашнее стратегическое значение в общем объеме перевозок, эта дезинформация позволила ввести немецкие штабы в заблуждение относительно намерений советского командования[68].

Операция началась в ночь с 15 на 16 октября 1943 года, когда была выброшена группа из пяти немецких агентов. Их основное задание — подготовить площадку для десантирования отряда диверсантов. Группу сбросили с парашютами только 1 ноября, правда, не там, где планировалось. А 11 ноября 1943 года состоялась выброска трех оставшихся агентов.

Все гости в течение нескольких суток были нейтрализованы чекистами. Если первую и третью команды взяли без единого выстрела, то во второй — только раненого радиста (остальные 13 человек погибли в бою). Хотя это ЧП не помешало начать радиоигру[69], о результатах которой рассказано выше.

«Семен»

В начатой в мае 1943 года радиоигре принимал участие советский разведчик Семен Антонович Калабалин. В начале Великой Отечественной войны в качестве зафронтового разведчика он был выведен в тыл наступающей немецкой армии, оказался в плену, затем учеба в Варшавской разведывательной школе по программе разведчика-радиста. После завершения подготовки был сброшен с самолета на парашюте на нашу территорию. Цель — организация наблюдения за работой железнодорожного узла в городе Горьком, а также добыча разведывательной информации по другим вопросам.

В течение месяца шел интенсивный обмен радиограммами между агентом и Центром. Затем советские контрразведчики решили проверить уровень доверия Берлина к своему шпиону и создали ситуацию, когда для дальнейшей связи требовалось прислать курьера (имитировали полную разрядку батарей радиостанции).

Гонцы прибыли 11 июля 1943 года. Их арестовали на квартире, где проживал Семен Калабалин. Сама радиоигра продолжалась до конца 1944 года, затем из-за передислокации радиостанции противника в глубь Германии радиосвязь пришлось прекратить[70].

«Друзья»

В марте 1943 года в Горьком начала действовать другая радиоточка. На ней работали два советских разведчика: **Иван Никифорович Коцарев** и его напарник **Николай Лукич Палладия,** выполнявший обязанности радиста. Как и по радиоточке «Семен», противнику шла военная дезинформация, рекомендованная Генеральном штабом Советской Армии. В первую очередь она касалась сведений о количестве эшелонов, проходящих через Горький, и.о номенклатуре перевозимых ими грузов. Информация, передаваемая двумя разведгруппами, отличалась в мелких деталях.

На втором этапе операции было принято решение вызвать курьеров, мотивируя это необходимостью новых батарей для радиостанции. В сентябре 1943 года двух гостей арестовали советские контрразведчики. Согласно заданию Центра, они должны были вернуться. Вместо них решили послать **Ивана Никифоровича Коцарева.** Объяснение простое — агенты не дождались посылки и решили взять инициативу в свои руки.

Советский разведчик благополучно пересек линию фронта, прошел проверку и был награжден немецкой медалью «За храбрость» — ему присвоили звание лейтенанта РОА (Российская освободительная армия, ею командовал Власов). А 1 мая 1944 года его сбросили с самолета на парашюте на территорию СССР.

Радиоигра продолжалась до начала 1945 года. За эти полгода еще двое курьеров попали в «ловушку», организованную советскими контрразведчиками, а радиоточка продолжала посылать дезинформацию противнику[71].

«Железнодорожник» из Сызрани

В Салтыковском районе Пензенской области. 25 апреля 1943 года с самолета на парашюте был сброшен агент-радист Иванихин с заданием собирать развед-сведения о Пензенском железнодорожном узле. Он поселился на окраине Пензы и в течение трех недель вел наблюдение за передвижением составов.

Разоблачили его случайно. Самопроизвольный выстрел в процессе чистки оружия. Тяжелое ранение, которое оказалось не

смертельным. А дальше все по цепочке: райотдел милиции — НКВД — «Смерш».

Первая радиограмма под контролем чекистов была отправлена 2 июня 1943 года. А в сентябре 1943 года Центр прислал курьера. Его тоже задействовали в радиоигре[72].

«Лесники»

На территорию Ярославской области 1 марта 1943 года были заброшены три немецких агента-парашютиста: Марков, Степанков и Николаев. Их основная задача — организация движения сопротивления из лиц, недовольных советской властью.

Чекисты разработали легенду, согласно которой в лесах скрываются многочисленные дезертиры и их можно организовать в отряд. Германская разведка одобрила этот план. Из-за линии фронта стали регулярно поступать оружие, боеприпасы, медикаменты, деньги, одежда, продовольствие и т.п., кроме этого, с парашютами сбросили 10 агентов-связников (правда, четверо из них подорвали себя гранатой при попытке ареста) [73].

«Тростники»

В начале 1944 года в районе города Гурьева Казахской ССР была сброшена с парашютами группа германских агентов, казахов по национальности. Основные задачи отряда типичны: проведение антисоветской агитации среди казахов; сбор и передача разведданных о частях Советской Армии, дислоцированных в этом районе, военной технике и промышленности.

Главная цель игры тоже не отличалась «оригинальностью»: парализация разведывательно-диверсионной деятельности немецкой разведки на территории Казахстана.

Одно из традиционных мероприятий — вызов и задержание агентов-связников — закончилось неудачно. Пять (в т.ч. командир группы и старший радист) из восьми агентов, десантировавшихся ночью со 2 на 3 мая 1944 года, погибли при аресте. Поэтому использовать ее в начавшейся радиоигре не представлялось возможным.

Зато со второй группой все получилось. Агентов сбросили в ночь с 10 на 11 июня 1944 года. После приземления один из гостей отправился в город Гурьев для установления связи с «подпольщиками». По пути его задержал патруль, и он во всем сознался. Через пару часов задержали и двух других агентов.

Радиоигра продолжалась до 28 августа 1944 года, до

перемещения радиоцентра противника в город Дрезден[74].

«Уголовники»

Для организации отрядов сопротивления из дезертиров, скрывающихся в брянских лесах, 8 марта 1944 года в районе Клинцов немцы сбросили разведывательно-диверсионную группу в составе девяти человек. Ею командовал бывший военнослужащий Советской Армии **Николай Грищенко,** который дважды успешно выполнял разведывательно-диверсионные задания в нашем тылу.

Группу обнаружили 11 марта и в течение почти пяти суток преследовали отряды милиции, спецназа, воинских частей местного гарнизона. Загнанные в болото парашютисты дали последний бой. Семь человек погибло, восьмого — радиста — командир рассчитывал застрелить последним, но был контужен и, потеряв сознание, вместе с радистом оказался в плену.

Игра продолжалась до мая 1944 года, пока случайно не сбежал Грищенко. Истинная причина его побега непонятна. Ведь он двигался не на запад, а на восток. По дороге он сошелся со случайной подругой, занимался перепродажей продовольствия. При этом он обходился без документов. Когда его останавливал патруль, он начинал кричать, что фронтовик… Аналогично тому, как поступал один из главных героев фильма «Вор». Вот только судьба агента сложилась по-другому. Его арестовал милиционер, не побоявшись угроз. Скоротечное следствие и расстрел[75].

Ленинградский дуэт

Весной 1944 года на территории Ленинградской области одновременно проводилось две радиоигры. Первая радиоточка располагалась в районе города Невеля и передавала дезинформацию о передислокации 11-й Гвардейской армии.

Вторая радиоточка заработала в районе города Гатчина. На ней якобы работали двое немецких агентов — **Шатров** и **Малахов,** выпускники разведшколы в городе Валка (Латвия). На самом деле этих людей расстреляли через две недели после задержания[76].

Одесса

В мае 1944 года военные контрразведчики в Одессе арестовали трех германских агентов, которые должны были собирать информацию о прибывающих в город военных транспортах; переброске войск и военной техники к линии

фронта; дислокации штабов и частей Советской Армии, их наименовании и личном составе; о восстановлении и работе городских предприятий оборонного значения. Радиоигра началась 8 июня 1944 года и продлилась до последних дней войны[77].

Диверсанты

Группа из шести немецких агентов была сброшена с самолета на парашютах на территории Камаринского района Брянской области 19 мая 1944 года. Основное задание: организовать из дезертиров и бывших полицейских группу для совершения диверсий на шоссейных и железных дорогах в тылу Советской Армии.

В конце мая удалось арестовать всех членов группы, что позволило начать радиоигру. В результате удалось вызвать и задержать еще трех агентов, обученных подрывному делу[78].

«Двина»

Операция началась 8 июня 1944 года в тылу 3-го Прибалтийского фронта. Сначала она велась от имени агента-радиста Биганова и его напарника Иванова, выброшенных немцами с самолета в ночь на 17 мая 1944 года в районе деревни Воротаево Поддорского района Ленинградской области. Чуть позднее в операций задействовали немецкого пилота — обер-лейтенанта Зигера (командир авиаэскадрильи дальней разведки 1-го воздушного флота). Его самолет сбили над расположением советских войск в конце июля 1944 года.

Предполагалось, что для эвакуации экипажа из трех высокопрофессиональных летчиков (все имели правительственные награды) Германия пришлет самолет, который можно будет захватить. В этом заключалась основная цель радиоигры, которая продлилась до января 1945 года. Из-за катастрофической ситуации на фронте самолет так и не прилетел[79].

«Янус»

Началась 2 сентября 1944 года, когда к начальнику Семлевского районного отдела НКГБ (в Смоленской области) старшему лейтенанту Кухлину неожиданно зашли два человека. Один из них, Иван Базалий, представился командиром немецкой диверсионной группы, сброшенной ночью в лес с самолета.

Второй назвался Епифановым, начальником штаба этой диверсионной группы. В процессе беседы выяснилось, что в лесу скрывается группа из 16 человек, которая намерена сдаться советским властям. Для этого необходимо оформить явку с повинной и предоставить подводы для вывоза снаряжения из леса.

Местные руководители НКВД и НКГБ растерялись и упустили визитеров. Поэтому искать группу пришлось сотрудникам «Смерша». Сотня автоматчиков в течение нескольких часов прочесывала окрестные леса, пока не нашла лагерь. Немецкие агенты сдались без боя.

Решение о проведении радиоигры руководство Главного управления контрразведки «Смерш» приняло 5 сентября 1944 года. Для работы предполагалось привлечь старшего группы Ивана Базалия, старшего радиста Георгия Полякова и радиста Николая Крылова.

Первые радиограммы ушли 9 сентября. Противнику сообщили, что при высадке десантников разбросало далеко друг от друга, в результате чего потерялась половина группы и весь багаж. У абвера срочно запросили «помощи». «Выброшены примерно 40 км от Вязьмы на территории Семлевского района. Люди и грузы сброшены не по плану. Со мной осталось 8 человек, радиостанция, и у людей личный груз. В условленные места не иду, остановился в лесах Оленинского района. Подробности дополнительно. Жду указаний. Ярошенко».

Дабы подстегнуть «хозяев», заставить их побыстрее принимать нужные решения, Базалий отправил 18 сентября еще одну довольно резкую телеграмму. «Меня с уцелевшими людьми поражает ваше длительное молчание. Продукты вышли, снаряжения и боеприпасов нет. Прошу обеспечить всем необходимым и картами. Работать здесь можно, кое-что делаем. Ярошенко» [80].

Видимо, все это подействовало на руководство «Абверкоманды-103» (позывной «Сатурн», с 1942 по 1945 год в ней работал советский контрразведчик А.И. Козлов) [81]. Немцы ответили, что груз пришлют. Кроме того, они отправляли в помощь группе «пять новых ребят, надежных и деловых». «Все вам подчиняться согласны. Пароль для новых ребят: дождь, дождь, а для вас: снег, снег. Ребята имеют с собой лист с перечнем груза и письма Ярошенко». Базалий радировал в ответ, что тронут вниманием и заботой руководителей, доверие начальства оправдает.

Работникам ГУКР «Смерш» пришлось приложить еще немало усилий, чтобы руководство «Абверкоман-ды-103» отбросило

подозрения в отношении команды Базалия.

…Только в ночь на 21 декабря 1944 года в заранее намеченном районе немецкий самолет выбросил груз весом 3250 килограммов, а также четверых парашютистов, одетых в форму офицеров Советской Армии. Все было организовано так, что они даже и не заподозрили, в чьи руки попали. Старший группы пополнения Иван Горбатов от имени «Центрального штаба национальных партизан» вручил Ивану Еазалию орден «Национальных партизан» 3-го класса, который тот с благодарностью принял.

Радиоигру решили продолжить. В немецкий тыл ушла телеграмма следующего содержания: «Долгожданный груз получили, успешно собираем. Один пакет взорвался и сгорел. Прибывшие в полном здоровье. Все шлем вам сердечное русское национальное спасибо, а особенно я — за ваше личное внимание и награду. Клянемся продолжить общее великое дело. Как в „штиле нахт“ — мы мысленно с вами. Крепко целуем вас. Ярошенко».

Но вскоре наступил 1945 год, Красная Армия все дальше углублялась на территорию Германии. Поддерживать связь с абвером с каждым днем становилось все труднее. Потом гитлеровцам стало не до диверсантов, находившихся в смоленских лесах, нужно было спасать свою шкуру. Руководство ГУКР «Смерш» приняло решение радиоигру «Янус» прекратить.

В результате этой операции была парализована, переведена на «холостой ход» деятельность огромного числа диверсантов и антисоветских пропагандистов. Неплохим оказался и «материальный улов». Кроме оружия и материальных средств, которые группа Базалия принесла с собой, было захвачено: походная типография, подрывная литература (10 000 экз.), фиктивные документы, штампы, печати и бланки различных воинских и гражданских учреждений (2000 экз.), деньги (103 тысячи рублей), 2 ручных пулемета, 20 винтовок, 4 автомата «ППШ», 7 пистолетов, 14 цинков с патронами, взрывчатые вещества (1300 кг), различное снаряжение и огромное количество продуктов питания.

Начальников районных отделов НКГБ и НКВД Семлевского района сурово наказали. А сотрудников отдела «Смерш» капитана Литвинова и майора Маслова поощрили. Сам Иван Базалий, несмотря на свое участие в операции «Янус», все-таки побывал под судом. Но, к счастью, остался жив. После отбытия наказания уехал к себе на родину… [82]

«Десант»

30 июня 1944 года группа сотрудников Навлянского райотдела Наркомата внутренних дел и отдела контрразведки «Смерша» Орловского военного округа обнаружила в брянских лесах группу немецких парашютистов. Они оказались не готовыми к встрече с чекистами, и после небольшой перестрелки 14 человек сдались, а четырем удалось скрыться.

Интенсивные допросы пленных — а сотрудникам «Смерша» удалось захватить как командира группы Гадима Хасанова, так и радиста Бедретдинова — позволили установить, что в руки чекистов попал не совсем обычный диверсионный отряд, а подразделение, выполняющее особо важное задание абвера — создавать в тылу наступающей Красной Армии лжепартизанские отряды.

«Десант»-2

Летом 1944 года в Навлинском районе действовал еще один диверсионный отряд. Группу из 34 человек возглавлял бывший лейтенант Советской Армии Михаил Хлудов, который неоднократно выполнял задания германской разведки как в расположении наших войск, так и на оккупированной территории, принимая участие в боях с партизанами.

В брянские леса их забросили 30 июня 1944 года. Вероятно, они были выброшены с самолета вместе с группой из 14 человек и сумели избежать встречи с чекистами. Диверсантам удалось продержаться месяц. За это время было совершено полтора десятка диверсий на железнодорожных и автомобильных трассах, убийства представителей советской власти, поджоги административных зданий и прочее.

Ликвидировали отряд 30 июля 1944 года. Трем десяткам диверсантов противостояло более семисот бойцов Советской Армии и «Смерша». В результате командир отряда, один из радистов (Борисов) и десять бойцов были захвачены в плен, остальные погибли. Используя шоковое состояние радиста (простреляны обе ноги), чекистам удалось его перевербовать. Так началась эта радиоигра.

Первая группа из десяти человек была сброшена 10 сентября 1944 года. При ее задержании не удалось избежать стрельбы. В результате командир Павлов и два его заместителя убиты, остальные взяты в плен. Через сутки было сброшено и пленено еще два агента.

Радиоигра продолжалась до января 1945 года, когда положение на фронте стало для Германии катастрофическим…

[83]

Корсунь-Шевченковская радиоигра

В начале 1944 года по предложению Генерального штаба Красной Армии фашистскому командованию была передана дезинформация. Цель — задержка наступления войск противника через Звенигородку на Корсунь-Шевченковский для соединения с окруженной советскими войсками крупной группировкой немецко-фашистских войск. Чтобы сорвать планы гитлеровского командования, необходимо было выиграть время для перегруппировки наших войск и подтягивания резервов.

Советская военная контрразведка передала вражеским разведывательным органам 5 февраля 1944 года ложные сведения о подготовке к наступлению 1-го и 2-го Украинских фронтов в направлении Васнярки, чтобы взять в клещи фашистские войска, наступающие на Звенигородку, и что в районе Казатина и к югу от Житомира сосредоточено много танковых и артиллерийских частей[84]. В операции были задействованы 24 агентурные радиостанции[85].

Получив такую информацию, фашистское командование, опасаясь окружения группировки своих войск, приостановило наступательные операции в опасном для советских войск направлении. Это позволило Красной Армии ликвидировать немецкую группировку в районе Корсунь-Шевченковский[86].

«Разгром»

Германская разведка 9 июля 1944 года на территорию Чиатурского и Амбролаурского районов Грузинской ССР забросила разведывательно-диверсионную группу. Продержались они недолго. При попытке установить контакт с потенциальным агентом (профессор медицины, в прошлом сочувствовал антисоветски настроенным кругам) были задержаны чекистами. Из-за попытки оказать сопротивление один из них был убит, а двое других — ранены.

После этого началась радиоигра. Кроме передачи дезинформации, сотрудникам советской контрразведки удалось вызвать и арестовать нескольких агентов-связных. Операция продлилась до конца марта 1945 года[87].

«Приятели»

С июля 1944-го по май 1945 года военная контрразведка

провела оперативную игру на территории Румынии. Ее основная цель — выявить и ликвидировать готовящийся там мятеж против Национально-демократического фронта. Вот как описывался ход операции в одной из ведомственных монографий, посвященных истории КГБ.

«Сотрудники военной контрразведки, удачно использовав сложившуюся там оперативную обстановку, подставили одному из руководителей реакционного подполья в стране и высокопоставленному сотруднику Главного управления имперской безопасности Германии агента „Хельмута“ (поясним, что речь идет о резиденте германской военной разведки „Твене“. — **Прим. авт.).** Выработав агенту правильную тактику, своевременно внося в нее соответствующие коррективы в связи с изменением оперативной обстановки, военные контрразведчики с помощью «Хельмута» взяли под контроль почти всю подрывную деятельность германской разведки и реакционного подполья в Румынии, наносили упреждающие удары по противнику, выявляя его агентов и участников подполья, дезинформируя немецкое командование. В результате игры удалось получить ценную информацию о позиции США и Англии в отношении Румынии и других государств Восточной Европы, освобождаемых Красной Армией. Эти данные в последующие годы были использованы в борьбе с подрывной деятельностью английской и американской разведок против СССР и народно-демократических государств Восточной Европы» [88].

Вербовка «Твена» чекистами была нетрадиционной для технологии радиоигр. Он работал на германскую разведку с 1940 года, а перед отступлением германских войск из Румынии был оставлен в Бухаресте. Его довольно быстро вычислили сотрудники «Смерша».

В ходе следствия выяснилось, что основная причина сотрудничества этого человека с гитлеровцами — материальная заинтересованность. Понимая бесперспективность работы на Берлин, он согласился с предложением Москвы.

Так началась одна из уникальных разведывательных операций. Достаточно сказать, что в ходе проведения радиоигры «Приятели» удалось выявить и арестовать 179 активных участников движения сопротивления (шпионов, террористов и диверсантов), в т.ч. 43 человека руководящего состава, а также захватить самолет с руководителями групп сопротивления[89].

«Арийцы»

Все началось 23 мая 1944 года, когда в калмыцких степях в

районе поселка Утта приземлился немецкий самолет. Отряд диверсантов в количестве 24 человек под командованием капитана Кваста почти сразу вступил в бой с двумястами бойцами оперативной группы НКВД. В результате боя пятеро диверсантов и трое пилотов погибли, остальных удалось пленить.

Задачи, которые стояли перед отрядом, впечатляют. Команде Кваста предстояло организовать в калмыцких степях базы для намеченных к переброске воздушным путем 36 эскадронов калмыцкого корпуса доктора Долля и подготовить посадочные площадки для самолетов, организовать радиоцентр для приема сообщений от агентурных радиостанций германской разведки малой мощности, действовавших в восточных районах Советского Союза.

Радиоигру начали 29 мая 1944 года из поселка Яшкуль. В ней, кроме самого командира отряда, принимал участие радист экипажа самолета Курт Гансен. Она закончилась по инициативе советской контрразведки 20 августа 1944 года.

«Бандура»

В сентябре 1944 года советскими контрразведчиками в районе города Андреаполь была захвачена группа агентов абвера с радиостанцией. Радист сразу же согласился работать на нового «хозяина» [90]. Результаты этой операции и срок ее окончания неизвестны.

«Филиал»

После ухода германских войск из Симферополя в городе начала действовать немецкая разведывательная группа из шести человек. Ее основная задача: сбор разведывательной информации о частях Советской Армии и их дислокации; о наличии аэродромов на Крымском полуострове (с них советская авиация бомбила нефтепромыслы Румынии).

Два члена группы, Оганесян и Толакян, явились с повинной в управление «Смерш» 4-го Украинского фронта и все рассказали. Благодаря их показаниям удалось задержать всех, кроме одного (сбежал вместе с немцами, не выполнив задания).

Сначала шла «обычная» радиоигра — передача дезинформации по заданию Ставки Верховного главнокомандующего и Генштаба Красной Армии. Через три месяца удалось вызвать агента-связного и арестовать его.

А вот в феврале 1945 года противник неожиданно запросил точные сведения о погоде: осадки, облачность, температура. По

мнению многих историков и журналистов, этот интерес был вызван тем, что в тот период в Крыму проходила встреча руководителей трех держав антигитлеровской коалиции и планировался бомбовый удар по Ливадии, где находились эти люди. Для пресечения намерений врага в течение всего периода работы конференции немцам передавались сведения об исключительно плохой погоде (сплошная облачность, снег, ветер). Расчет был прост: в такую погоду германское командование не пошлет в район Крыма бомбардировочную авиацию[91].

«Ярость»

В сентябре 1944 года на территории Смоленской области в районе железнодорожной станции Нелидово была сброшена диверсионная группа, насчитывающая 16 человек. Засечь высадку средствами противовоздушной обороны не удалось, поэтому о группе чекисты узнали только 1 октября 1944 года.

В тот день было совершено нападение на железнодорожный узел Нелидово. В результате погибло 25 милиционеров и железнодорожников, потери атакующих — пять человек. Через несколько часов диверсантов удалось обезвредить. После этого началась радиоигра[92].

«Костры»

Стартовала на территории Белоруссии в октябре 1944 года, в районе города.Мира Барановичского района. Работа велась от имени пяти германских агентов. Продолжалась из района Белостока вплоть до капитуляции Германии[93].

«Трезуб»

Операция началась 28 ноября 1944 года в Житомире с рации, данной трем агентам германской разведки, выброшенным с самолета в ночь на 21 ноября в районе местечка Дзержинск Житомирской области.

Основная задача, которая стояла перед агентами, — выявление боевых групп Украинской повстанческой армии, установление с ними личного контакта и организация их связи с немецкой разведкой.

Исходя из этого и была организована радиоигра, которая продолжалась до 12 апреля 1945 года. Оценить ее эффективность трудно, ведь агентов-связников Берлин не присылал, хотя и

обещал. А вооруженное националистическое подполье особо не рассчитывало на поддержку Германии — ведь фронт стремительно перемешался на запад[94].

«Коммерсанты»

Управлением контрразведки одного из фронтов данная оперативная акция была начата 26 ноября 1944 года. Радиоточка располагалась в городе Гродно. Ее «обслуживали» два агента германской разведки — Герберт Торнича и Павел Тацкан. Хотя реально работал только второй агент, первый погиб в перестрелке с чекистами при задержании.

Согласно заданию Центра они должны были осесть в районе Гродно и создать резидентуру из националистически настроенной польской молодежи. Агенты должны были собирать разведывательные сведения военного характера, выявлять настроения польского населения и его отношение к советской власти и информировать германскую разведку о деятельности польских националистических сил.

Операция продолжалась до окончания Великой Отечественной войны[95].

«Антенна»

Радиоигра стартовала 11 декабря 1944 года во Львове и велась от имени группы из четырех агентов германской разведки. Задание было аналогично тому, что выполняли участники операции «Трезуб».

Результаты тоже были похожими. Агентов-связников вызвать не получилось, мероприятие пришлось завершить в связи с капитуляцией фашистской Германии[96].

Радиоигра в Пруссии и Польше

В конце декабря 1944-го — начале января 1945 года, по утвержденному в Генеральном штабе плану, 24 агентурные радиостанции, находящиеся в различных районах СССР, начали передавать дезинформацию о том, что на территории Польши и Восточной Пруссии зимнего наступления советских войск в 1945 году не будет. Противник поверил этому и за несколько дней до начала войсковой наступательной операции перебросил почти все танковые дивизии из этого района в Венгрию[97].

«Туристы»

Была начата 19 января 1945 года от имени разведывательно-диверсионной группы в составе восьми человек. Радиоточка располагалась северо-западнее польского населенного пункта Макус. Закончилась игра в связи с капитуляцией Германии[98].

«Странники»

Началась 14 февраля 1945 года в районе городка Нове-Место в Польше. В ней участвовал агент-радист Кожунов, которого противник оставил в этом населенном пункте для сбора разведывательной информации о Советской Армии. Операция продолжалась до капитуляции Германии[99].

«Туман»

Данная радиоигра интересна лишь из-за уникальности участников. Семейный дуэт Шило—Таврин вошел в историю «тайной войны» как исполнители покушения на И. Сталина. Об этом деле написано достаточно много, и мы не будем на нем подробно останавливаться. Отметим лишь, что их задержали 6 сентября 1944 года, а сама радиоигра началась в октябре. В ней уведомили Центр о благополучном прибытии и начале работы по подготовке покушения.

Редкие радиограммы в Берлин были малоинформативны. Например, вот текст послания, датированного 1 марта 1945 года: «Познакомился с женщиной-врачом. Имеет знакомства в кремлевской больнице. Обрабатываю». После окончания войны супругов расстреляли… [100]

Радиоигры продолжались до мая 1945 года. Например, в январе 1945 года было задействовано шесть радиоточек: «Ревизор», «Запоздалые», «Связисты», «Ключ», «Братья» и «Туристы». В феврале — четыре: «Диверсанты», «Вега», «Корни» и «Странники». В марте — пять:

«Дезертиры», «Проба», «Лабиринт», «Цепь» и «Вальд». В апреле — четыре: «Звено», «Пограничники», «Организаторы» и «Финал»…

Последняя была самой короткой — 20 суток. Она закончилась в день официальной капитуляции фашистской Германии[101].

Приложение 1
АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ОПЕРАЦИИ «МОНАСТЫРЬ»

Представленные ниже документы заставляют по-новому взглянуть на тех, кто участвовал в операции «Монастырь», и отдельные этапы ее проведения.

Согласно «официальной» истории агент «Гейне» работал в одиночку, жена ему только помогала. На самом деле можно назвать еще трех агентов НКВД, которые активно участвовали в этой операции. В книге уже было рассказано об Алексее Алексеевиче Сидорове («Старый») и Татьяне Борисовне Березанцевой («Борисова»). Третий человек — Вера Сергеевна Сидорова («Мир»).

Их активное участие в операции было отмечено правительственными наградами. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1943 года Демьянов А.П. награжден орденом Красной Звезды, А.А. Сидоров — орденом «Знак Почета», а Т.Б. Березанцева и В.С. Сидорова — медалями «За боевые заслуги».

Другой интересный вопрос, а кто такой Глебов («Предводитель») и почему он не упоминается в документах НКВД? Скорее всего речь идет о «негласном осведомителе», скрывающемся под псевдонимом «Шорох».

Если внимательно вчитаться в первый документ, может возникнуть ощущение, что Бориса Садовского чекисты регулярно «использовали» в качестве приманки для антисоветски настроенных жителей столицы. Три раза арестовывали людей из его окружения, а он оставался на свободе. И поэтому нет ничего удивительного в том, что именно он стал руководителем организации «Престол».

Из плана оперативных мероприятий по агентурному делу «Монастырь»

20 января 1942 г.

I

В течение ряда лет в Москве разрабатывается видный

монархист, известный русский поэт Борис Садовской и его жена Наталья Ивановна Воскобойникова, в прошлом фрейлина царского двора.

Чета Садовских связана с церковно-монархическими группами старцев (бывших монахов и монахинь), которые, находясь в глубоком подполье, пытаются влиять на массу верующих в антисоветском духе.

Садовские и их окружение пораженчески настроены, с нетерпением ждут немцев.

Летом 1941 г. Садовской написал резко антисоветское стихотворение, в котором, обращаясь к немцам как к «братьям», звал их прийти уничтожить Советскую власть и установить «самодержавие русского царя»…

II

…В 1933 г. органами НКВД была вскрыта и ликвидирована монархическая группа молодежи, группировавшаяся вокруг Садовского, сам Садовской арестован не был.

Ликвидированная группа уже тогда ориентировалась на германский фашизм.

Вторая группировка, созданная Садовским, была ликвидирована в 1935 г., и, наконец, третья группа (Раздольского) была вскрыта СПУ НКВД СССР в начале 1941 г. Эта группа ставила перед собой задачи террористического порядка.

Несмотря на периодическую ликвидацию антисоветских связей Садовского, он пытается и в настоящее время сколотить вокруг себя контрреволюционные элементы для борьбы с Советской властью.

Установки Садовского в настоящее время сводятся к следующему: «…сейчас ждать. Быть готовым. Во всем слушаться церкви, а как только падет Советская власть под ударами немцев, выступить с категорическим принятием немецкого руководства на первое время и начать исподволь агитацию за установление монархии…»

Неизвестность относительно «точных» планов Гитлера касательно монархии весьма мучает Садовского.

Садовской интересуется, нельзя ли «как-нибудь получить сведения с той стороны», то есть снестись с немцами.

III

В этой связи целесообразно использовать имя Садовского и его ближайших антисоветских связей для:

а) создания канала, по которому можно будет забрасывать нашу специальную агентуру в Германию;

б) дезинформации немцев о положении в СССР;

в) выяснения круга вопросов, интересующих немцев по СССР.

Для решения этой задачи будут использованы проверенные агенты: «Старый» и его жена «Мир»; «Гейне» и его жена «Борисова».

IV

«Старый» является одним из доверенейших людей Садовского.

«Гейне» был подставлен Садовскому через «Старого». 11.01.42 г. принят Садовским как свой человек и единомышленник.

«Мир» с Садовским знакома и принимается у них в доме как единомышленница.

«Борисова» с Садовским, «Старым» и «Мир» не знакома.

Кроме «Старого», Садовского разрабатывает наш агент «Шорох», однако он к участию в намеченной комбинации не привлекается.

V

Учитывая желание Садовского связаться с немцами, намечаем переброску через линию фронта агента «Гейне» в качестве курьера церковно-монархической группы, возглавляемой Садовским.

Явившись на территорию, захваченную противником, «Гейне» добивается свидания с руководящими лицами из германского командования, которым сообщает, что он послан группой Садовского для установления контакта с германским правительством, выяснения, насколько реальна возможность действительного прихода немцев в Москву, и определения в этой связи задач группы.

Свою переправку «Гейне» объясняет тем, что неожиданный отход германских войск от Москвы дезориентировал Садовского и его окружение, ожидавшего вступления немецких войск в Москву еще во второй половине октября 1941 г.

«Гейне» сообщает немцам, что по указанию «Старого» им лично сконструирован радиопередатчик и приемник,

установленный в Москве (адрес «Гейне» не знает, ибо он известен только «Старому»), с помощью которого можно поддерживать регулярную связь с Москвой.

«Гейне» просит немцев передать по радио в Москву условное сообщение о своем благополучном прибытии:

Эти сообщения «Гейне» диктуются следующими соображениями:

1) вызвать интерес немцев к легендируемой церковно-монархической группе Садовского;

2) создать условия, при которых немцы, если заинтересуются Садовским и его группой, должны будут или командировать «Гейне» обратно (что нежелательно) с заданиями и шифром для радиосвязи, или же послать своего курьера, а «Гейне» оставить у себя;

3) подставить немцам наш канал связи;

4) удостовериться, что «Гейне» действительно установил контакт с немцами.

VI

«Гейне» старается осесть и закрепиться у немцев. В качестве доводов против своего возвращения через линию фронта в Москву он выставляет:

1) трудность перехода через линию фронта;

2) боязнь репрессий в отношении его как уклонившегося от явки по месту службы в г. Алма-Ата.

Еще до этого «Гейне» рассказывает немцам, что в связи с заданием «Старого» уйти за линию фронта, желая обезопасить свою жену и близких родственников от репрессий Советской власти, он добился командировки в Алма-Ату, с тем чтобы как-то зашифровать свое отсутствие в Москве.

«Гейне» информирует немцев о своей жене «Борисовой», указывает, что отец ее — старый московский врач, много лет учившийся в Германии и занимающийся частной практикой.

Мать «Борисовой» — из дворян, с отцом развелась, сейчас находится в Одессе, где проживает вместе с одной итальянкой, происходящей, по словам жены, из аристократической семьи, и располагает связями в высших сферах Италии.

«Гейне» просит немцев навести справки, жива ли мать «Борисовой», и в качестве явки в Москве дает немцам адрес отца «Борисовой», где можно с «Борисовой» встретиться и через нее установить связь со «Старым». «Гейне», однако, предупреждает немцев, что отец «Борисовой» не посвящен в его нелегальную

деятельность.

Если немцы потребуют у «Гейне» информацию о Москве, он дает ее согласно разработанной дезе.

В случае если немцы будут очень настаивать, «Гейне» возвращается обратно в Москву.

VII

Для радиопередатчика, о котором будет говорить «Гейне», устанавливается специальное расписание, позывные и волны, о чем «Гейне» также сообщает немцам.

«Гейне» — радиоконструктор и по специальной схеме сам построил упрощенный передатчик и приемник.

Начальник отделения 4-го Управления НКВД СССР капитан госбезопасности Маклярский

Согласны:

начальник 3-го Управления НКВД СССР ст. майор госбезопасности Горлинский

начальник 4-го Управления НКВД СССР ст. майор госбезопасности Судоплатов

Из задания 2-го отдела 4-го Управления НКВД СССР агенту «Гейне» на установление контакта с германской разведкой от имени легендированной организации «Монастырь»

31 января 1942 г.

1. В ближайшие дни Вы будете переброшены на одном из участков Западного фронта на временно занятую немцами территорию. Ваша задача: установить связь с германским командованием (разведкой) от имени якобы действующей в Москве антисоветской церковно-монархической группы…

2. После перехода линии фронта при встрече с германскими патрулями Вы должны заявить на немецком языке, что имеете важное сообщение для германского командования и просите немедленно доставить Вас в штаб. Прибыв в штаб, Вы добиваетесь беседы со старшим офицером данного соединения, которому рассказываете, что имеете специальное поручение к германскому правительству, для чего просите организовать Вам свидание с ответственным лицом.

3. Ответственному представителю командования или разведки, с которым Вы будете беседовать, сообщить примерно следующее:

а) Вы являетесь участником антисоветской церковно-монархической группы __, по поручению которого посланы: установить контакт с германским правительством, выяснить реальную возможность действительного прихода немецких войск в Москву; определ<ить> в этой связи задачи группы;

б) подробно останавливаетесь на организационной структуре группы, ее программных установках;

в) подчеркиваете, что группа имеет тесную связь с катакомбными церковными формированиями, ведущими активную антисоветскую работу;

г) рассказываете об антисоветской деятельности группы на протяжении последних лет, указывая на значительную активизацию контрреволюционной работы в связи с германо-советской войной и поражением Красной Армии.

Свой рассказ Вы строите так, чтобы не вызывать сомнения у немцев в его правдивости. Для этого рекомендуется конкретизировать отдельные положения, называя некоторые фамилии, отдельные примеры с датами.

Говоря о персональном составе группы, необходимо указать, что, кроме «Старого» и его жены, а также Вашей жены, Вы других участников группы не знаете. Однако по ряду признаков полагаете, что контрреволюционная группа имеет в своем составе ряд лиц из представителей буржуазной московской интеллигенции, находящейся на различных работах…

4. Рассказывая немцам о себе и жене, оттените, что на протяжении всего периода существования Советской власти Ваша семья (в лице ее отдельных представителей) непрерывно подвергалась репрессиям большевиков. Расскажите им об обстоятельствах своего знакомства со «Старым», а также каким образом Вы были вовлечены в антисоветскую группу, обрисовав это следующим образом. Вы знакомы со «Старым» много лет, бывали у него дома, всячески цените его культуру и идейную непримиримость к Советской власти, очень часто в его присутствии высказывали антисоветские настроения, и, когда он убедился в полном совпадении его взглядов с Вашими, он предложил Вам в конце или начале 1940 г. вступить в контрреволюционную группу. Вы дали согласие…

В организации Вы вели работу среди антисоветски настроенной молодежи — выходцев из буржуазно-интеллигентских семей, однако лично никого не вербовали, за исключением жены.

Если немцы потребуют назвать некоторые фамилии из Ваших молодых друзей, которых Вы знаете как антисоветски настроенных, разрешается сообщить 2— 3 фамилии из числа

действительно антисоветски настроенных, которых Вы по нашему поручению разрабатывали и которые знают Вас как их единомышленника.

5. Объясняя причины, толкнувшие группу на Вашу посылку за линию фронта, Вы заявляете немцам, что еще в октябре 1941 г.____и «Старый» были вполне уверены в падении Москвы и занятии ее германскими войсками. В этой связи группа выпустила специальную листовку с обращением к жителям г. Москвы. _____написал даже специальное стихотворение на русском и немецком языках, обращенное к немцам как к спасителям России от большевизма. Это стихотворение _____предполагал отпечатать в виде листовок на следующий день после прихода германских войск в Москву. (Листовка, о которой идет речь, была напечатана в 500 экз. на гектографе, который достал «Старый», имея… доступ к печатным аппаратам.)

(Стихотворение на русском и немецком языках Вы заучиваете наизусть и декламируете его немцам.)

Неожиданный отход германских войск от Москвы, шумиха, поднятая советской пропагандой в связи с этим, вступление частей Красной Армии в ряд городов, ранее занятых немцами, дезориентировало руководителей церковно-монархической группы, решивших направить эмиссара за линию фронта для установления непосредственного контакта с германским правительством и выяснения действительной обстановки.

Рассказывая изложенное, Вы осторожно отмечаете, что одной из причин временных неуспехов германских войск на Восточном фронте является то, что немцы не установили контакт с действующими на советской территории подпольными антибольшевистскими силами. В частности, Вы указываете, что бросавшиеся над Москвой листовки не вызвали нужного реагирования населения, так как они составлены на материалах, не связанных с советской действительностью.

Закончив свою информацию, Вы заявляете немцам, что представляемая контрреволюционная группа полностью отдает себя в распоряжение германского командования для совместной борьбы с большевизмом, так как считает, что освободить Россию от большевизма может только германская армия, опирающаяся на русские национальные силы.

6. В процессе своих бесед с немцами Вы упоминаете, что являетесь радиоконструктором и незадолго до Вашего ухода за линию фронта по заданию «Старого» сконструировали радиопередатчик и приемник. От «Старого» Вы знаете, что он нашел радиста, на квартире у которого спрятан передатчик, что установлены позывные и расписание и что «Старый» просил Вас

известить условным сообщением по радио о Вашем благополучном прибытии к месту назначения.

Если Вас спросят фамилию радиста и его адрес, ответьте, что это Вам неизвестно.

Если Вы почувствуете, что данные о передатчике заинтересовали немцев, проявите некоторую настойчивость по реализации просьбы «Старого».

7. Ваше поведение во время пребывания на территории, занятой немцами, должно быть направлено на максимальное завоевание их доверия, исключающее в то же время возможность Вашей переброски обратно с заданиями прифронтового характера. Мы заинтересованы в том, чтобы Вы осели у немцев прочно.

В качестве доводов против своего возвращения обратно, если это Вам предложат, Вы выставляете опасность перехода через линию фронта и боязнь репрессий при появлении в Москве за неявку к месту службы в г. Алма-Ата. В этой связи Вы рассказываете немцам, что, после того как «Старый» предложил Вам отправиться за линию фронта, Вы для того, чтобы зашифровать свое длительное отсутствие в Москве и обезопасить тем самым своих близких родственников, добились командировки в г. Алма-Ата, куда по нынешним условиям ж.-д. транспорта долгий и длинный путь.

Появление же Ваше в Москве сейчас будет означать, что Вы не были в г. Алма-Ата, то есть уклонились от явки к месту работы, что по нынешним советским законам карается тюремным заключением.

Факт своей командировки в г. Алма-Ата подтвердите имеющимися у Вас документами.

Если Ваши доводы немцев не удовлетворят и они будут настаивать на Вашей переброске обратно с заданиями, после некоторого колебания дайте согласие.

8. Когда будете рассказывать биографию своей жены, упомяните о ее матери, которая находится сейчас в Одессе, укажите ее адрес и попросите навести справки, жива ли она.

9. Для немецкого курьера, который может быть послан в Москву с ответом германского командования для «Старого», Вы даете явку к отцу своей жены, через которого посланный должен связаться с Вашей женой. Порекомендуйте посещение квартиры отца Вашей жены зашифровать под видом «визита» к врачу. Немецкий курьер должен сказать Вашему тестю, что он прибыл из г. Алма-Ата и имеет поручение от Вас к Вашей жене. При этом Вы предупредите немцев, что Ваш тесть ничего не знает о Вашей нелегальной деятельности.

10. В случае если от Вас потребуют политическую информацию о положении в Москве и Советском Союзе, Вы ее даете в соответствии с разработанным текстом сведений.

11. Если Вас будут вербовать для сотрудничества в германской разведке, Вам разрешается для закрепления Вашего положения у немцев дать согласие.

Кроме того, Вам разрешается вступить в любые фашистские и белогвардейские формирования, действующие на территории Германии, а также в оккупированных областях.

12. Не следует рассказывать немцам, что Ваш отец погиб во время войны 1914 г.

13. Факт своего освобождения от военной службы объясните участием Вашего тестя, старого московского врача, добившегося через врачебные связи в 1940 г. признания Вас больным.

14. В случае отхода немецких войск Вы должны принять все меры к тому, чтобы отходить вместе с ними.

Если немцы Вам предложат остаться на покидаемой ими территории для разведывательной работы и обусловят форму связи с Вами и если Вам не удастся отказаться, разрешается дать согласие.

15. После прихода частей Красной Армии в пункт, где Вы будете оставлены немцами, Вы должны конспиративно связаться с особым отделом, где ответственному лицу назовете свой псевдоним и попросите немедленно телеграфно снестись с Москвой. Никаких данных о себе и о том, для чего Вы были посланы, Вы никому не имеете права рассказывать.

16. Находясь на территории, занятой противником, Вы должны помнить, что будете подвергаться самому тщательному наблюдению со стороны немцев, поэтому никому, никогда, ни при каких обстоятельствах Вам нельзя говорить прямо или обиняком о своей связи с НКВД и о подлинных причинах Вашего перехода линии фронта. Вы должны так организовать свое поведение, чтобы все то, что Вы говорили немцам, подтверждалось бы Вашими частными разговорами.

Учтите, что немцы широко применяют специальное подслушивание.

17. В случае Вашего ареста Вы должны твердо помнить, что Вам категорически запрещается давать какие-либо показания о действительных причинах Вашего появления на территории, занятой германскими войсками. Каким бы строгостям во время допроса Вы ни подвергались, Вы должны говорить только одно — что являетесь представителем контрреволюционной группы…

Учтите, что такое поведение в течение определенного срока полностью реабилитирует Вас в глазах немцев.

Будучи в камере, в разговорах с арестованными подчеркивайте то же самое, что говорили следователю, ибо среди арестованных будут лица, специально подсаженные для Вашего разоблачения.

Вы не должны ни в коем случае, никогда и ни при каких обстоятельствах называть фамилии известных Вам сотрудников НКВД, адреса конспиративных квартир, а также все, что Вам известно о методах работы советской разведки.

Связь с Вами, когда Вы будете находиться в тюрьме, будет осуществлена по специальному паролю, и только лицу, назвавшему данный пароль, Вы можете говорить правду.

18. Связь с Вами в Германии и других городах будет осуществляться при помощи специально установленных явок, а также через курьеров, которые будут посылаться за линию фронта…

Зам. начальника 2-го.отдела
4-го Управления НКВД СССР
Маклярский

Докладная записка начальника 4-го Управления НКВД СССР П.А. Судоплатова заместителю народного комиссара внутренних дел СССР о результатах направления в спецорганы противника агента «Гейне» от имени легендированной организации «Монастырь»

***28 марта 1942* г.**

17 февраля с.г. за линию фронта на Гжатском направлении по агентурному делу «Монастырь» был переброшен агент 4-го Управления **НКВД** СССР «Гейне» под видом курьера существующей в Москве церковно-монархической группы.

Направляя нашего агента к немцам от имени организации, мы имели в виду следующие задачи:

1) создать канал, по которому можно будет забрасывать нашу специальную агентуру в Германию и на оккупированную территорию;

2) дезинформировать германское командование о положении в СССР;

3) выяснить круг вопросов, интересующих германскую разведку в СССР.

Находясь на оккупированной территории в течение месяца, «Гейне» побывал в Гжатске, Смоленске и Минске.

15 марта с.г. «Гейне» с минского аэродрома на самолете был доставлен на нашу территорию и сброшен на парашюте в районе Рыбинска Ярославской области. Вместе с «Гейне» в самолете

следовал германский разведчик-радист с рацией под кличкой «Краснов», прошедший специальную подготовку в Варшавской разведывательной школе.

На основании информации «Гейне» принятыми УНКВД по Ярославской области мерами «Краснов» был обнаружен, арестован и доставлен в Москву.

«Гейне» получил задание Смоленского разведывательного пункта вести на нашей территории активную военно-политическую разведку. Кроме того, он привез указания для монархической группы, заключающиеся в следующем:

1) активизировать антисоветскую пропаганду среди населения, всячески восхваляя гитлеровскую Германию и «новый европейский порядок»;

2) вести агитацию за немедленное окончание войны;

3) развернуть диверсионную и саботажническую деятельность;

4) приступить к созданию подпольных ячеек организации в промышленных и областных городах СССР.

Согласно легенде «Гейне» сообщил немцам, что организацией, от имени которой он послан, сконструирован в Москве радиопередатчик, который не может действовать из-за отсутствия кварцев. Перед отъездом немцы вручили «Гейне» кварцы и телеграфный ключ, прося наладить регулярную работу передатчика.

Для того чтобы «Гейне» мог сам работать на передатчике, его в течение двух недель обучали в Смоленске два немецких инструктора-радиста.

Для передачи разведывательных сведений по радио немцы снабдили «Гейне» двумя шифрами и позывными.

Обер-лейтенант из Смоленского разведывательного пункта, который непосредственно работал с «Гейне», обещал для развертывания диверсионной работы прислать в Москву необходимое оружие, взрывчатые вещества и специальных людей.

В качестве явки для германской агентуры, которая будет направлена в Москву, «Гейне» сообщил немцам заранее подготовленный нами адрес отца его жены.

«Гейне» отмечает большой интерес, проявленный работниками Смоленского разведывательного пункта в отношении формирования кавалерийских частей Красной Армии и наличия войск союзников на Западном фронте и, в частности, в Москве.

Кроме того, немцы настойчиво просили «Гейне» регулярно информировать их о результатах бомбежки Москвы, точно указывая, где упали и что разрушили германские бомбы.

В Гжатске, Смоленске и Минске «Гейне» собрал заслуживающие внимания военно-политические разведывательные данные.

В связи с тем, что посылка «Гейне» за линию фронта дала положительные результаты, позволяющие рассчитывать на реализацию всех намеченных нами по этой легенде задач, целесообразно дальнейшую игру с германской разведкой продолжать.

В целях укрепления легенды и положения «Гейне» в германских разведорганах следовало бы в ближайшие дни начать регулярную передачу немцам дезинформационных материалов.

Начальник 4-го Управления НКВД СССР
ст. майор госбезопасности
Судоплатов

Приложение 2
РАДИОИГРЫ В ПЕРИОД БИТВЫ ЗА МОСКВУ

Органы советской госбезопасности начали активно использовать захваченных агентов немецкой разведки для проведения радиоигр осенью 1941 года. К зиме был накоплен определенный опыт и на практике доказана эффективность данного способа дезинформации противника. Более того, он применялся часто и о нем докладывали в Москву как о типичном оперативном мероприятии.

Спецсообщение НКВД СССР о подготовке немцами разведчиков и агентов из числа военнопленных и о возможности радиоигры с противником

28 января 1942 г.

Совершенно секретно

№ 128/5

Государственный Комитет Обороны

Товарищу Сталину

20 января с.г. после взятия частями Красной Армии города Можайска в особый отдел НКВД 82 стрелковой дивизии 5 армии явились бывшие военнослужащие Красной Армии: бывший зам. политрука 2 батареи 875 противотанкового полка Ольнев М.В., бывший старший сержант 849 стрелкового полка 303 стрелковой дивизии Ревин П.Г., бывший старший ветврач 1300 стрелкового полка 9 стрелковой дивизии Гранкин Н.П. и бывший красноармеец запасного кавалерийского полка Юсупов Х.

На допросе они показали, что, попав в окружение под гор. Ельня, они были взяты в плен немцами и направлены в лагерь для военнопленных в гор. Смоленск. В Смоленске они были немцами завербованы, прошли специальные радиокурсы, были доставлены в Можайск, где и были оставлены немецкой армией 16 января с.г.

Германская военная разведка снабдила их радиостанцией, оборудованной в подвале разрушенного здания Можайского райисполкома, шифрами, оружием, месячным запасом продовольствия и деньгами в сумме 9000 рублей.

На них была возложена задача сообщать германской разведке в течение месяца по радио о положении в гор. Можайске и сведения о частях Красной Армии, после чего вся группа должна

возвратиться в расположение немецких войск.

Явившиеся бывшие военнослужащие своим соучастником назвали жителя города Можайска Криницкого Н.Ф. Последний арестован.

Все арестованные доставлены для ведения дальнейшего следствия в НКВД СССР.

В связи с этим представляется целесообразным использовать указанную группу для передачи немцам по радио, в интересах Красной Армии, соответствующих дезинформационных сведений.

Для этой цели один из задержанных, Ревин, 25 января в сопровождении оперативных работников и радиоспециалистов НКВД СССР возвращен в гор. Можайск с задачей передать немцам, что во избежание провала в связи с наведением в городе порядка войсками Красной Армии он просит установить с ним связь через несколько дней.

НКВД СССР просит Вашего указания Генеральному штабу Красной Армии разработать соответствующие дезинформационные материалы военного характера для передачи немцам по радио. [102]

Народный комиссар внутренних дел СССР

Л. Берия

Приложение 3
СИТУАЦИЯ С РАДИОИГРАМИ ВЕСНОЙ 1942 ГОДА

1. Впервые руководство НКВД предлагает рассмотреть вопрос о «выработке подготовки материалов по дезинформации противника». При этом планируется привлечь к работе не только начальника Оперативного управления Генштаба, но и руководителя Главного разведывательного управления.

2. Представлено соотношение захваченных и используемых в оперативных мероприятиях советскими органами госбезопасности радиоточек. Показатель 2:1 необычно высок. Достаточно сказать, что за все время Великой Отечественной войны было проведено не более 200 радиоигр, а количество захваченных агентурных радиостанций противника значительно превышало цифру 400.

Одно из возможных объяснении этого феномена — повышенная потребность Главного командования Красной Армии в «дезинформации противника в отношении дислокации и перегруппировок частей Красной Армии».

Другая причина — каждая включенная в радиоигру точка создавала у противника уверенность в том, что интересующий его пункт (а в данном случае речь шла о стратегически важных районах, например, Куйбышев (в этот город эвакуировалось большинство правительственных учреждений Москвы) или Вологда — один из крупнейших транспортных узлов) прикрыт агентурой, и, следовательно, снижала его разведывательную активность.

Сообщение НКВД СССР в ГКО об использовании в радиоиграх захваченных радиостанций противника

25 апреля 1942 г.

В марте—апреле 1942 г. органами НКВД СССР задержано 76 агентов германской военной разведки, переброшенных на самолетах в составе разведывательно-диверсионных групп и в одиночку для шпионской и диверсионной работы в городах Вологда, Ярославль, Иваново, Александров (Ивановской области), Пенза, Молотов, Тамбов, Куйбышев, Сталинград, Казань, Горький и в войсковых тылах Западного фронта.

У задержанных изъята 21 портативная приемно-передаточная

радиостанция, через которые они должны были шифром передавать собранные сведения и сообщать результаты диверсионных действий.

Все эти германские агенты являются бывшими военнослужащими Красной Армии, находившимися в плену у немцев, где они были завербованы и обучены в разведывательных школах. Из их числа — 25 человек бывших средних командиров Красной Армии, 19 младших командиров и 32 рядовых бойца.

Часть переброшенных агентов (23 человека) добровольно явились в органы НКВД с повинной.

В целях ограничения активности германских разведывательных органов в указанных выше городах и создания видимости работы переброшенных шпионских групп и одиночек по заданиям германской разведки по 12 захваченным радиостанциям противника нам удалось установить радиосвязь с немецкими разведывательными органами в городах Варшава (центр германской военной разведки), Псков, Дно, Смоленск, Минск, Харьков, Полтава.

НКВД СССР считает, что захваченные немецкие радиостанции можно использовать в интересах Главного Командования Красной Армии для дезинформации противника в отношении дислокации и перегруппировок частей Красной Армии.

Поэтому, если данное мероприятие будет признано Вами целесообразным, считаем необходимым поручить начальнику Оперативного управления Генерального штаба Красной Армии т. Бодину и начальнику Главного разведывательного управления т. Панфилову выработать порядок подготовки материалов по дезинформации противника и передачи их в НКВД СССР для реализации через захваченные немецкие радиостанции.

Передача дезинформации противнику через захваченные рации будет обеспечиваться надежным контролем.

Прошу Ваших указаний.

Народный комиссар внутренних дел СССР

Берия

Приложение 4
АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО РАДИОИГРЕ «КВАРЦ»

Подборка документов иллюстрирует все этапы проведения данного оперативного мероприятия.

Сначала агент приходит сам (явка с повинной) или его задерживают. Серия допросов, а их старались проводить оперативно, по результатам которых принималось решение о судьбе арестованного — привлекать его в качестве участника оперативного мероприятия или нет. Иногда перевербованный агент использовался в качестве «опознавателя» для выявления однокурсников по немецкой разведшколе или тех, кто вместе с ним забрасывался в тыл Советской Армии. В представленных ниже документах описана такая ситуация.

Основные «противопоказания» против участия в радиоигре и опознание: неискренне вел себя на допросе, с момента переброски прошло несколько месяцев, по какой-либо причине агент остался без рации (например, повредил при падении), основная причина обращения в органы госбезопасности — тяжелое ранение, потеря денег (считалось, что в этом случае человек просто борется за свое выживание, а не готов искупить свою вину) и т.п. В этом случае его ожидало несколько лет тюрьмы или расстрел.

Докладная записка Тихвинского райотдела УНКВД по Ленинградской области № 97 в УНКВД области о явке в органы госбезопасности И.С. Голованова, заброшенного немецкой разведкой в тыл частей РККА Волховского фронта в составе разведывательной группы

***30 апреля 1942* г.**

27 апреля 1942 г. в Особый отдел 5-й сд ВВ НКВД г. Тихвин явился с заявлением немецкий разведчик в форме младшего лейтенанта РККА Голованов Иван Сергеевич, 1915 года рождения, уроженец Челябинской области, который на допросе показал, что он 29 июня 1941 г., будучи командиром взвода минометной роты 533-го сп 128-й сд в районе г. Серея Латвийской ССР, попал в плен к немцам. В г. Варшаве окончил школу разведчиков. В ночь на 25 апреля 1942 г. в Тихвинском районе был выброшен на парашюте с немецкого самолета в составе группы немецких разведчиков: Захарова Николая Алексеевича и Печалина Николая

(отчество неизвестно). Группа имела рацию и задачу сбора сведений шпионского характера. При помощи Голованова И.С. 28.04.1942 г. задержан в районе г. Тихвин Захаров Николай Алексеевич, 1918 года рождения, уроженец Татарской АССР, русский, бывший сержант РККА отдельного пулеметного батальона Гродненского УР, который на допросе показал, что он 28.06.1941 г. попал в плен к немцам, окончил Варшавскую школу разведчиков. 25 апреля 1942 г. был выброшен на парашюте с немецкого Самолета в Тихвинский район в составе группы Голованова И.С. и Печалина Николая. Кроме этой группы, с того же самолета в Волховском районе выброшена группа немецких разведчиков в составе Жаворонкова, Курия (имен и отчеств не знают) и радиста по имени Леонид. Захарову известно, что сейчас в Ленинграде находится группа немецких разведчиков в составе трех человек, фамилий которых он не знает. Старший этой группы — Виктор Александрович, возраст 32—35 лет, одет в морскую форму, имеет звание ст. лейтенанта, был командиром советского военного корабля. До призыва в РККА проживал в Ленинграде, имел свою легковую автомашину. Приметы: выше среднего роста, волосы русые с пробором на правую сторону, глаза голубые. При себе имеет бельгийский пистолет, в г. Ленинграде проживает его жена.

Второй, по имени Александр, до армии проживал в г. Ленинграде по улице Красных Ткачей, работал на Ленинградском оптическом заводе. Возраст — примерно 1915 — 1919 г. рождения, среднего роста, волосы русые, глаза черные. Одет в форму красноармейца, шапку-ушанку, черную фуфайку, русские сапоги.

Третий в этой группе — Анатолий, ранее проживал в г. Ленинграде, до плена служил в Балтфлоте. Приметы: высокого роста, волосы черные, зачесывает назад, глаза черные, носит форму красноармейца (фуфайку, ватные брюки, шапку-ушанку, вооружен ППД). Вся эта группа на выполнение задания ушла в г. Ленинград по льду через Финский залив в день большого налета вражеских самолетов на Ленинград 4.04.42 г.

Нами приняты меры розыска и задержания разведчика Печалина Николая и волховской группы.

Спецсообщение Тихвинского райотдела УНКВД по Ленинградской области № 852 в УНКВД области о целесообразности организации радиоигры с немецкой разведкой под условным наименованием «Кварц» ***5 мая 1942 г.***

Тихвинская группа разведчиков получила от германской разведки задание:

1. Вести систематическое наблюдение <за> железнодорожной станцией Вологда—Тихвин:

а) какие воинские грузы будут следовать, с каким грузом;

б) будет ли поступать американское, английское вооружение.

2. Какие части расположены в Тихвине, номера этих частей, фамилии командиров не ниже командиров дивизий.

3. Установить количество аэродромов и какие виды авиации расположены на них.

4. Как бойцы РККА относятся к противохимическому имуществу (ношение противогазов).

. 5. Ведется ли подготовка к химической войне.

6. Установить, какой новый миномет поступил на вооружение и как он применяется.

7. Выяснить, какое движение следует по шоссе Вологда—Тихвин.

При инструктаже особое внимание уделяли установлению возрастного состава Красной Армии, степени его обученности (кадров, запаса), морального состояния командного, рядового состава.

По заданию немцев группа, применяясь к условиям, должна нанять квартиру на окраине города или в ближайшей деревушке без прописки.

Должна вести разведку путем личного наблюдения и контакта с военнослужащими. Срок действия группы ограничен датой 10 июня 1942 г. — днем намеченного немцами взятия Тихвина.

В случае задержки наступления немецких войск группа после 10 июня с.г. переходит линию фронта самостоятельно.

Питание раций, которой снабжена группа, рассчитано на 76 часов работы.

Установлено, что немцы дважды вызывали позывные группы.

Считаем целесообразным начать связь 7 мая, сообщив о благополучной посадке, сборе группы, жалобой <об> отсутствии продуктов.

Повторную связь дать 9 мая, сообщив о найме квартиры и болезни одного участника группы.

Дальнейшие мероприятия полагаю наметить после , получения указаний Управления особого отдела и Ваших, поставив целью дезинформацию противника.

Вцелях поиска второй группы в район Волхова направляю опергруппу с одним из участников тихвинской группы для личного опознания выброшенных.

Спецсообщение Тихвинского райотдела УНКВД по Ленинградской области № 386 в УНКВД области о задержании группы агентов-парашютистов немецкой разведки и целесообразности организации радиоигры с противником 8 мая 1942 г.

7 мая, 20 часов 30 мин. В Тихвине задержаны два немецких разведчика из волховской группы: радист Юшков Леонид Александрович, старший группы Куликов Гурий Алексеевич, уроженец Ленинграда, лесгафтовец, выброшенные парашютистами вместе с тихвинской группой. Третий участник группы Жаворонков Павел при приземлении от группы отстал и не обнаружен. Данная группа имела задание, базируясь <в> районе Сырецкое — левобережье реки Волхова, вести разведку, добывая следующие данные:

1. Устанавливать количество, направление эшелонов с военным снаряжением и людьми, устанавливать характер грузов, следующих по железным и шоссейным дорогам Лодейное поле — Волхов и Волхов — Мга.

2. Устанавливать грузопотоки и их характер, идущие по водным путям.

3. Добыть данные о располагающихся воинских частях в г. Волхов и его окрестностях, роде оружия, количестве людей.

4. Установить наличие в составе РККА рабочих, мобилизованных с оборонных заводов.

5. Собирать данные о политических настроениях среди бойцов РККА.

6. Установить степень подготовленности РККА к химической войне, есть ли специальные химические подразделения, какова обеспеченность бойцов противогазами.

7. Установить место расположения аэродромов, количество самолетов в районе Волхова.

Добытые данные должны были передаваться через рацию с позывными «ЛИГ» (вызывающий ГНЛ), время связи — 13 час. ежедневно. Конечный срок с работой группы определен 10—14 июня, днями предполагаемого захвата немцами Волховского района.

В случае задержки наступления немецких войск или в случае порчи рации группа обязана перейти линию фронта в сторону немцев, используя пароль: «Айнс их бин дойтще агент полковник Петерсон» (в случае порчи рации группа должна работать две недели для сбора разведданных). Видимо, по ошибке штурмана самолета группа была выброшена <в> районе Липной горки,

около д. Марково Тихвинского района, в связи с чем, не найдя третьего участника группы и потеряв ориентировку при отеутствии компаса, рация была радистом спрятана в лесу, и группа решила войти в Тихвин. Изобличенный имевшимися данными, полученными от Голованова, старший группы Куликов сообщил обстоятельства его предыдущей ходки из Стрельно, по льду Финского залива в Ленинград с 26 февраля по 8 марта 1942 г. с заданием изучения настроения населения, путей получения снабжения, мест расположения зенитных установок, количества и характера производства заводов, работающих на оборону. Ходка в Ленинград была осуществлена под руководством немецкого разведчика Виктора Александровича по кличке «Вотька», бывшего третьего штурмана БГМП, плававшего на грузопассажирском судне (стаж 10 лет), проживавшего в Ленинграде, ул. Слуцкого (не точно), имя жены Тося, отец жены умер, приметы Виктора: рост около 170 см, шатен, плотного телосложения, походка быстрая, <во> время пребывания <в> Ленинграде Виктор приобрел для Куликова командировочное удостоверение на имя краснофлотца, прибывшего из Кронштадта в Ленинград с посыльного судна «Перна» (не точно), командировка была заверена печатью посыльного судна. Виктор с женой посетил квартиру Куликова и его жены Марии Петровны по адресу: Моховая, 32, кв. 13, пробыв у них около часа. <В> данное время Виктор <с> двумя немецкими агентами, бывшими краснофлотцами Толей и Сашей, находится в Ленинграде с 4 апреля, имея задание организовать оседание в городе одного участника группы. Полагая возможную связь Куликовой Марии с женой Виктора Александровича, допрос первой и дальнейший розыск остальных участников без ее ареста нежелателен. Допрос арестованных продолжается, 8 мая выезжаем <на> поиски рации, парашютов в целях дальнейшего развертывания дезинформационной работы немецкого командования путем работы двух радиостанций «противника». Полагаю целесообразным после ее нахождения установить последнюю в Волхове в целях перекрытия «данных» тихвинской группы.

Из докладной записки УНКВД по Ленинградской области № 776 в НКВД СССР о результатах розыска немецких агентов в районе городов Тихвина и Волхова и проведении радиоигры с противником (дело «Кварц»)

11 мая 1942 г.

27 апреля после предупредительного звонка по телефону в Особый отдел 5-й сд ВВ НКВД г. Тихвин в форме мл. лейтенанта

Красной Армии явился Голованов Иван Сергеевич с заявлением, что он является немецким разведчиком, сброшенным на парашюте с самолета в ночь на 26 апреля с.г.

В подтверждение своего заявления он предъявил удостоверение личности на имя Голованова Ивана Сергеевича, состоящего на службе в 225-м сп в должности командира минометной батареи, выданное 5 октября 1941 г. за № 2369, заверенное гербовой печатью 225-го сп, и 3 экземпляра командировочных предписаний за № 164 с датами выдачи — 24 апреля, 8 мая и 22 мая, предписывающих явиться к коменданту г. Тихвина для получения инженерного имущества.

По сообщению Голованова, удостоверение и командировочные предписания он получил в штабе немецкой разведки фронта.

Задержанный и допрошенный Голованов о себе показал, что он — Голованов Иван Сергеевич, 1915 г. рождения, уроженец Челябинской области, Курталишенского района, с. Пеперино, русский, гражданин СССР, из крестьян-середняков, член ВЛКСМ с 1937 г., образование среднее, окончил 2 курса Педагогического института в г. Магнитогорске, женат. С 1936 г. в Красной Армии в должности кузнеца, в 1939 г. поступил в школу младших лейтенантов. С ноября мл. лейтенант Красной Армии, командир минометной батареи 1-го батальона 533-го сп 128-й сд. В финскую кампанию имел ранение в ногу.

<…>

22 июня 1941 г. батальон, в котором служил Голованов, находился в 4 км от м. Серея, где принял на себя удар наступающей германской армии. Израсходовав боеприпасы, ввиду отсутствия подвоза последних бойцы, в том числе и Голованов, начали отход до м. Алитус, где встретили штаб и командование полка, причем командир полка заявил, что полк в окружении и нужна круговая оборона. 23 июня Голованов расстрелял остаток мин, части продержались без отхода до 25 июня при недостатке продуктов. С разрешения командира 1-й стрелковой роты Топоркова Голованов пошел с бойцами на поиски продуктов, где они были отрезаны немецкими мотоциклистами от своей части. После блужданий по лесу и переправы через р. Неман 29 июня около м. Нешакайцы Голованов вместе с лейтенантом Круповым были взяты в плен. Из Нешакайц пленные были переведены в Арапы и после 10-дневного содержания переведены в г. Сувалки, откуда через сутки переведены в общий лагерь для военнопленных в г. Граве.

21 июля в лагере был произведен отбор командного состава в количестве 500 человек, в том числе был отобран и Голованов,

которых впоследствии отправили в лагерь военнопленных в г. Хаммельбург (Бавария). В Хаммельбургском лагере для военнопленных Голованов находился до 10 января 1942 г. В январе в лагере немецкое командование начало производить запись военнопленных — уроженцев Урала, в этот же список был включен и Голованов. Через несколько дней Голованов был вызван к майору генерального штаба немецкой армии, который предложил ему «бороться против большевиков», Голованов ответил положительно. Здесь же им были заполнены 2 анкеты: одна — на русском языке, другая — на немецком. По показаниям Голованова, в конце анкеты русским текстом было написано: «Я желаю бороться против большевиков», — после этих слов он расписался и поставил оттиски двух пальцев правой руки и одного пальца левой руки.

Получив поручительства от неких: Латыпова, начальника полицейского блока, в прошлом лейтенанта Красной Армии, командира взвода разведывательного батальона 128-й сд, и Лефиса, рядового полицейского, в прошлом капельмейстера 533-го сп 128-й сд, Голованов был зачислен в «группу по борьбе с большевиками», после чего 10 января 1942 г. всю эту группу направили в г. Варшаву, в школу немецких разведчиков.

Об обстоятельствах своего пребывания в Варшавской разведывательной школе Голованов на допросе 5 мая с.г. показал: «В Варшаву мы прибыли 13 января 1942 г. вечером, а утром всю группу в 46 человек собрали в классе, где немецкий ротмистр нам объяснил, что мы будем заниматься в школе разведчиков, причем часть будет заниматься по изучению радио, а часть — по линии разведки. Далее этот ротмистр (фамилия его мне не известна) заявил, что, кто из нас неспособен для разведывательной работы, пусть заявит, ему дадут другую работу.

Основными дисциплинами в школе являлись: агентурная разведка, способы распознавания оборонных объектов, расположения войсковых частей, их вооружение, боеспособность, а также способы приема и передачи по рации. Преподавателями по агентурной разведке были военнопленные, бывшие командиры Красной Армии: один — подполковник по кличке «Шавгунов» Василий Павлович, другой — подполковник под кличкой «Быков», фамилия, имя, отчество его мне не известны. Радиодело преподавали: Мюллер — ефрейтор немецкой армии, который рассказывал мне, что ранее он проживал в Польше, до войны между СССР и Германией бывал в Москве, хорошо знает польский язык, русский язык — с акцентом украинца; «Ефремов» — кличка, фамилию, имя, отчество его я не знаю, по национальности финн, является советским военнопленным; еще один немец в летной

форме — занимался нашей группой примерно дня четыре.

Всего в школе было 6 групп: одна группа в количестве 60 разведчиков и 5 групп радистов: в двух группах было по 12 человек, в одной — 10 человек, и в остальных 2 группах было не более 10—12 человек.

Всего в школе разведчиков было примерно 115 человек вместе с преподавательским и техническим составом. Выпуск разведчиков в этой школе происходил через каждые 4—5 недель. Первый выпуск разведчиков в Варшавской школе был произведен в первых числах января 1942 г.».

На этом же допросе Голованов дал показания об известных ему немецких разведчиках, обучавшихся в Варшавской школе.

По окончании школы Голованова совместно с также обучавшимся в Варшавской школе Юшковым Леонидом и двумя женщинами-эстонками отправили на самолете в г. Ригу, куда они прибыли 11 апреля с.г. 13 апреля с.г. Голованов с Юшковым на автомашине были направлены в г. Псков.

Далее Голованов показал, что в Пскове были созданы 2 группы, в одну из которых входили Голованов и обучавшиеся вместе с ним в Варшавской школе разведчики Печалин Николай и Захаров Николай, в другую группу Юшков, разведчики Жаворонков Павел и еще один по имени Гурий.

Обе группы предназначались для выброски в тыл Красной Армии.

25 апреля 1942 г. обеим группам перед посадкой в самолет были поставлены следующие задачи разведывательного характера в тылу Красной Армии:

1. Наблюдение за количеством, продвижением воинских и гражданских эшелонов по железной дороге Тихвин — Вологда и обратно, Волхов — Лодейное Поле.

2. Какие и куда поступают воинские части, их вооружение: желательно знать номера частей и фамилии их командиров.

3. Какое воинское имущество перевозится по железным дорогам Вологда—Тихвин, Волхов — Лодейное Поле, обращая внимание, поступает ли американское или английское вооружение.

4. Наблюдение за движением воинских частей и грузов, проходящих по шоссейной дороге с Вологды на Тихвин.

5. Установить, какие воинские части находятся в г. Тихвине и г. Волхове, номера войсковых частей, а также желательно знать фамилии командиров. Когда воинские части сформированы, возрастной состав этих частей.

6. Установить количество аэродромов и типы самолетов: бомбардировщики, истребители или штурмовики.

7. Какая авиационная часть расположена — полк или авиабригада, и количество самолетов.

8. Какие имеются новые минометы и поступают ли они на вооружение Красной Армии.

9. Выяснить возможности применения Красной Армией отравляющих веществ.

10. Отношение в войсковых частях к химическому имуществу. Содержание химического имущества, имеют ли бойцы и командиры при себе противогазы.

По поводу полученного им от немецкой разведки инструктажа о поведении в тылу Красной Армии Голованов на допросе 5 мая с.г. показал:

«После прибытия на советскую территорию мы должны были быть на нелегальном положении. Мы должны были вести себя следующим образом: устроиться на проживание где-либо на окраине города, познакомиться с женщиной, войти с ней в интимную связь, желательно с машинисткой, работающей в войсковых частях или на других серьезных объектах, имеющих оборонное значение».

На допросе 2 мая с.г. Голованов сообщил приметы выброшенных вместе с ним с самолета немецких разведчиков. Голованов показал:

«В состав моей группы, кроме меня, входили еще два человека:

1. Печалин Николай, отчество не известно, возраст 25—26 лет, среднего роста, лицо немного сухощавое, волосы черные, телосложение среднее. При разговоре верхняя губа дергается. Выброшен в форме красноармейца: шапка-ушанка, военный дубленый полушубок с черным воротником, кожаные сапоги, легкая рубашка, заношенные комсоставские брюки, ватная фуфайка темно-синего цвета, сумка от противогаза и винтовка русского образца.

2. Захаров Николай, отчество не известно, возраст 26—27 лет, рост выше среднего, упитанность хорошая, лицо смуглое, цвет волос каштановый. При разговоре прищуривает левый глаз. Выброшен в красноармейской форме: шапка-ушанка, заношенная шинель, кожаные сапоги, подбитые немецкими морозками.

В состав второй группы, которая с нашего же самолета была выброшена в районе Волхова, входили:

1. Юшков Леонид, отчество не известно, радист, возраст 32 года, рост средний, упитанность плохая, имеет болезненный вид, лицо бледное, цвет волос каштановый, выброшен в форме красноармейца: шапка-ушанка, заношенная шинель, фронтовые петлицы, пришитые шелковыми нитками, петлицы из

комсоставской пилотки, кирзовые сапоги, летнее обмундирование. Кличка — «Помидоров». Окончил Варшавскую школу радистов.

2. Павел, отчество и фамилия не известны, возраст 26—27 лет, рост ниже среднего, упитанность хорошая, лицо смуглое, цвет волос черный, выброшен в форме красноармейца: шапка-ушанка, заношенная шинель, ватные брюки, фуфайка, красноармейское летнее обмундирование, бывший старшина.

3. Гурий, отчество и фамилия не известны, возраст 35—36 лет, рост выше среднего, упитанность плохая, лицо суховатое, цвет лица белый, цвет волос каштановый, сутулый. Проживал раньше в Ленинграде, где в настоящее время находится его жена. Выброшен в форме лейтенанта Красной Армии. Имеет на руках удостоверение среднего командира. На удостоверении фотокарточка, где он снят в форме мл. лейтенанта, а удостоверение выдано лейтенанту. Он является старшим группы, рация должна работать в 13 часов московского времени».

По полученной от Голованова ориентировке о месте его приземления в Тихвинском районе ОО НКВД 5-й стрелковой дивизии НКВД в том направлении была выслана легковая автомашина с оперативным составом и Головановым на случай возможного опознания и задержания остальных выброшенных с самолета разведчиков.

Недалеко от юго-западной окраины г. Тихвина Голованов, указав на отдыхающего возле дороги человека в красноармейской форме, заявил, что это немецкий разведчик Захаров.

Проверкой документов было установлено, что это действительно Захаров, после чего он был задержан и доставлен в ОО НКВД 5-й стрелковой дивизии.

При задержании у Захарова было отобрано:

1. Три командировочных удостоверения на сроки: а) с 24 апреля по 8 мая; б.) с 8 мая по 22 мая; в) с 22 мая по 6 июня.

Все на имя Захарова Николая Алексеевича для предъявления коменданту г. Тихвина. Все пропечатаны гербовой печатью 225-го стрелкового полка.

2. Денег советскими знаками на сумму 3090 рублей.

3. Сумка противогазовая с продуктами питания: сливочное масло, консервы, хлеб черный кирпичиками.

На допросе задержанный Захаров о себе показал, что он — Захаров Николай Алексеевич, 1918 г. рождения, уроженец Татарской АССР, Акташского района, с. Большой Батрас, из крестьян, образование 3 класса, беспартийный, русский, гражданин СССР, не судим. В СССР имеет родственников.

До 1933 г. проживал в колхозе вместе с матерью, с 1933 по

1938 г. работал чернорабочим горкомхоза, подсобным рабочим лесозавода, прессовщиком деревообрабатывающей фабрики «Красная ветка» и перед призывом в Красную Армию помощником мастера фабрики «Красноволжская мануфактура» в Ивановской области.

После призыва в Красную Армию в 1938 г. был зачислен в кавалерийскую часть, расквартированную вблизи Минска. Там же окончил артиллерийские спецкурсы. После окончания спецкурсов служил в укрепленном районе около Минска. В 1939 г. был направлен в воинскую часть около Гродно, где находился до начала военных действий между СССР и Германией.

27 июня 1941 г. взят в плен немецкими войсками в бою у м. Сапоцкино. Отвечая на вопрос следователя об обстоятельствах его пленения немцами, Захаров НА. на допросе 6 мая 1942 г. показал:

«27 июня 1941 г. в м. Сапоцкино блокировали ДОТ, в котором был расквартирован 54-й гарнизон в количестве 18 человек, и взорвали его. Взрывом убило всех, за исключением меня и лейтенанта Торохова Николая. После этого немцы отправили меня в лагерь для военнопленных в г. Гродно. Лейтенанта Торохова Николая отправили в другой лагерь, после этого я никогда его больше не видел».

О своем пребывании в Гродненском лагере для военнопленных Захаров на допросе 1 мая с.г. показал:

«После того как я попал в плен к немцам и после моего излечения в госпитале военнопленных, я примерно 10—12 июля 1941 г. был направлен в лагерь военнопленных, находящийся в пригороде г. Гродно. Во время нахождения в Гродненском лагере для военнопленных я в начале ноября 1941 г. был вызван к немецкому офицеру. Здесь он меня спросил мою фамилию, имя, отчество, где я родился и где у меня находятся родственники. Записал их адреса, где я работал и другие вопросы биографического характера. Примерно дней через 4—5 этрт же офицер вызвал меня к себе и сразу же предложил мне поступить работать в гражданскую полицию, которая служит для наблюдения и сохранения порядка в занятых немцами районах Советского Союза. При этом он мне заявил, что вот я нахожусь такое длительное время в лагере и пора бы подумать и изменить свое положение. При этом он мне предложил, что если я поступлю работать в гражданскую полицию, то буду жить свободно на отдельной квартире, получать лучшее питание и жалованье. Я, чтобы не влачить свое жалкое существование в лагере, на предложение офицера согласился. В этот вызов немецкий офицер предложил мне подписаться, что было написано в документе, я не знаю. В тот момент, когда меня

вызвал немецкий офицер, я не знал, почему именно меня избрали для этой работы, но, как мне потом стало известно из разговора с военнопленным Тарасовым, так это будто бы он дал мой номер немецкому офицеру (все военнопленные в лагере имели свой номер, у меня он был 750), тем самым рекомендовал меня на эту работу. 19 ноября 1941 г. нас, группу отобранных для этой цели, вызвал еще раз офицер, который нам заявил, чтобы мы завтра готовы были к отправлению, куда они нас отправляют, нам в этот день не говорили. На следующий день нас — всю группу в 20 человек — посадили на машину и направили в лагерь Гогенштейн».

О своем пребывании в лагере Гогенштейн (название немецкого города) Захаров на допросе 6 мая с. г. показал:

«В лагере Гогенштейн нам пришлось пробыть 3 месяца в связи с тем, что в лагере свирепствовала эпидемия сыпного тифа. Будучи в лагере, мы на работу не ходили, а проводили время за картами, больше ничего не делали.

В последних числах января 1942 г. в лагерь приехал немецкий ротмистр, выстроил нас и заявил: «Ребята, я. приехал за вами».

После этого он познакомился с каждым из нас в отдельности в присутствиивоеннопленного Иванова Григория, у которого был псевдоним «Березин». В беседе ротмистр интересовался соц. происхождением — рабочий или крестьянин, сколько земли имели — и после этого давал клички, которые записывал на листке бумаги. Мне была присвоена кличка «Ландышев». Когда ротмистр знакомился с нами, то в каждом случае спрашивал мнение Иванова, который как бы подтверждал благонадежность каждого. После этого назавтра нас покормили, переодели и поездом направили в Варшаву».

Отвечая на вопрос следователя: «Каким образом вы дали согласие быть немецким разведчиком?» — Захаров заявил:

«Приняв кличку „Ландышев“, я не знал, что этим самым из меня готовят немецкого разведчика, но когда я прибыл в Варшаву, в школу разведчиков, мне стало ясно, что меня готовят на немецкого разведчика для шпионской работы на территории Советского Союза».

О структуре Варшавской школы разведчиков и обучавшемся там контингенте Захаров на допросе 6 мая с.г. показал:

«Школа немецких разведчиков находилась около Варшавы, в дачном месте, в 10 километрах от Варшавы. Классами служили бараки, сбитые из досок. Охрана школы была в ночное время. Отлучки из школы нам не разрешались. В школе немецких разведчиков обучалось до 100 человек, исключительно пленные

бойцы Красной Армии.

Начальником школы был немецкий ротмистр, фамилии я его не знаю, педагогов в школе было всего двое, в прошлом командиры Красной Армии, полковник Быков и подполковник Шалгунов. Были ли это их настоящие фамилии или псевдонимы, не известно.

В школе обучали умению пользоваться компасом и картой, распознавать направление передвижения войск, их рода и количество. Наглядными пособиями служили схемы и плакаты построения дивизии Красной Армии, схемы танков, построения танковой дивизии и прочее. Во время обучения в школе мы носили французскую форму».

В школе разведчиков Захаров проучился до 16 февраля 1942 г., то есть примерно 2 недели. После окончания школы разведчиков группу окончивших, в том числе и Захарова, переодели в бельгийскую форму и отправили поездом до Риги; от Риги на автомашине в количестве 27 человек направили в Псков. В Пскове выделили группу в количестве 4 человек: Захаров, Печалин Николай Дмитриевич, Самсонов Григорий, Жаворонков Павел — и отправили на ст. Сиверскую Ленинградской области.

По показаниям Захарова, указанная группа прибыла в Сиверскую 20 апреля 1942 г., на другой день, якобы по вызову штаба разведки 18-й немецкой армии, была направлена в Псков.

25 апреля с.г. в Пскове данная группа получила задание вылететь на самолете в район г. Тихвина. В этот же день в 24.00 с Псковского аэродрома группа вылетела на самолете на советскую территорию.

Отвечая на вопрос следователя, кто с ним был в самолете, когда их перебрасывали к Тихвину, Захаров показал:

«Совместно со мною была наша группа из 3 человек и волховская группа, также из 3 человек. В первой группе старшим был Иван, фамилии его я не знаю, — радист, Печалин Николай Дмитриевич — разведчик и я — разведчик; во второй группе, сброшенной в районе Тихвина, были: Гурий — старший, он же разведчик, Жаворонков Павел — разведчик и Леонид, фамилии не знаю, — радист. Выброшены они были раньше нас минут на 10».

О полученных им от немецкой разведки заданиях Захаров на допросе 6 мая с.г. показал:

«Нами были получены следующие задания:

а) Наблюдать за движением эшелонов Вологда-Тихвин.

б) Наблюдать за шоссейными дорогами Вологда-Тихвин.

в) Установить, какое количество аэродромов около Тихвина, строятся ли новые аэродромы.

г) Установить фамилии командиров полков и дивизий, моральное состояние их бойцов, возраст, их происхождение, рабочий или крестьянин, их места призыва.

д) Как бойцы и командиры Красной Армии готовятся к химической войне, носят ли они противогазы, противохимические накидки».

По показаниям Захарова, волховская группа имела те же задания, только плюс к ним в ее задачу входило наблюдение за Мурманской железной дорогой, не прибывают ли английские и американские военные грузы, их род и количество. Об условленном порядке передачи собранных шпионских сведений и сроке пребывания в тылу Красной Армии Захаров на этом допросе показал:

«Собранные шпионские сведения мы должны были передавать по имеющейся у нас рации. Время работы рации — 11 час. 30 мин. по московскому времени. Связь должна поддерживаться с Псковом и Варшавой.

Мы имели задание арендовать вблизи Тихвина у каких-нибудь стариков комнату, бывать на вокзале, знакомиться с военными на вокзалах и получать от них интересующие немецкую разведку сведения. Питаться мы должны были за счет того, что сумеем купить у местного населения. При условии работы рации мы должны были находиться в г. Тихвине до 10 июня с.г., командование немецкой разведки нас заверяло, что Тихвин ими будет взят до 10 июня 1942 г. В случае, если рация не будет работать, то мы до 15 мая 1942 г. должны вернуться в штаб немецкой разведки в г. Пскове. Для перехода линии фронта нам был дан пароль: «Я немецкий агент, скорее ведите меня к офицеру». Этот пароль должен быть сказан на немецком языке, причем при объяснении с офицером мы должны были добавить, что мы агенты 18-й армии с добавлением «Айнс».

На допросе 28 апреля 1942 г. Захаров дал следующие показания об известной ему группе немецких разведчиков, находящихся в Ленинграде:

«Мне известно, что сейчас в Ленинграде находится группа в составе 3 человек, фамилии которых я не знаю, но знаю, как их звать. Старший в этой группе Виктор Александрович, возраст примерно 32—35 лет, имел морское звание ст. лейтенанта, был командиром советского военного корабля (раньше принадлежал Эстонии), название его не помню. До призыва в Красную Армию проживал в Ленинграде, имел свою легковую машину. Носит форму старшего лейтенанта. При себе имеет бельгийский пистолет. Жена его проживает в Ленинграде.

Кроме него, Александр, отчества и фамилии не знаю,

проживал до армии в Ленинграде, работал на Ленинградском оптическом заводе. Точнее, могу указать, что он проживал в Ленинграде по ул. Красных Ткачей, возраст примерно 1915—1916 гг. рождения. Третий в группе был Анатолий, отчества и фамилии его я не знаю, раньше проживал в Ленинграде, до плена служил в Военно-Морском Балтийском флоте. Вся группа ушла в Ленинград по льду Финского залива в тот день, когда был большой налет вражеской авиации на Ленинград, то есть 4 апреля с.г., вечером».

7 мая с.г. в Тихвине был опознан Голованом, обезоружен и задержан старший волховской группы немецких разведчиков Куликов Гурий Алексеевич, 1908 г. рождения, уроженец г. Ленинграда, русский, гражданин СССР, член ВКП(б) с 1930 г., из крестьян, окончил Институт физической культуры им. Лесгафта, до призыва в Красную Армию работал в институте им. Лесгафта преподавателем по легкой атлетике.

При обыске у Куликова отобрано: денег советскими знаками 3070 рублей, револьвер системы «наган» и 25 патронов к нему, удостоверение личности на его имя и 3 командировочных предписания (документы все заверены печатью 325-го стрелкового полка), часы ручные, опасная и безопасная бритва, топографические карты Волховского района, полевая и противогазная сумки, хлеб, консервы, табак и др.

При задержании Куликов сообщил, что с ним в Тихвине находится второй член волховской группы радист Юшков. Последний вскоре нами был задержан и на допросе показал, что он: Юшков Леонид Александрович, 1909 г .рождения, уроженец Башкирской АССР, Краснокамского района, с. Никола-Березовка, русский, гражданин СССР, беспартийный, из рабочих, образование 7 классов, до призыва в Красную Армию работал заведующим продовольственным складом в г. Уфе.

При обыске у Юшкова отобрано: командировочные предписания — 3 штуки, заверенные печатью 225-го сп, денег — 2900 рублей сов. знаками, часы ручные, сумка от противогаза и др.

На допросах Куликов и Юшков показали, что с группой из 6 военнопленных, завербованных немецкой разведкой, в ночь на 26 апреля с.г. вылетели на транспортном самолете с Псковского аэродрома с целью выброситься на парашюте одной группе под руководством Куликова в составе Юшкова Леонида и Жаворонкова Павла (не установлен) в Волховском районе, другой группе под руководством Голованова в составе Захарова Николая и Печалина Николая (не установлен) в Тихвинском районе. Очевидно, по ошибке летчика группа Куликова была выброшена в

районе дер. Маркове Липногорского сельсовета Тихвинского района. После приземления Куликов и Юшков сразу же нашли друг друга, а Жаворонков потерялся.

Об их поведении после приземления на нашей территории Куликов показал:

«С 25 апреля по 7 мая я и Юшков жили в лесах; первоначально в районе приземления, а затем в районе Липной Горки. 7 мая с.г., в связи с тем, что у нас вышли продукты питания, электропитание к радиостанции осталось у Жаворонкова, которого мы искали 2 дня, но безрезультатно, мы решили пойти в г. Тихвин, чтобы добыть пищу. В г. Тихвин прибыли поздно, в 19—20 часов. Решили ночевать. Узнав о том, что ночевать можно только с разрешения военного коменданта, а пойти к нему мы не рискнули, боясь быть разоблаченными, мы решили тогда разыскать моего родственника Пестрикова Николая Петровича, работающего в областном управлении милиции, и переночевать у него, но во время розыска мы были задержаны и разоблачены».

В областном управлении милиции действительно работает старшим оперуполномоченным ОБХСС Пестриков Николай Петрович, являющийся братом жены Куликова. Во время розыска Пестрикова Куликов был задержан. Вскоре был задержан и Юшков, ожидавший Куликова в сквере на площади.

На допросах Куликов показал, что он, будучи призван в Красную Армию 4 июля 1941 г. и находясь в 264-м артиллерийско-пулеметном батальоне в качестве помощника командира роты, имел звание младшего лейтенанта Красной Армии, в бою под старым Петергофом (в районе деревень Сашино, Костино и Санино) попал в окружение и с группой красноармейцев сдался в плен немецким войскам. Имевшийся при нем партийный билет якобы спрятал в землянке. После пленения Куликов в течение 7 дней содержался в пересыльном пункте в пос. Беззаботное (в 15 км от ст. Петергофа), затем был направлен на пересыльный пункт военнопленных в Красное Село, где также пробыл 7 дней. Из Красного Села Куликов якобы был направлен на пересыльный пункт в с. Выру Красногвардейского района, где собралось 80 военнопленных командного состава. В конце октября 1941 г. в Выру приехал офицер, по национальности русский, назвавший себя Владимиром Николаевичем, который из командного состава военнопленных отобрал ленинградцев. Такими оказались Куликов и некто по имени Вася. Владимир Николаевич якобы предложил Куликову и Васе работать с ними и тем самым улучшить свое положение. Куликов и Вася дали свое согласие. Как, где и на кого работать, Владимир Николаевич

якобы им не говорил, и они его об этом не спрашивали. Никаких подписок о сотрудничестве с немецкой разведкой Куликов якобы не давал и считает вербовкой указанное предложение Владимира Николаевича. В начале ноября Владимир Николаевич перевез Куликова и Васю в Сиверскую, где их поместили в доме кузнеца, жена которого, Мария Яковлевна, — финка.

В одной из комнат этого дома проживал некто Владимир Яковлевич, которому Владимир Николаевич и передал Куликова и Васю.

В середине ноября Владимир Яковлевич заполнил на них анкеты и предложил выбрать псевдонимы, которыми в дальнейшем пользоваться, не называя своих фамилий. Куликов взял кличку «Пестриков». Подписок якобы также никаких не давали. В течение ноября, декабря, января и февраля их якобы использовали на всяких хозяйственных работах. В конце февраля Владимир Яковлевич предложил Куликову пойти в Ленинград в качестве провожатого с немецким разведчиком Виктором Александровичем со шпионским заданием. Он согласился и задание выполнил.

По показаниям Голованова и Захарова нам известно, что в конце февраля с.г. Куликов был в Ленинграде по заданию немецкой разведки. Однако Куликов это упорно отрицал и только после длительного запирательства показал, что по заданию немецкой разведки (штаб в Сиверской) он переходил линию фронта в Ленинград с заданием:

1. Изучить настроение населения Ленинграда.

2. Узнать, откуда и каким путем поступает продовольствие для ленинградцев.

3. Сколько и где расположено зенитных установок в г. Ленинграде.

4. Выяснить, какие заводы и фабрики работают и какие не работают.

Эти задания Куликовым были выполнены. Переход был осуществлен 26 февраля с.г. от Стрельно на лыжах по льду Финского залива в ночное время. Обратно перешли 8 марта с.г. из Лахты в Стрельно также по льду Финского залива. Пароль был «Роза».

Куликов ходил на выполнение шпионского задания под руководством немецкого разведчика Виктора Александровича. Виктор Александрович, кличка «Вотька», около 35 лет, в Ленинграде имеет семью, проживающую по ул. Слуцкой, где он и останавливался. До войны Виктор Александрович в течение 10 лет работал в Совторгфлоте, плавал на теплоходах загранплавания в качестве 2-го или 3-го помощника капитана. Во

время войны служил в Морском флоте в качестве среднего командира. Попал в плен под Ораниенбаумом.

Приметы Виктора Александровича: рост около 170 см, шатен, плотного телосложения, походка быстрая, лицо продолговатое, острый нос, серые глаза.

Во время пребывания в Ленинграде Виктор Александрович приобрел для Куликова командировочное удостоверение на имя краснофлотца, прибывшего из Кронштадта в Ленинград с посыльного судна «Перна» (не точно). Командировки были заверены печатью посыльного судна.

В период с 26 февраля по 8 марта с.г. Виктор Александрович с женой Тосей посетил квартиру Куликова и его жену Марию Петровну (Моховая, 32, кв. 13), пробыв у них около часа.

В данное время Виктор Александрович с двумя немецкими агентами, бывшими краснофлотцами Толей и Сашей, находятся в Ленинграде.

По этому вопросу Куликов на допросе 7 мая с.г. показал:

«4 апреля с.г. Виктор Александрович с двумя рядовыми разведчиками ушел из Сиверской через Стрельно и Финский залив по льду в Ленинград для сбора шпионских сведений для немецкой разведки. До моего отъезда из Сиверской не возвращался. С ним же ушли 2 военнопленных, бывшие краснофлотцы Саша и Толя. О Саше мне известно, что он работал токарем в Ленинграде. Имеет жену и дочь. Приметы Саши — средний рост, круглолицый, нос нормальный, немного вздернутый, глаза серые. Несколько металлических зубов.

Приметы Толи — рост высокий, волосы черные, зачесаны назад, лицо румяное, загорелое и продолговатое. Что-то вспоминал про Орловскую губернию: или сам уроженец Орловской губернии, или имеет родственников, проживающих там. По специальности — электромонтер».

На следствии Куликов ведет себя неискренно, многое скрывает.

Юшков на допросе 7 мая о себе показал, что он после мобилизации в Красную Армию в августе 1941 г. с воинской частью прибыл на фронт, был зачислен во вновь сформированный 487-й стрелковый полк. Через одни сутки после формирования полк вступил в бой. Юшков во время боя, якобы оказавшись отрезанным от своих, попал в окружение и был взят в плен. Далее он показал, что группу пленных в 9 человек, в их числе и его, под конвоем направили в г. Стародуб. Из Стародуба его с большой партией военнопленных направили в Гомель в лагерь военнопленных, там пробыл около 3 недель и с эшелоном военнопленных был направлен в лагерь в г. Волковыск. В этом

лагере немцы проводили отбор радистов. Юшков, обучавшийся радиоделу во время одного из лагерных сборов Красной Армии, заявил об этом, и его с группой отобранных лиц направили в лагерь для военнопленных в г. Гогенштейн (Восточная Пруссия). В лагере Гогенштейна немецким командованием проводились опросы военнопленных, интересовались социальным происхождением. При одном из таких опросов Юшков, якобы желая получить какую-нибудь работу, заявил, что он сын торговца, в то время как сам из рабочих, был отобран и направлен в лагерь военнопленных в г. Варшаву. Это было в конце февраля 1942 г. В Варшавском лагере Юшков был вызван немецким офицером, от которого получил предложение заниматься разведывательной деятельностью на территории СССР в пользу Германии. Юшков принял это предложение, якобы имея в виду таким путем попасть на неоккупированную часть территории СССР. После этого Юшков был сфотографирован, и немецким офицером на него была заполнена анкета.

Дальнейшие обстоятельства обучения Юшкова в , Варшавской школе разведчиков и дальнейшая переброска его на самолете в район Тихвина отражены в показаниях Голованова.

Таким образом, из обеих групп разведчиков, выброшенных в районе Тихвина и Волхова, остались незадержанными двое: из тихвинской группы Печалин Николай и из волховской группы — Жаворонков Павел. Меры к их задержанию приняты.

Проведенными с помощью Голованова и Юшкова розысками в районе их приземления были найдены 4 парашюта: из тихвинской группы найдены парашюты Голованова и Захарова, из волховской группы — Юшкова и Гурия (Куликова).

Найдены также две рации — Голованова и Юшкова; рация Голованова разыскана 1 мая с.г., рация Юшкова — 9 мая с.г.

Обе рации в полной сохранности, у рации Юшкова не хватает дополнительного питания, ключа, антенны и телефонов, которые остались у разыскиваемого в настоящее время Жаворонкова. Описание раций и шифра прилагаются.

Задержанные Захаров Николай и Куликов Гурий арестованы и содержатся под стражей в тюрьме № 9 г. Тихвина, арест задержанных радистов Голованова и Юшкова не оформлен по оперативным соображениям в связи с использованием их для нашей разведывательной работы в тылу противника.

Следствие ведется силами работников следственной группы УНКВД по Ленинградской области в направлении дальнейшего выявления связей задержанных немецких разведчиков и получения от них подробных данных о методах работы германской школы разведки, деятельности германских

разведывательных школ и разведпунктов германской армии, а также контингента выброшенных и предполагаемых к выброске на нашу территорию германских разведчиков.

В соответствии с полученными от вас указаниями нами с помощью Голованова 7 мая с.г. была установлена радиосвязь по его рации с радиостанцией германских разведывательных органов; 7 мая с.г. был передан следующий текст:

«Приземлился благополучно, приступаю к выполнению задания, плохо с продуктами».

9 мая с.г. нами было передано:

«В Тихвине гарнизон всех родов войск, режим строгий. Работа затруднена. Красноармейцы носят противогазы обычной носки, 53 не явился, 52 болен, продолжаю наблюдение жел. дор.» (номера выданы немецким разведчикам перед взлетом с Псковского аэродрома: 53 — Печалин, 52 — Захаров).

Следующая передача назначена на 12 мая с.г. с учетом согласования дезы с командованием Ленинградского фронта.

Дальнейшие мероприятия по делу нами разрабатываются в направлении:

1. Продолжения активных поисков выброшенных немецких разведчиков с привлечением для этой цели оперативных войск НКВД, истребительных батальонов и гражданского населения Тихвинского и Волховского районов.

2. Использования раций Голованова и Юшкова для дезориентации германских разведорганов и проведения легенд по легализации выброски нашей агентуры в тыл противника, заполучения на нашу территорию немецкой агентуры и официальных сотрудников германских разведывательных органов.

3. Составления подробной ориентировки на основании полученных показаний от Голованова, Юшкова, Захарова и Куликова о предполагаемых к выброске и выброшенных на нашу территорию немецких разведчиков.

Приложение. Протоколы допросов Голованова, Юшкова, Захарова и Куликова на 79 листах. Описание раций и шифра на 3 листах.

Зам. начальника Управления НКВД
по Ленинградской области
майор госбезопасности Макаров

Спецсообщение УНКВД по Ленинградской области № 328 в НКВД СССР об аресте в г. Тихвине немецких разведчиков *6 июня 1942 г.*

6 июня с.г. в Тихвине УНКВД ЛО арестованы два немецких разведчика:

Ястребов-Китайский Александр Александрович, 1921 г. рождения, уроженец Ростовской обл., ст. Синявская, русский, гражданин СССР, бывший красноармеец 1-й роты 68-го сп 70-й сд, разведчик-радист;

Бабак Григорий Иванович, 1921 г. рождения, уроженец Омской обл., ст. Драгунская, русский, гражданин СССР, бывший красноармеец 92-го танкового полка 46-й танковой дивизии Калининского фронта.

Ястребов-Китайский и Бабак были задержаны в комендантском управлении г. Тихвина, куда они явились для оформления командировочных документов, выданных им немецкой разведкой.

Следствием установлено, что оба разведчика в августе 1941 г. попали <в> плен к немцам и были направлены <в> лагерь военнопленных в г. Рига.

В декабре 1941 г. они были завербованы для разведывательной деятельности бывшим капитаном Красной Армии Плетневым, находящимся в плену.

После вербовки были направлены в г. Валк — школу разведчиков, которая помещается по Семинарной ул., 19.

В школе обучались с 15 февраля по 20 мая с.г., изучали радиоприем на слух, работу на ключе, шифрование.

После окончания школы разведчики от приехавшего из Пскова капитана немецкой армии фон Регенау получили инструктаж и задание:

1. Разведать укрепления и их характер на участке Вологда—Череповец—Тихвин.

2. Выявить минные поля и аэродромы, установив количество и типы самолетов.

3. Установить пути следования войсковых частей до линии фронта.

4. Выяснить, продолжает ли поступать на фронт американское и английское вооружение.

5. По каким путям доставляется вооружение к линии фронта.

Добытые данные передавать через рацию по коду на латинском алфавите, на волнах 59 и 56 метров: позывные со стороны разведчиков — «НАМ», ответ центра — «ВОЛ».

От немецкой разведки Ястребов-Китайский и Бабак получили документы: красноармейские книжки 225-го сп и командировочные предписания по маршруту Тихвин—Череповец—Вологда.

В ночь на 3 июня Ястребов-Китайский и Бабак были

выброшены с самолета на парашюте в районе г. Устюжна Вологодской обл.

Совместно с ними был выброшен третий разведчик:

Фомичев Анатолий, одет в форму воентехника 2 ранга частей связи, при себе имеет удостоверение личности и командировочное предписание 225-го сп, <в> котором указано, что он командируется на базы снабжения в Череповец, Вологду и Тихвин.

Является старшим этой группы разведчиков.

После приземления Фомичев отстал от Ястребова и Бабака, последние, зарыв рацию, направились в Тихвин.

Допросами разведчиков установлено, что школа в г. Валк подготовила к выброске в тыл Красной Армии 38 разведчиков и 7 радистов, в числе которых:

1. Карпов Николай Карпович, кличка «Гулаг», бывший ст. лейтенант Красной Армии.

2. Ботвинко Николай, кличка «Гана», бывший мл. лейтенант Красной Армии частей связи.

3. Добровольский Иван, кличка «Орел», бывший ст. лейтенант артиллерии Красной Армии.

4. Людный Кузьма, на правой руке — татуированная надпись «Кузя». На груди татуировка — изображение орла.

5. Губарь Георгий, кличка «Короленко», ранее награжден орденом Красной Звезды.

6. Сергеев Федор, бывший красноармеец. Школой руководит немец — капитан Шнеллер.

Преподаватели — доктор Шуберт, унтер-офицер Блюме, унтер-офицер Мушник, ефрейтор Летермозе.

В школе преподают также белоэмигранты по кличкам «Шамиль», «Филатьев», «Перелешин», «Садко», «Попов», последний является старшиной школы.

Ястребов и Бабак также показали, что 26 мая с аэродрома г. Сольцы Ленинградской области выброшены две группы разведчиков. Одна группа — в район г. Осташков в составе: радист — по имени Иван, кличка «Щука»; второй разведчик — Добровольский Иван; третий — Людный Кузьма.

Другая группа выброшена <в> район г. Калинина в составе: радист — <по> имени Петр; второй разведчик — <по> имени Григорий; третьего арестованные не знают.

Следствие продолжаем, меры по розыску разведчика Фомичева и рации нами приняты.

Начальник Управления НКВД по Ленинградской области комиссар государственной безопасности 3-го ранга

Кубаткин

Перечень вопросов, разработанных УНКВД по Ленинградской области для использования при допросе немецких агентов А.А. Ястребова-Китайского и Г.И.Бабака, переброшенных самолетом 2 июня 1942 г. на территорию Вологодской области и захваченных в результате проведения радиоигры «Кварц»

13 июня 1942 г.

Арестованных необходимо дополнительно допросить по следующим вопросам:

1. Подробнее об обстоятельствах пленения Бабака Г.И. и Ястребова-Китайского А.А. немецкими войсками: с кем вместе они попали в плен, судьба этих людей, не было ли в данном случае добровольного перехода на сторону немцев.

2. Подробно об обстановке в лагерях для советских военнопленных: наличие в лагерях полицейских и надсмотрщиков из среды военнопленных, каким путем подбирались немецким командованием эти лица. Имели ли место случаи отправки военнопленных в гестапо, кого именно. Производило ли немецкое командование группировку военнопленных по национальному признаку или по признаку происхождения из одной местности. Производился ли отбор радистов.

3. Каким путем производился отбор военнопленных для комплектования школ немецких разведчиков. Предшествовала ли этому какая-либо политическая обработка военнопленных, принималось ли во внимание социальное происхождение военнопленного, наличие судимостей и т.д. Требовались ли для назначения в школу разведчиков рекомендации от лиц из среды военнопленных, поступивших в полицию.

4. Как происходило оформление в школу разведчиков: заполнялись ли какие-либо анкеты, отбиралась ли автобиография, <устанавливались ли> родственные и другие связи. Характер отбираемого обязательства, когда присваивалась кличка.

Кто осуществлял вербовку, чем угрожали в случае отказа. Имело ли место фотографирование вербуемого.

5. Подробно об обстановке в Валгской школе немецких разведчиков: режим, распределение по группам, организация обучения, какие предметы преподавались, по каким пособиям. Давались ли материалы о новых типах вооружения Красной Армии. Кто преподавал, фамилии, приметы, клички. Кто занимался составлением легенд, способы легализации и т.п.

6. Подробнее о контингенте обучавшихся в Валгской школе разведчиков: кто обучался, фамилии, клички, места рождения, в каких частях Красной Армии ранее служили, внешние приметы. Кто из обучавшихся уезжал из школы на выполнение задания немецкой разведки, куда, возвращались ли. Способы переброски через линию фронта.

7. Подробно об инструктаже, который получили Бабак и Ястребов-Китайский перед выброской: поведение на нашей территории, способы легализации, каким путем собирать нужные шпионские сведения. Желательное место расположения рации, на кого из местного населения ориентироваться для подыскания квартиры. Каким путем и где встретиться после приземления на парашютах. Поведение в случае порчи рации.

По этим же вопросам допросить Бабака и Ястребова-Китайского о их поведении после приземления на нашей территории.

8. Подробнее о штабе разведки 18-й немецкой армии в г. Пскове: где расположен (по возможности дать хорошие ориентиры), состав официальных сотрудников, фамилии, звание, внешние приметы, форма одежды. Организация выдачи фиктивных документов.

Кроме вышеизложенного, необходимо тщательно допросить обвиняемых разведчиков по имеющейся ориентировке КРО УНКВД по Ленинградской области о Валгской школе, так как в процессе проведенных допросов никаких данных о них не получено.

Внести исправления в фамилию одного из руководителей разведки 18-й немецкой армии капитана фон Регенау, так как в протоколах везде ошибочно указано «фон Регенам» или «фон Регенал».

Составил: зам. нач. отделения КРО УНКВД
по Ленинградской области
лейтенант госбезопасности Шустиков

План агентурно-оперативных мероприятий по делу «Кварц» КРО УНКВД по Ленинградской области
6 июля 1942 г.

26 апреля 1942 г. был задержан агент немецкой разведки «Малахов», выброшенный немцами на парашюте с самолета с рацией вместе с группой приданных ему 2 разведчиков из числа бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в немецком плену, которые позднее также были арестованы (дело «Кварц»).

В процессе следственной обработки «Малахов» дал исчерпывающие и ценные показания, касающиеся обстоятельств и методов вербовки и подготовки разведчиков в разведшколе. Одновременно сообщил ряд данных в отношении известной ему немецкой агентуры, в результате чего на территории Ленинградской области вскоре была обнаружена и ликвидирована еще одна диверсионно-шпионская резидентура.

Посредством изъятой рации «Малахова» была соответственно легендирована, а позднее установлена «деловая» связь с разведкой штаба 18-й германской армии:

Полученные нами по ходу этой комбинации депеши от немцев свидетельствуют об ее успешном развитии. Разведорганы противника довольны результатами работы «группы» и проявляют заинтересованность в ее дальнейших успехах.

Кроме того, немцы предложили доставить требуемые для «нужд» разведгруппы «Малахова» продукты, деньги, питание для рации, запросили установочные данные «Малахова», на которые он хочет иметь новые документы.

После сообщения «Малаховым» требуемых немецкой разведкой данных о документах последняя обещала в среду 24 июня с.г. окончательно сообщить, когда и где «Малахов» получит требуемое.

Однако, несмотря на повторные напоминания «Малахова» о затруднениях в работе, необходимости срочной помощи, разведка противника ограничивалась малоконкретными обещаниями, и их последняя радиограмма от 29 июня с.г. гласила:

«Не унывайте, помощь близка. Пошлю все нужное. Ротмистр».

В целях форсирования комбинации в этот же день от имени «Малахова» подана депеша:

«52 (Захаров) из Бокситогорска еще не вернулся. Без документов выходить опасно. Голодаю, когда будет помощь».

2 июля с.г., не реагируя на требования «Малахова», немцы дали задание:

«Давайте точные сведения о транспорте, различая по грузу, номера частей и настроение».

Срок действия выданных «Малахову» немецкой разведкой командировочных предписаний истек, в связи с чем дальнейшее его передвижение по району реально сопряжено с риском провала, что ясно для немцев, и не исключено, что последняя депеша дана с целью проверки. Учитывая это, с целью отвода возможных подозрений от имени «Малахова» 3 июля передана депеша:

«Без новых документов работать боюсь. Проверка строгая. Жду помощи».

Исходя из задач:

1. Отвести от «Малахова» возможные подозрения немецкой разведки, создать ему обстановку доверия и авторитета со стороны разведорганов противника.

2. Внедрить под видом связников от «Малахова» 1 — 2 квалифицированных агентов в разведку врага.

3. Легендированными мероприятиями добиться переброски в помощь «Малахову» квалифицированных работников германской разведки с последующей перевербовкой их, провести следующие мероприятия:

1) до получения от немцев батарей, новых документов «Малахову» никаких разведывательных данных не передавать. На очередном радиообмене передать депешу: «Истечение срока командировки 52 не вернулся. Опасаюсь его провала. Оставаться в этом районе старыми документами без действительных командированных предписаний в связи со строгой проверкой, без продуктов, денег не могу. Возвращаюсь обратно, укажите район перехода линии фронта»;

2) в случае если депеша «Малахова» останется без ответа или будет получена санкция на обратный переход, организуем возвращение «Малахова» с расчетом специально разработанной линии его поведения: «перспективностью» работы побудить разведку противника перебросить его вторично с новой группой разведчиков и параллельно с этим получить через «Малахова» новые контрразведывательные данные о разведорганах и школах противника, переброшенной и подготовляемой к переброске агентуре;

3) если в ответ на телеграмму «Малахова» немцы перебросят к нему связника или представителя разведки, поступаем соответственно плану 2-го Управления НКВД СССР;

4) при условии, что немцы сбросят «Малахову» документы, деньги, питание для рации с самолета:

а) продолжаем дальнейшую радиоигру и дезинформацию германского командования, обеспечив при этом «выполнение» агентом заданий разведки, создание ему доверия и авторитета в глазах немцев;

б) легендируя появившуюся у «Малахова» возможность «изъять» из одного из штабов воинской части ряд оперативных документов через «его старого друга», якобы антисоветчика, работающего штабным командиром этой части, и «согласовав» этот вопрос с немецкой разведкой, организуем «хищение» документов, переправу их немцам с указанным командиром — нашим проверенным агентом_____, которого таким образом подставляем германской разведке с специально разработанным

заданием;

в) в целях заполучить на нашу территорию одного из работников германской разведки разрабатываем легенду и через рацию «Малахова» сообщаем немцам якобы о наличии возможности «использовать» в разведцелях женщину-врача одного из госпиталей командного состава Красной Армии, известную ему как женщина, склонная к флирту, любительница увеселений и подарков, не интересующаяся политикой и недовольная в настоящий момент своим положением, жизнью, но пользующаяся благодаря своей внешности большим влиянием на мужчин и в связи с этим имеющая большие связи в армии, в том числе среди старшего и высшего начсостава.

В ходе «подготовки» этой комбинации немцами через «Малахова» создать естественную необходимость участия в ней более опытного и квалифицированного разведчика, чем «Малахов», как для проведения обработки, так и для вербовки врача, а в последующем и ее связей.

Следует ожидать, что германская разведка перед переброской разведчика будет интересоваться возможностью укрытия последнего. В этом случае от имени «Малахова» якобы после соответствующего изучения этого вопроса даем ряд ложных вариантов, в том числе возможность «направления» разведчика в госпиталь для лечения или госпиталь выздоравливающих, где и будет осуществлено знакомство разведчика с врачом.

Нач. 5-го отделения КРО УНКВД
по Ленинградской области
лейтенант госбезопасности
Серебров
СОГЛАСЕН:
начальник КРО УНКВД по Ленинградской области
майор государственной безопасности Занин

Спецсообщение УНКВД по Ленинградской области № 10999 об аресте в Тихвинском районе группы немецких разведчиков-парашютистов *13 августа 1942 г.*

Управлением НКВД по Ленинградской области арестованы два немецких разведчика-парашютиста.

В Тихвинском районе, в лесу около дер. Усть-Шомушка, задержан неизвестный в форме сержанта Военно-Воздушных Сил Красной Армии, который назвался летчиком с потерпевшего аварию самолета.

Будучи доставлен в органы НКВД в г. Тихвин, задержанный показал, что он — Юсупов А.Ю., 1918 г. рождения, бывший

стрелок-радист 35-го авиаполка, дислоцирующегося в дер. Саржа Тихвинского района.

Был сброшен на парашюте с немецкого самолета для выполнения специального задания немецкого командования в тылу Красной Армии.

У Юсупова были изъяты: парашют, приемопередающая рация, оружие и яд, полученные им от немецкой разведки.

Юсупов показал, что 12 мая с.г. при вылете для бомбежки немецких артпозиций в районе Чудово бомбардировщик, на котором он летел, был поврежден зенитным огнем, вследствие чего он спрыгнул на парашюте и попал в расположение немецких войск.

Юсупов добровольно сдался в плен немцам, после чего был доставлен в лагерь военнопленных в г. Риге.

Юсупов показывает, что, находясь в лагере военнопленных, он в целях возвращения на Родину решил заявить немцам, что выбросился на парашюте по заданию советского генерала, который якобы хочет начать переговоры с немецким командованием о предательстве на Волховском и Ленинградском фронтах.

В связи с этим заявлением Юсупова допрашивали высшие чины германской армии, которые ему не верили, угрожали и два раза инсценировали его расстрел.

Впоследствии Юсупов был немцами обучен обращению с портативной рацией и способам шифрования.

Получив задание передать согласие немцев на переговоры о сдаче Ленинградского и Волховского фронтов, Юсупов был переброшен в район Тихвина.

Произведенной проверкой личность Юсупова по 35-му авиаполку установлена, сообщенные им данные об обстоятельствах гибели советского бомбардировщика отвечают действительности.

Ряд обстоятельств, а также наличие при Юсупове яда дают основание полагать, что он пытается ввести нас в заблуждение и фактически переброшен немцами с диверсионными и террористическими заданиями.

Следствие продолжаем.

В Тихвине арестован немецкий разведчик-парашютист Ярмоленко Н.Г., 1903 г. рождения, бывший пом. командира танкового батальона по политической части Южного фронта.

Ярмоленко сознался, что в ноябре 1941 г. попал в плен, был завербован для шпионской деятельности и направлен для обучения в школу разведчиков в г. Новоград-Волынске.

После окончания школы Ярмоленко получил задание

установить связь с немецким разведчиком, ранее выброшенным немцами в Ленинградской области, передать ему питание для рации, деньги, документы и совместно с ним собирать шпионские сведения.

26 июля Ярмоленко был выброшен с самолета на парашюте в районе Мытищи под Москвой, откуда поездом через Ярославль и Вологду прибыл в Тихвин.

В Тихвине Ярмоленко пытался разыскать немецкого разведчика-парашютиста Голованова (арестован нами в мае с.г.).

Производя розыски, Ярмоленко попал в поле зрения нашей агентуры и был арестован.

Обыском у Ярмоленко изъяты: 15 000 денег, фиктивные документы, два комплекта питания к рации и револьвер «наган».

Начальник Управления НКВД
по Ленинградской области комиссар
государственной безопасности 3-го ранга Кубаткин

Приложение 5
АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО РАДИОИГРЕ «ХОЗЯИН»

План агентурно-оперативных мероприятийВторого управления НКВД СССР и УНКВДпо Вологодской области по перевербовкеи переброске в тыл к немцам агентагерманской разведки Н.В. Алексеенко <***Март 1942 г.***>

В ночь на 28 февраля 1942 г. германская разведка штаба командования немецкой армии Северного фронта перебросила на самолете через линию фронта в Хвойнинский район Ленинградской области группу разведчиков, бывших командиров Красной Армии, военнопленных, в количестве 3 человек с заданием достичь г. Вологды, где собрать для германской разведки шпионские материалы.

Для выполнения заданий группа была снабжена портативной радиостанцией портфельного типа, огнестрельным оружием и крупной суммой денег.

В составе переброшенной группы следующие лица, окончившие специальную школу разведчиков в г. Валк.

1. Алексеенко Николай Васильевич, 1914 г. рождения, уроженец г. Волочаевска Хабаровского края, украинец, гр-н СССР, бывший член ВЛКСМ до 17 октября 1941 г., то есть до момента пленения немцами, в РККА с 1936 г., по званию старший сержант. До плена нач. снабжения участка наблюдения и связи Краснознаменного Балтийского флота в г. Кярдла острова Даго. Все родные и родственники проживают на территории СССР.

В группе разведчиков выполнял обязанности ст. радиста.

2. Лихогруд Иван Федорович, 1913 г. рождения, уроженец с. Соломельки Ераклиевского района Киевской области, украинец, гр-н СССР, беспартийный, в РККА с 1940 г., по званию лейтенант. До плена командир 3-й пулеметной роты 126-й с. дивизии, дислоцированной в г. Риге. Все родные и родственники проживают на территории СССР, временно оккупированной немцами.

В группе разведчиков выполнял обязанности помощника радиста.

3. Диев Николай Алексеевич, 1921 г. рождения, он же Иванов Геннадий Осипович, 1922 г. рождения, уроженец Воскресенского района Саратовской области, русский, гр-н СССР, бывший член

ВЛКСМ с 1936 г. по 18 августа 1941 г., то есть до момента пленения немцами, холост, в РККА с 1940 года, по званию лейтенант РККА. Все родные и родственники проживают на территории СССР. До плена командир роты истребительного батальона 125-й с. дивизии.

В группе разведчиков выполнял обязанности разведчика.

6 марта 1942 г. при проверке документов на ст. Бабаево был задержан Алексеенко, который рассказал о цели перехода на территорию СССР. 7 марта были задержаны Диев Н.А., он же Иванов Г.О., и Лихогруд И.Ф.

В процессе ведения следствия установлено, что переброшенная группа разведчиков должна регулярно передавать в штаб разведки немецкого командования Северного фронта следующие шпионские сведения, собирая их в г. Вологде:

1. Дислокация воинских частей, их наименование, количество частей и полностью ли они укомплектованы, фамилии командиров и комиссаров дивизий, какой возраст призван в РККА, имеется ли еще призывной контингент.

2. Имеются ли танки и артиллерия, их количество, достать наставления ко всем минометам, и особенно наставления и чертежи о советских автоматических 122-мм минометах, выяснить количество самолетов на Вологодском аэродроме.

3. Установить, как работает железнодорожный транспорт, какие и куда идут эшелоны по направлению к Ленинграду, прибывают ли грузы из Англии через Архангельский порт, прибывают ли эшелоны с пополнением для Красной Армии из Сибири, выявить связки (кольца) между Кировской и Северной, Ярославской и Северной, Октябрьской и Северной железными дорогами и другие сведения.

4. Установить, какие в Вологде предприятия работают на оборону и какая вырабатывается ими продукция.

Сбор шпионских материалов должен происходить путем опроса населения и путем личного наблюдения. При даче задания явочных квартир резидентуре германской разведки не было дано.

В процессе ведения следствия и изучения через агентуру арестованных разведчиков этой группы устанавливается, что наиболее правдивые и подробные показания о своей преступной изменнической работе дает арестованный Алексеенко, подробно рассказавший как о методах связи с германской разведкой через портативную радиостанцию и обусловленности, существовавшей между ними на случай провала и работы под диктовку советской разведки, так и о всех известных ему фактах содержания военнопленных в лагерях, обучении в школе разведчиков и других интересующих нас данных. Арестованный дает также

полные показания, но агентурой характеризуется как болтун, в связи с чем требует дополнительной тщательной проверки.

Арестованный вообще от дачи правдивых показаний отказывается, вводя в заблуждение следствие.

В результате показаний Алексеенко, через приданную ему портативную радиостанцию, установлена связь с радиостанцией германской разведки и передано две радиограммы, дезинформирующие немцев относительно работы железнодорожного транспорта. Текст радиограмм передан общего порядка, ни в коей мере не ориентирующий немцев о работе Вологодского железнодорожного узла.

Как показал Алексеенко, он должен был передавать немцам шпионские сведения по специально обусловленному лозунговому шифру, имея для этой цели ключ, позывной своей («ЛАИ») и немецкой радиостанции («ВАС»), часы работы — 12 час. 20 мин. и 16 час. 20 мин. и длину волн.

Для выявления агентуры немцев в нашем тылу и дезинформации командования противника будем продолжать комбинацию по поддержанию связи с радиостанцией германской разведки, подготавливая одновременно с этим немцев через радиостанцию о постепенном переходе линии фронта в индивидуальном порядке участников группы разведчиков.

Кроме этого, передачей немцам дезинформирующих материалов предусматривается передача в тексте радиограмм нескольких фактов о якобы имевших место крушениях в районе ст. Подборовье, где должна была совершать диверсионные акты переброшенная для этой цели специальная диверсионная группа, нами задержанная, радиостанция которой из-за отсутствия запасного комплекта ламп не работает. Из этой группы диверсантов нами также намечаются к перевербовке и переброске в тыл к немцам отдельные ее участники.

Для выполнения комбинаций по дезинформации немцев, перевербовке и переброске в тыл к немцам одного из участников шпионской группы намечаем проделать следующее:

I. Дезинформация немецкой разведки.

1. Вочередной радиограмме (третьей по счету) передать текст следующего содержания:

«Прибыли в Вологду. Наблюдается много военных. При попытках выяснить назначение ведут себя очень осторожно. Ищем полезных нам людей. Жалеем, что мало взяли денег, испытываем в этом отношении трудность».

2. В следующей радиограмме передать немцам малозначащее дезо о работе железнодорожного транспорта, в котором также указать, что между Северной и Кировской железными дорогами

имеется связка (кольцо) от Беломорска до Обозерской. Последняя в действительности существует и немцам в настоящее время хорошо известна, но прибывшим из плена разведчикам эта ветка не известна, так как действовать она начала лишь во время войны с Германией.

3. В третьей радиограмме (пятой по счету) вновь передать немцам о трудности выполнения задания в связи с отсутствием документов и недостаточным количеством денег, попросив их о материальной помощи. Одновременно с этим предупредить немцев, что радиостанция может иметь неожиданные перерывы в работе, вызванные необходимостью соблюдения конспирации.

4. Для демонстрирования возможных перерывов в работе, вызванных конспирацией, одну из радиограмм намечаем передать текстом не полностью, предупредив немцев, что мешают работать, а в другие часы суток по расписанию передать остальной текст радиограммы, объяснив немцам специальной радиограммой о перерыве в работе, вызванном необходимостью соблюдения конспирации.

5. В случае получения от немцев ответа о невозможности передать для___денег заинтересовать их сообщением о якобы имеющемся случае достать интересные данные, но нужны для этого деньги. В этой же радиограмме___просит указаний о разрешении «перехода» линии фронта за деньгами, в которой указывает, что, если он не вернется к определенному сроку, все участники группы вынуждены будут также вернуться из-за отсутствия денег.

6. В последующей радиограмме для большей заинтересованности немцев к полученным дезинформирующим их материалам сообщить дезо о дислокации воинских соединений в Вологде, согласованное с командованием Архангельского военного округа, так как формирование и направление частей происходит через АВО.

7. В последующей радиограмме___передает немцам, что «случайно» добыл интересные данные, но передать их трудно в связи с неполадками радиостанции и поэтому вынужден возвращаться обратно. Для этого в течение нескольких дней передает им о том, что их не слышит, прося их позывной.

Цель этих передач:

а) выяснить, имеется ли у немцев в Вологде агентура, через которую немецкая разведка сможет передать ____для ведения шпионской работы деньги или же послать его к одному из своих агентов за их получением;

б) уменьшить число участников шпионской группы, тем самым уменьшить возможность получения шпионских материалов

для передачи немцам;

в) подготовить немцев к тому, что___не собирается им изменять, а, наоборот, намерен вернуться к ним обратно и принести с собой ряд интересующих их шпионских материалов.

В случае прихода____к агенту германской разведки последний будет нами взят в тщательное наблюдение; если это житель г. Вологды, приступим к активной его разработке, в противном случае арестуем.

II. Перевербовка шпионской группы.

Для переброски в тыл к немцам с разведзаданием намечается из группы разведчиков перевербовать ____, на которого располагаем следующими материалами:

____, 1914 г. рождения, уроженец г. Волочаевска Хабаровского края, украинец, гр-н СССР, бывший член ВЛКСМ с 1938 г. до 17 октября 1941 г., то есть до момента пленения немцами, с незаконченным средним образованием (в 1929 г. окончил семилетнюю школу, в 1937 г. — школу связи РККА), из семьи кустаря-колесника, бросившего семью в 1916 г., женат. В РККА служил с 1936 г. радистом в морских частях Краснознаменного Балтийского флота, по званию старший сержант.

Все родные и родственники____проживают на территории СССР.

Жена —____Нина Всеволодовна, 1912 г. рождения, проживает в г. Сталинграде по ул. Рабоче-Крестьянская, д. 74, кв. 3. Живет вместе со своими родителями и сыном Юрием, 1937 г. рождения.

Мать —____Анна Яковлевна, 50 лет, уроженка ст. Ивановской Краснодарского края, проживает в г. Горьком по ул. Грузинская, д. 46, кв. 9, иждивенка сына.

Брат —____Иван Васильевич, 1908 г. рождения.

По призыву в РККА выехал из ст. Ивановской Краснодарского края. Служил в г. Горьком в 50-м стрелковом полку, капитан РККА, орденоносец, депутат Верховного Совета СССР.

Брат —____Алексей Васильевич, 1910 г. рождения, служит в РККА, техник-интендант 2 ранга, служил в 1940 г. в Градеково Уссурийской области ДВК.

Брат —____Александр Васильевиче1911 г. рождения, в 1930 г. выехал из ст. Ивановской к отцу на ДВК, где сейчас находится, не знаем.

Брат —____Анатолий Васильевич, 1916 г. рождения, служит в РККА на Дальнем Востоке в г. Хабаровске.

Мать и все братья до совершеннолетия работали в ст. Ивановской Краснодарского края по найму на черновых работах.

____попал в плен к немцам на острове Даго 17 октября 1941 г., где он в г. Кярдла выполнял обязанности начальника

снабжения участка службы наблюдения и связи Краснознаменного Балтийского флота.

При взятии в плен был направлен в Рижский лагерь военнопленных № 350, в котором находился до января 1942 г., то есть до момента направления в школу разведчиков в г.____.

В декабре 1941 г.____был завербован германской разведкой для ведения активной борьбы против Советской власти через своего приятеля Ширина, служившего полицейским в лагере № 350. После дачи подписки бороться против Советской власти был зачислен на учебу в школу разведчиков вместе с Ширины. До момента отъезда из лагеря в школу разведчиков___по рекомендации Ширина был зачислен полицейским, выполняя в лагере в течение декабря 1941 г. обязанности полицейского.

В первый момент задержания на ст. Бабаево 6 марта 1942 г. неправильно назвал цель своего появления на территории СССР, заявив, что бежал из плена от немцев, но в этот же день дал показания о действительной цели нахождения в тылу Красной Армии и помог задержать скрывшихся при его задержании _____ и ____, указав при этом, где спрятали радиостанцию.

____ по характеру мягок, притворяется простачком, в действительности хитер, подхалим, в своих действиях решителен и осторожен, довольно изворотлив, любит похвастать, разговорчив, веселый. Во время учебы в школе разведчиков среди немцев и слушателей пользовался авторитетом и доверием.

Таким его характеризуют и арестованные совместно с ним___и___.

От____агентуры на____компрометирующих материалов не получено.

Учитывая, что___дал подробные показания о своей изменнической деятельности, точно рассказал о методах связи с германской разведкой через портативную радиостанцию, имеет всех родных и родственников, проживающих на территории СССР, за время учебы в школе разведчиков пользовался авторитетом среди немцев и слушателей школы, а также имеет связи среди местного населения (русских) в г.____, он намечен нами к перевербовке и переброске в тыл к немцам с дачей ему специальных конкретных заданий.

При перевербовке___будет крепко предупрежден, что в случае измены вся его семья и родственники будут подвергнуты репрессии со стороны органов Советской власти, а сам он объявлен будет вне закона.

III. Переброска в тыл к немцам.

Показаниями участников шпионской группы установлено, что германская разведка штаба немецкого командования Северного

фронта, перебрасывая их в тыл Красной Армии, дала всем им на случай перехода линии фронта пароль: «Их бин дейтшен агент майор фон Петергоф», имея в поднятой правой руке что-либо белое, по которому солдаты немецкой армии обязаны доставить переходящего границу в штаб к офицеру, а оттуда в штаб командования Северного фронта.

Капитан германской разведки штаба Северного фронта Регенау объяснил перед переброской каждому участнику группы, что линию фронта можно переходить на любом участке Северного фронта к немцам, а также и к финнам и лучше всего в разрывах между частями Красной Армии. Регенау настаивал на переходе к немцам, не называя при этом конкретного пункта перехода.

Предусматривалось, что возвращение к немцам участники группы могут осуществить путем временного поселения на жительство в одном из пограничных сел, где идет наступление немцев, и после занятия этого села автоматически останутся у них на занятой территории.

1. Исходя из имеющегося пароля и указаний капитана германской разведки Регенау, нами намечена переброска___в тыл к немцам на одном из участков ленинградского направления Северо-Западного фронта.

2. Переброску осуществить в районе разрыва между частями Красной Армии, для чего связаться с особым отделом одной из армий северо-западного направления фронта и с их содействием осуществить переход ____линии фронта.

3. При переброске___будет иметь форму одежды, выданную немцами, без оружия и документов.

4. В случае задержания патрулем немецкой армии ___должен действовать в соответствии с указаниями, полученными от офицера германской разведки Регенау, то есть назвать пароль и поднять правую руку вверх, держа в ней что-либо белое.

5. Переброску___осуществить в первой половине апреля 1942 г., так как выполнение задания рассчитывалось на месяц и в крайнем случае возвращение предусматривалось в апреле.

6. При переброске____нами будет тщательно проинструктирован о линии своего поведения перед немцами, о цели своего перехода линии фронта, как и что говорить о выполнении задания немцев, и снабжен дезинформирующими немцев шпионскими материалами.

7.___также будет тщательно проинструктирован о том, чтобы он ни в коем случае не говорил, что был арестован органами НКВД, передавал немцам под диктовку советской разведки дезинформирующие материалы, характер полученного задания, и принес дезинформирующие их материалы.

8. Задание____и характер дезинформирующего немцев материала составляется отдельно.

Старший оперуполномоченный 2-го Управления НКВД СССР лейтенант госбезопасности Юрьев

<Согласен:> начальник КРО УНКВД
по Вологодской области
старший лейтенант госбезопасности Соколов

План дальнейшей разработки легендыпо дезинформации немецкой радиостанции«Хозяин», составленный КРО УНКВДпо Вологодской области<*Июль 1942 г.*>

21 июня 1942 г. в результате проводимой легенды по дезинформации вражеской радиостанции «Хозяин» от немецкой разведки получена посылка, рассчитанная на легализацию группы, как-то: батареи, документы, оружие, комсоставское обмундирование, деньги, продукты и др. Это обстоятельство в дальнейшем дает возможность «легализовать» группу и легенду вести из города.

Задачей легенды считать: продолжение дальнейшей дезинформации врага о движении воинских грузов и войск, направляющихся на фронты Отечественной войны, о наличии войск и вооружения в Вологде.

Второй задачей поставить: вызов к радисту «Орлову» в помощь двух разведчиков, для этого вывести из игры «Кресцова» и «Малиновского».

И третье — легендировать наличие повстанческой организации среди высланного украинского кулачества, посылку от этой «организации» через линию фронта нашей агентуры для внедрения последней в разведывательные органы противника.

ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Продолжение легенды.

Проживать в Вологде в одной квартире «Орлову», «Кресцову» и «Малиновскому» «небезопасно» и может вызвать у немцев некоторые подозрения. Поэтому в очередной радиограмме станции «Хозяин» сообщить:

«В целях безопасности „Кресцов“ и „Малиновский“ по рекомендации Морогина устроились на другую квартиру — Советский проспект, 25, у машиниста депо Вологда Шибанова. Квартира очень удобная, хозяин квартиры систематически находится в поездках».

Надо полагать, что указанный нами хозяин квартиры как

человек, работающий непосредственно на железнодорожном транспорте, к тому же машинист, заинте-. ресует разведку и последняя потребует установления с ним делового контакта. На это в следующих радиограммах сообщить:

«В беседах хозяин квартиры высказывает неудовлетворенность работой, говорит, что нет свободного времени для отдыха, все время водит тяжеловесные поезда. Рассказывает о военных грузах, идущих из Архангельска. Но много говорить, видимо, боится».

Готовя хозяина квартиры на подставу для вербовки его немецкой разведкой, через «Орлова» сообщить о нем краткую автобиографию, примерно следующего содержания:

«В одной из бесед, за выпивкой, наш хозяин рассказал, что у него было большое желание учиться на инженера-путейца, но этого осуществить он не мог лишь только потому, что отец его был торговцем, а брат его несколько раз судимый и в данное время умер в заключении, в результате чего он мог добиться только помощника машиниста. Война помогла ему выдвинуться машинистом. Сейчас, говорит хозяин, в условиях войны к нему стало меньше придирок со стороны политотдела».

В заключение дать свою справку, что Шибанов развитый и умный человек, холост, не болтун, любит весело провести время, особенно с девушками. Квартиру свою полностью доверяет нам.

Рассредоточив на две квартиры и создав «благоприятные» квартирные условия, необходимо дать ряд дезоматериалов о движении воинских составов с вооружением и людьми, о дислокации воинских частей, расположенных в окрестностях города, а также и в самом городе. Кроме того, дать несколько радиограмм о настроениях населения и ходе уборки урожая. Причем давать какие-либо дезоматериалы о работе промышленных предприятий Вологды не следует, так как разведка этих данных не требует.

С 1 по 15 августа 1942 г. передать станции «Хозяин» следующие дезоматериалы:

№ 1. «Мы сообщили, что познакомились со старшим лейтенантом Апостоловым Сергеем, что он работает в штабе 457-й с. дивизии. Это не та дивизия, штаб которой находится по Красноармейской набережной. Задание дивизии и маршрут пока еще не выяснили. Сообщим дополнительно».

№ 2. С 1 по 3 августа дать дезоматериалы станции «Хозяин» о военных перевозках, идущих в сторону Череповца и Москвы. Текст согласовать со 2-м Управлением НКВД СССР.

№ 3. С 3 по 6 августа дать дезоматериалы о движении воинских составов, идущих из Архангельска и обратно. Те же

сведения о прибытии поездов с войсками со стороны Кирова. Текст согласовать со 2-м Управлением НКВД СССР.

№ 4. С 6 по 10 августа дать радиограмму о перевозках войск и вооружения, идущих на Череповец, Москву и Архангельск. За это же время составить радиограмму о настроениях населения. Причем использовать агентурные данные" о высказываниях одного-двух подучетников, жалующихся на снабжение и восхваляющих дореволюционную жизнь.

№ 5. С 10 по 15 августа дать радиограмму о перевозках, наличии новых войск в Вологде и ее окрестностях, о подготовке снайперов и водителей танков. Подготовить и дать радиограмму о ходе уборки урожая.

Тексты радиограмм будут разработаны дополнительно.

Приблизительно 15 августа необходимо вывести из игры «Кресцова» и «Малиновского».

Вывод из игры двух разведчиков необходим потому, что срок документам, по которым они «проживают» как отпускники, истекает (1 месяц 15 дней). С другой стороны, выведя из игры «Кресцова» и «Малиновского», мы будем иметь возможность вместо них просить в помощь радисту «Орлову» других разведчиков, так как один «Орлов» с теми задачами, которые на них возложены, не справится.

Вывод из игры «Кресцова» и «Малиновского» легендировать следующим образом:

1-й вариант. Примерно 15 августа «Орлов» даст радиограмму, что 14 августа горвоенкомат провел переосвидетельствование всех отпускников. «Малиновского» и «Кресцова» комиссия признала годными для несения военной службы. После комиссии сразу были зачислены в маршевую часть и, видимо, числа 16 будут направлены на фронт.

О себе «Орлов» сообщит, что он лично оставлен на две недели, так как после простуды у него образовалась сильная течь гноя из ушей. В дальнейшем он думает заменить документ о непригодности его к военной службе. От «Малиновского» и «Кресцова» ждет письма или их самих, так как, возможно, они сбегут с пути следования.

2-й вариант. «Орлов» проживает в Октябрьском районе Вологды. «Малиновский» и «Кресцов» проживают в Сталинском районе. Можно призвать «Малиновского» и «Кресцова» Сталинским райвоенкоматом, который якобы проверял отпускников, в том числе вызвал «Малиновского» и «Кресцова». После осмотра комиссией оба были зачислены в часть. Он, «Орлов», видел, как их строем провели в казармы на Чернышевскую улицу. Он, однако, комиссии не проходил.

Одновременно сообщит, что он себе изготовит документы о непригодности его к службе в РККА (периодические осмотры в гарнизонной комиссии имеют место).

3-й вариант. Наблюдая за движением поездов в 10 километрах от Вологды в сторону Ярославля, «Кресцов» и «Малиновский» были задержаны железнодорожной охраной. Оба были сданы военному коменданту вокзала. После проверки документов военный комендант вокзала направил «Малиновского» и «Кресцова» в горвоенкомат для проверки личности и прохождения медицинской комиссии. Комиссия признала обоих годными к военной службе, а горвоенкомат направил их в минометный батальон, который отправился на фронт по направлению к Ленинграду. «Орлов» об этом якобы узнал из письма, которое пришло на квартиру в адрес Шибанова для «Орлова». По содержанию письма видно, что они намерены сбежать; одновременно обещали сообщить свои адреса, где они будут находиться. Все это произошло в течение 2 суток.

Выводить из игры «Кресцова» и «Малиновского» другим образом, как-то: арест, побег куда-либо, как преследуемых — нецелесообразно, так как, опасаясь за провал, немцы, бесспорно, предложат Алексеенко покинуть Вологду и перейти линию фронта к немцам.

Отправка «Кресцова» и «Малиновского» на фронт по утвержденному одному из вариантов (наиболее целесообразно по 3-му) дает нам два преимущества:

1. Немецкая разведка, получив данные о том, что «Кресцов» и «Малиновский» убыли на фронт, постарается через «Орлова» получить их адреса, установить с ними связь. Это обстоятельство даст нам возможность проследить в воинской части за лицами, разыскивающими «Кресцова» и «Малиновского», и арестовать одного-двух агентов-связников.

2. У немцев возникнет необходимость в посылке одного-двух разведчиков в помощь «Орлову», так как от него одного «пользы» им будет мало. В то же время мы получим возможность требовать у немцев присылки новых людей для «работы» в их пользу.

ТАКТИКА «ОРЛОВА» ПОСЛЕ УХОДА «КРЕСЦОВА» И «МАЛИНОВСКОГО» В АРМИЮ

Оставшись один, «Орлов» сообщит «Хозяину», что работа его, однако, крайне затруднена и что он в дальнейшем намерен больше вращаться среди населения города и окрестностей и «через них добывать интересующие нас сведения». При этом будет

просить указаний об организации своей «работы».

Передав несколько дезоматериалов, «Орлов» сообщит станции «Хозяин», что он получил письмо от «Малиновского», который пишет, что служит в 59-й армии командиром минометного взвода. О «Кресцове» сообщит, что тот служит также командиром стрелкового взвода в пехотном полку № _ О скором свидании с «Орловым» «Малиновский» не пишет, видимо, дезертирство затруднено. Кроме того, «Кресцов» просил поставить в известность об их местонахождении.

Получив такие данные, немцы, по всей вероятности, дадут указания, чтобы «Малиновский» и «Кресцов» оставались служить в армии, так как для них 59-я армия представляет большой интерес, и, бесспорно, попросят уточнить их адреса.

Оставив в армии «Кресцова» и «Малиновского», «Орлов» запрашивает станцию «Хозяин», чтобы выслали ему на помощь 2 надежных людей, так как одному работать неудобно и сведения, взятые со слов других, не всегда являются точными.

Если немцы дадут согласие на переброску дополнительных разведчиков, установят срок, то им сообщить, что на месте выброски «Орлов» будет ждать. Одновременно дать адрес квартиры Шибанова, где проживали «Кресцов» и «Малиновский», как наиболее хорошей и безопасной квартиры.

ЛЕГЕНДИРОВАНИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СРЕДИ ВЫСЛАННОГО УКРАИНСКОГО КУЛАЧЕСТВА

На территории Вологодской области расположено 44 украинских трудпоселка с общим количеством 8473 человека. Население поселков представляет из себя раскулаченных и высланных в 1930 году украинских кулаков Большинство мужского населения в возрасте свыше 40 лет, в прошлом являлись участниками белых армий и всевозможных банд, оперировавших на Украине. В данное время переселенцы живут в поселках. Работают в организованных сельскохозяйственных артелях и в лесной промышленности.

Для легендирования повстанческой организации избрать Вожегодский район, так как в этом районе нет крупных промышленных предприятий, и поэтому немцы не могут дать задание по диверсии. Второе — район расположен в 140 км от Вологды, в этом районе есть наиболее квалифицированная агентура, могущая быть использована по легенде.

Легенду начать так.

«Орлов» дает несколько радиограмм о настроениях

населения, полученных им из «бесед» с хозяином квартиры Морогиным. В одной из своих передач «Орлов» сообщает разведке через радиостанцию «Хозяин», что он через Морогина познакомился с довольно интересными людьми — украинскими кулаками, высланными в Вологодскую область в 1930 году, которые резко недовольны политикой Советской власти и в войне ориентируются на Германию. Не скрывая, называют себя «самостийниками» и «сторонниками» Скоропадского.

В зависимости от реагирования немецкой разведки на сообщение о новом знакомстве в другой радиограмме сообщить:

«Вместе с Морогиным ездил к землякам в украинский поселок, так называемый Енальский Вожегодского района, за картошкой и овощами. Интересная картина: большая часть кулаков выражает симпатии немцам и „ждут“ их победы над большевизмом. „Ждут“ выезда на Украину.

Встречался с украинцем Бондаренко — уполномоченным по отгрузке материалов и запчастей. За выпивкой я ему сказал, что за время этой войны был в плену, но удалось вырваться. Бондаренко интересовался: каково отношение немцев к украинцам, будет ли самостоятельная Украина, издеваются ли немцы, как можно перейти линию фронта и т.д. Я откровенно не говорил, так как боялся провокаторства».

«___у Морогина встретился с высланными с Украины Бондаренко и Страмновым. Узнал интересную деталь — у Морогина брат проживает в Германии, остался там с империалистической войны. Исключению его из партии явилась причина — связь с братом. Изрядно выпивши, не боясь Морогина (видимо, старые друзья) и меня, Страмнов и Бондаренко говорят серьезно о наличии организации в Енальском и Чековском поселке».

«___Морогин обратился с вопросом, что нужно сделать, чтобы немецкие солдаты не застрелили при переходе линии фронта. Думаю, что из компании будут к вам ходоки. Скорее всего, пойдут украинцы как наиболее смелые и озлобленные люди».

В зависимости от хода легенды и интереса к этой «организации» германской разведки необходимо будет уточнять в радиограммах отдельные моменты, как-то: количественный состав легендируемой организации, ее отдельных авторитетов, их положение, место работы и жительства.

Ввести в игру проверенных агентов из числа бывших кулаков-украинцев, высланных в Вологодскую область, а на случай их перепроверки эту агентуру соответственно проинструктировать.

Если же немецкая разведка не обратит на это внимания и не

проявит никакого интереса, то продолжать работу по дезинформации врага в соответствии с его заданием, одновременно ставить целью вызов одного-двух разведчиков в помощь «Орлову».

Примечание: хозяин квартиры___наш агент « »;

хозяин квартиры____.

Начальник КРО УНКВД по Вологодской области ст. лейтенант госбезопасности Соколов

Согласен:

начальник Управления НКВД

по Вологодской области майор госбезопасности Галкин

Приложение 6
АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО РАДИОИГРЕ «ЗАРЯД» («СЕМЕН»)

Спецсообщение УНКВД по Горьковской области № 3/2076 во 2-е Управление НКВД СССР о ходе радиоигры под условным наименованием «Заряд» с немецким разведцентром в г. Смоленске *30 сентября 1942 г.*

Продолжая работу по связи с немецким радиоразведывательным центром в г. Смоленске с использованием рации «Семена», мы 28 сентября в 14 час. 30 мин. по московскому времени передали две зашифрованные радиограммы, текст коих нам предложен 2-м Управлением НКВД Союза ССР, а именно: первая: «25 и 26 сентября изучали движение перевозок. На запад прошло 47 поездов, из которых 28 войсками, 7 боеприпасами, остальные дрова, уголь, металл»;

вторая: «Разрешите неделю не работать, надо основательно устроиться. Ночуем на эвакопункте, аппарат хранится в предместье, Кстовском районе. Жду завтра».

29 сентября с.г. радиоустановкой 2-го спецотдела УНКВД по Горьковской области, контролирующей работу Смоленского радиоразведывательного центра, была принята радиограмма из Варшавы Смоленску для передачи корреспонденту «ВЦЛ» (позывные «Семена») следующего содержания: «Устройтесь сперва, потом начинайте работать. Поздравляю с хорошим приземлением. Шрщр».

В тот же день в установленное время «Семен», связавшись со Смоленским радиоцентром, получил радиограмму, текст которой полностью совпал с радиограммой, приведенной нами выше.

Однако наряду с выраженным в радиограмме согласием на перерыв в работе «Семена» до окончательного его устройства Смоленский разведывательный центр вчера, 29 сентября, снова дал знак «ОД-1», что означает предложение связаться с ними и 30 сентября в установленное время, то есть в 14 час. 30 мин. по московскому времени.

Мы полагаем (в соответствии с Вашей установкой) в работе рации «Семена» сделать перерыв на неделю, то есть до 6 октября с.г. Просим Ваших указаний.

Начальник УНКВД по Горьковской области
майор госбезопасности Рясной

Зам. начальника КРО УНКВД по Горьковской области
лейтенант госбезопасности Борисенко

Приложение 7

Из неопубликованных воспоминаний ветерана-контрразведчика Сергея Михайловича Федосеева, непосредственно руководившего операцией «Находка» в 1943 году до ее передачи из КРО УНКВД в ГУКР «Смерш»:

«10 февраля 1943 года в Московское областное управление НКВД было передано по телефону сообщение, что ночной сторож одной из деревень Волоколамского района заметил, как на рассвете от самолета, летевшего на небольшой высоте, отделилось несколько парашютов. Сколько именно, с какого самолета, когда это конкретно произошло, он сказать толком не смог.

Тут же к месту происшествия выехала оперативная группа УНКВД. В Волоколамском и соседствующих с ним Клинском и Высоковском районах были задействованы истребительные отряды. Взяв под контроль близлежащие шоссе и проселочные дороги, тщательно прочесав местность, поисковики в тот же день задержали внешне показавшегося подозрительным младшего лейтенанта. Предъявленные им документы на имя Григорьева при поверхностном осмотре не вызывали сомнений. Его выдали обнаруженные при нем радиостанция, упакованная в чемодан, и крупная сумма денег, происхождение которых он толком объяснить не сумел.

В ходе расследования старшему следователю Прокопию Борисенкову удалось выяснить, что задержанный является одним из трех разыскиваемых парашютистов, выброшенных с самолета в ночь с 9 на 10 февраля. Все они — бывшие советские военнослужащие.

По словам задержанного, он сражался до последней возможности, выполнил до конца свой долг, но его часть попала в августе 1942 года в окружение. Пытаясь пробиться к своим, он попал в плен. Затем — Смоленский лагерь для военнопленных, вербовка офицером германской военной разведки, спецподготовка сначала в Борисовской, а затем — в Катынской школе абвера, расположенной в поселке Красный Бор под Смоленском.

Программа обучения охватывала широкий круг вопросов: «Способы маскировки», «Подложные документы», «Техника добывания информации», «Связь», «Прыжки с парашютом».

Задержанный был агентом-радистом и в абвере значился под псевдонимом «Гайдаров». Как и остальных членов этой группы,

его снабдили форменной одеждой младшего комсостава Красной Армии, соответствующей легендой и фиктивными документами. По словам радиста, их выброска происходила с определенными интервалами, поэтому они оказались на значительном расстоянии друг от друга, вследствие чего им пришлось довольно много времени потратить на взаимные поиски. Двоим удалось соединиться. Прождав безрезультатно два часа третьего и понимая, что задерживаться далее в районе выброски опасно, они решили оттуда выбираться. Прежде чем разойтись в разные стороны, лазутчики условились, что в дальнейшем пункты их встреч будут меняться и что предосторожности ради они не станут раскрывать друг перед другом адреса своего постоянного местонахождения. Следует отметить, что третий агент так и не дал о себе знать и, несмотря на принятые меры, не был обнаружен. Очевидно, оказавшись на родной земле, решил не ввязываться в шпионские дела. Такое случалось тогда, и нередко.

Перед группой абвер поставил задачу: осесть на территории Московской области в местах, близко расположенных к идущим на запад магистралям, и неослабно, круглые сутки следить за продвижением воинских эшелонов по железной и шоссейной дорогам в направлении Москва—Ржев. Первый выход в эфир планировался либо после приземления, либо после устройства на жительство. Проанализировав ситуацию, оценив личность задержанного, мы решили использовать открывавшиеся возможности для завязывания радиоигры с абвером. Начальник управления комиссар госбезопасности 3-го ранга Михаил Журавлев, которому замысел показался многообещающим, поддержал наши предложения.

Как мы и ожидали, предложение о сотрудничестве с органами советской контрразведки радист принял охотно. А его искренность у нас не вызывала сомнений. Доказательством служило прежде всего то, что он по своей инициативе рассказал во всех подробностях о Борисовской и Катынской разведшколах абвера, их личном составе, а главное, сообщил известные ему сведения о ряде заброшенных и подготавливаемых к заброске в наш тыл агентов врага. 13 февраля 1943 года в условленное с абвером время агент-радист вышел на связь с разведцентром. Доложил, что высадка прошла благополучно, но ему удалось встретиться лишь с одним из двух парашютистов. Другой, несмотря на принятые ими энергичные меры, так и не был обнаружен, продолжать дальше поиск было небезопасно. Заканчивалась передача на оптимистической ноте: радист заверял шефов, что приступил к делу и постарается в ближайшие дни доложить о первых результатах выполнения задания.

В ответной шифрограмме разведцентр с использованием условного знака упорно добивался ответа на вопрос: «Не угрожает ли радисту опасность со стороны НКВД и не работает ли он под его диктовку?»

Это насторожило нас: не удалось ли противнику каким-то образом разгадать наш замысел? Поняли ли абверовцы, что в результате перевербовки их радиста они становились жертвой дезинформации? Не так-то просто и легко было в условиях войны в этом разобраться, уловить и разглядеть существо дела.

Конечно же, наша дезинформация вряд ли бы выдержала испытание, если бы в ней не присутствовала какая-то доля правды. А вот какая, определить мог только Генеральный штаб. Придавая важное значение этой стороне дела, Оперативное управление, возглавляемое в то время генералом С.М. Штеменко, сумело создать тщательно продуманную и практически достаточно эффективную систему. В его составе постоянно функционировала группа специально выделенных высококвалифицированных «направленцев», в обязанность которой входила отработка дезинформации, которую желательно было довести до немецких штабов, чтобы ввести их в заблуждение относительно истинных планов советского командования. Надо заметить, что объем передаваемой дезинформации был достаточно обширен. В центральном аппарате органов госбезопасности поддержание контактов с Оперативным управлением Генштаба было сконцентрировано в руках заместителя начальника 2-го (контрразведывательного) Управления НКВД генерала Л.Ф. Райхмана.

Потеря третьего участника заброшенной в тыл Красной Армии группы парашютистов была, пожалуй, одной из слабых, уязвимых и даже опасных сторон затеваемой операции. Мы понимали, что это обстоятельство определенно должно насторожить абвер и даже, быть может, вызвать сомнение в целесообразности продолжения игры. Дабы как-то развеять эту настороженность, второго агента решили оставить пока на свободе (что обычно, делалось редко), открыто не чинить ему препятствий, но держать постоянно в поле зрения. Была уверенность, что это придаст поведению участников радиоигры большую естественность. Когда спустя несколько дней оставшийся на свободе второй лазутчик явился, чтобы вручить радисту собранные шпионские сведения, он был взят под наружное наблюдение. Следившим за ним разведчикам, хорошо знавшим свое дело, удалось установить населенный пункт и дом, где он обосновался. Впоследствии за вражеским агентом наблюдали наши помощники из числа железнодорожников.

Основной целью радиоигры «Находка» было создание условий для дополнительного канала продвижения военной дезинформации. Заметим, что дело для нас облегчалось тем, что по требованию Ставки переброска частей, а также военной техники производилась главным образом ночью, в условиях строжайшего соблюдения мер маскировки.

Так как перевербованный радист по ходу операции вполне заслуживал доверия, то в эфир он стал выходить хотя и под контролем, но без нашего физического сопровождения. Он самостоятельно поселился в доме одинокой пожилой женщины, монахини, за которым было установлено круглосуточное скрытое наблюдение. По соседству с радистом устроили на жительство опытного сотрудника нашей службы Николая Грачева, который опекал его с момента задержания. В процессе почти ежедневного общения он оказывал на него нужное влияние, тем более они оказались одногодками и между ними установились дружеские отношения.

Наконец, дело пошло. 16 февраля абверовский разведцентр, отбросив зародившиеся у него на первых порах сомнения, передал шифрограмму такого содержания: «Поздравляем Вас с Вашим благополучным приездом. Хорошо, хорошо, сказал доктор. Приветствуем Вас — верных». После этого, казалось, ничто не предвещало провала и шло по задуманному нами сценарию.

23 февраля 1943 года радист сообщил своим шефам из абвера об устройстве на новое жительство. Его выход в эфир стал регулярным — почти каждые три дня он добросовестнейшим образом передавал в разведцентр дезинформационные сведения о движении грузопотоков по железной и шоссейной дорогам, состоянии противовоздушной обороны и всех происходящих изменениях в местном военном гарнизоне. Использовались при этом и прошедшие наш фильтр данные, которыми снабжал радиста второй лазутчик. Регулярно, почти каждый радиосеанс передавались метеосводки, к которым противник проявлял повышенный интерес. Как можно было судить по реакции разведцентра на передаваемую информацию и исходящим от него заданиям и запросам, абвер относился к работе своих агентов с нарастающим доверием, высоко оценивая их «смелость и находчивость». 21 марта последовала шифрограмма, содержание которой окончательно развеяло наши опасения и укрепило во мнении, что мы на правильном пути. «Тринадцатого марта, — гласил ее текст, — вы оба награждены орденами „За храбрость“ 2-го класса. Мы радуемся вместе с вами за заслуженную награду и ждем тот день, когда сможем вручить вам ордена за верную службу фюреру. Такая награда обязывает вас к еще большей

верности и бдительности».

Учитывая благоприятную ситуацию, дальнейшую игру мы повели с расчетом на вызов и захват курьера германской разведки. Нам было известно, что связь с абверовским разведцентром лазутчики должны были поддерживать только при помощи радиостанции. Никаких явок на советской территории им дано не было. При возникновении нужды в документах, деньгах, экипировке и продовольствии им надлежало подобрать удобную площадку для сброса необходимого с самолета и сообщить ее координаты радиограммой.

Шло время. Истекал срок действия фиктивных документов, которыми абвер снабдил своих агентов. По всем техническим параметрам скоро должно было иссякнуть и питание их рации. 26 марта во время очередного сеанса связи радист напомнил об этом своим шефам. Спустя неделю, 2 апреля, последовал ответ: «Новые документы изготовляются и будут сброшены с самолета». Под благовидным предлогом вариант с самолетом удалось отклонить. Немцы с этим согласились. Остановились на подсказанном им варианте доставки документов и питания для рации курьером, который должен был явиться по месту жительства радиста.

На этой фазе радиоигра неожиданно для сотрудников контрразведывательной службы Московского управления привлекла внимание И.В. Сталина. Как выяснилось, Верховный интересовался не только боевыми военными операциями, но и нашими, чекистскими. О радиоигре «Находка» ему доложил начальник военной контрразведки В.С. Абакумов. Откровенно говоря, мы были рады этому обстоятельству, так как радиоигра из Московского региона во многих отношениях была сложной и очень рискованной.

В памяти отложилась встреча с руководителем «Смерш». До этого мне было известно от своих коллег, что он обладал большим опытом в проведении подобных операций, был прост и доступен для работника любого ранга, обязателен. Умел создать непринужденную обстановку в разговоре, а главное, способен был дать дельный профессиональный совет, так как начинал службу с должности рядового оперработника. Как-то рано утром он позвонил мне и пригласил к себе. Подробно, до мельчайших деталей, Абакумов расспросил о радиоигре. Его интересовало все: как она возникла, вполне ли можно доверять радисту и чем закреплена его перевербовка, надежно ли обеспечено наблюдение за вторым агентом, какова реакция абвера на переданную информацию. В заключение он сказал: «Подготовьте мне справку и отразите в ней главные моменты дела. Обязательно дайте краткое обоснование путей развития игры — как мы их себе

представляем. К справке подготовьте проект очередного сообщения радиста в радиоцентр».

Все это было исполнено в тот же день. В проекте шифрограммы содержалась очередная порция дезинформации. Кроме того, радист уведомлял центр о благополучном прибытии курьера. Это делалось на тот случай, если он действительно явится в эти дни.

Буквально на следующий день Абакумов вновь вызвал меня в свой кабинет на четвертом этаже дома № 2 на Лубянке. Я доложил ему, что около семи часов утра пост наружного наблюдения зафиксировал приход в дом монахини, где жил радист, неизвестного в форме лейтенанта Красной Армии. Убедившись в личности радиста, он сообщил, что по поручению «зондерфюрера» доставил все необходимое. Две вещевые сумки с содержимым он, чтобы не подвергать себя риску, надежно спрятал недалеко от станции Волоколамск. Сейчас курьер отдыхает, после обеда вместе с радистом отправится за «подарками», после чего он намерен вернуться к немцам. Я также проинформировал Абакумова, что мы держим на месте группу захвата. «Прочтите», — говорит мне Абакумов, возвращая справку и проект сообщения в разведцентр. Вглядываюсь и вижу, что местами текст нашего документа подчеркнут карандашом. Я понял, что это рука Сталина. Абакумов подтвердил мою догадку: «Верховный считает, что немедленный захват курьера — риск малооправданный, за ним может быть и контрнаблюдение. Возможно посещение других явок. В результате провала игры мы лишим себя возможности передавать очень важную в данный момент дезинформацию. Кроме того, упустим благоприятную возможность выследить, где и как агентура немецкой разведки преодолевает линию фронта, возвращаясь с задания, какими опорными пунктами во фронтовой полосе пользуется, а то, что они есть там, у него не вызывает сомнений». «Будем курьера арестовывать, — заключил разговор Абакумов, — но не там, где намечали, а в своем последнем пункте пути его следования через фронтовую полосу. Соответствующие распоряжения военным контрразведчикам об организации надежного контроля за ним во фронтовой зоне и готовности к его задержанию я уже сделал».

В ходе обсуждения было признано целесообразным, чтобы текст шифрограммы о выполнении поручения разведцентра исходил от самого курьера и был составлен им лично. В окончательном виде он выглядел так: «16 апреля добрался благополучно, передачу передают. Все в порядке. Привет доктору. Антонов». Некоторое время спустя в связи с изменившейся обстановкой на фронте оставшийся вне подозрений радист

получил указание от немецкого разведцентра переместиться дальше на запад, а радиоигра «Находка» перешла из рук УНКГБ Московской области в ведение военной контрразведки действующей армии. В результате радиоигры наряду с продвижением в немецкие штабы дезинформации удалось вызвать и обезвредить семь вражеских агентов» [103].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Авдеев С. Радиоигру завершаем // Северный курьер. 1999. № 102 (23399). 8 мая.

Дело «Монастырь» — легендированная агентурная разработка. Министерство государственной безопасности СССР. Особый фонд. Арх. № 100004.

Садовской Борис Александрович // ttp:// www.silver- age. ш/ poets/sadovsk/sadovskbio. html

Галайко В. Многоликий «Янус» // Российские вести. 2003. № 14 (1674). 16 апреля.

Гладков Т.К. С места покушения скрылся. М., 1988.

Григоренко Григорий Федорович // http://glory.rin.ru/cgi- bin/

Дневник Бориса Садовского. Публикация Н. Андреевой // Знамя. 1992. №7.

История советских органов госбезопасности. М., 1977. 640 с.

Канарис Вильгельм //http://www.100top.ru/encyclope- dia/ article

Канарис Фридрих Вильгельм // http://www.hrono.ru/bi- ograf/ bio_k/kanaris.html

Конасов В. В поединке с абвером, или Овладеть Вологдой к концу мая. // http://www.krassever.ru/archiv/2000/25- 01/7.html

Лубянка в дни битвы за Москву // Материалы органов госбезопасности СССР из центрального архива ФСБ России. М., 2002. 480 с.

Мадер Ю. Абвер: щит и меч Третьего рейха. Ростов-на-Дону, 1999. 320 с.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. Т. 3. Кн. 1. М., 2003. 692 с

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. Т. 3. Кн. 2. М., 2003. 700 с.

Очерки истории советской внешней разведки. Т. 4. М., 1999. 696 с.

Погоний Я.Ф. Лубянка против абвера // http://www.fsb.ru/ history/autors/pogoniy-pr.html

Разведка и контрразведка в лицах. Энциклопедический словарь российских спецслужб / Сост. А. Диенко. М., 2002. 608 с.

Сергеев Ф. Тайные операции нацистской разведки; .1933— 1945 годы. М., 1999.416 с.

Сидоров А. С. Андрей Гончаров — книжный график // http:// www.a-goncharov.ru/remember/14.html

Сидоров Алексей Мексеевич // http://www.icp.ac.ru/RAS_1724-1999/CD_PAH/WIN/25/2552.HTM

Судоплатов А.П. Тайная жизнь генерала Судоплатова: Правда и вымысел о моем отце. Кн. 2. М., 1998. 556 с.

Тарасов Д. Большая игра. М., 1993. 36 с.

Березанцева Татьяна // http://www.nashekino.ru/data/persons/2030 l.html

Телицын В.Л. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск, 2000. 384 с.

Чуев С.Т. Спецслужбы Третьего рейха. Кн. 1. СПб., 2003. 383 с.

notes

Примечания

1

Смольный институт благородных девиц — первое в России привилегированное среднее женское учебное заведение закрытого типа. В институт принимались только дочери дворян в возрасте 6 лет, обучавшиеся до 18 лет. Основан в 1764 году в Санкт-Петербурге. Название получил от Воскресенского Смольного женского монастыря, при котором находился. Закрыт после 1917 года.

2

Татьяна Березанцева // http://www.nashekino.ru/data/persons/ 20301.html

3

Разведка и контрразведка в лицах. Энциклопедический словарь российских спецслужб / Автор-сост. А. Диенко. М., 2002. С. 206

4

Разведка и контрразведка в лицах. Энциклопедический словарь российских спецслужб / Автор, сост. А. Диенко. М., 2002. С. 306— 307.

5

Гелен Райнхард — руководитель разведки ФРГ в первые послевоенные годы.

6

Борис Александрович Садовской. Родился в 1881 году в Нижнем Новгороде в семье инспектора Удельной конторы, смотрителя казенных лесов и угодий, принадлежавших Департаменту уделов. (Выйдя в отставку, отец занял пост председателя Нижегородской губернской архивной комиссии.) Учился в Нижегородской гимназии, которую с трудом окончил — при всех его способностях систематические занятия ему не давались. С 1902 по 1911 год учился в Московском университете, где был обеспечен «…досуг для художественного труда и не дал стать ни вьючным животным, ни коптителем небес». Дневник Бориса Садовского. Публикация Н. Андреевой // Знамя. 1992. № 7. С. 178.

Борис Александрович Садовской
http://www.silverage.ru/poets/sadovsk/sadovsk_bio.html

НН — наружное наблюдение. Устанавливалось органами НКВД за интересующими их лицами.

9

Агент «Старый» — Алексей Алексеевич Сидоров — бывший дворянин, сын помещика, расстрелянного в 1919 году Харьковским губчека, профессор, доктор искусствоведческих наук, беспартийный, с органами ОГПУ—НКВД сотрудничает с 1928 года, характеризуется положительно. Пользуется доверием Садовского. Сидоров Алексей Алексеевич («Старый») родился 13 июля 1891 года в селе Николаевка Путивльского уезда Курской губерни. Окончил Московский университет в 1913 году и продолжил специальное образование в Италии, Австрии и Германии. Заведовал гравюрным кабинетом Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина с 1927 по 1936 год. Преподавал в университете и художественных вузах Москвы. Создал учебный курс «История оформления русской книги». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1943 года за активное участие в операции «Монастырь» награжден орденом «Знак Почета». Автор ряда научных изданий и монографий о крупнейших мастерах графики и книги. В 1946 году избран членом-корреспондентом Академии наук СССР (по Отделению истории и философии (история искусств)). В 1947 году присвоено звание «заслуженный деятель искусств России». Умер 30 июня 1978 года в Москве.

10

Наркомат государственной безопасности СССР (НКГБ) — создан в феврале 1941 года, в июле 1941 года реорганизован в НКВД. В 1943 году создан вновь. С 1946 года Министерство Государственной безопасности СССР (МГБ). В 1953 году МГБ СССР было слито с МВД СССР под общим названием МВД СССР.

11

Очень хорошо! (нем.)

12

«Смерш» — «Смерть шпионам».

13

Наум Исаакович Эйтингон (Котов Леонид Александрович). Родился в 1891 году в городе Школве (Беларусь).

С 1919 года заместитель председателя гомельского ЧК. С 1921 по 1925 год учеба в Военной академии Генштаба РККА. С 1925 года по июнь 1941 года на работе во внешней разведке: командировки в Китай, Турцию, Испанию, Францию. Участвовал и руководил несколькими спецоперациями. Например, «Утка» (ликвидация Л.Д. Троцкого).

С 1942 по 1946 год — заместитель начальника Четвертого управления НКВД. Разведка и контрразведка в лицах. Энциклопедический словарь российских спецслужб / Автор-сост. А. Диенко. М., 2002. С. 565-566.

14

Шерхорн не знал о конечной цели операции «Березино».

15

«Георг» — Дост Вилли, 1918 года рождения, уроженец города Бранденбурга, ефрейтор немецкой армии. В плен сдался добровольно, еще во время боев под Смоленском. На вербовку пошел с большой охотой. Находясь в лагере для военнопленных, использовался нашими органами для выявления нацистов. Зарекомендовал себя положительно.

Семья — жена и двое детей, проживают в Цоссенском районе Германии. Жена работает на трикотажной фабрике, сочувствует коммунистам. Сам «Георг» работал слесарем-инструментальшиком на той же фабрике в Цоссене. Давно находясь в советском плену, «Георг» немного овладел азами русского языка.

16

Справка на агента «Георг»: агент «Георг» обладает солидной внешностью, довольно начитан, пользуется авторитетом у других военнопленных, находящихся в нашем плену с начала военных действий с Германией.

Справка на агента «Вальтер»: «Вальтер» — Циклер Клаус, 1921 года рождения, уроженец города Любек, военнопленный, капитан немецкой армии, взят в плен под Сталинградом. До войны работал преподавателем математики в гимназии в городе Гамбурге. На вербовку пошел охотно. Как агент зарекомендовал себя хорошо. Проверен на ряде оперативных мероприятий. Убежден в том, что Гитлер проиграл войну, едва начав ее. Постоянно вспоминает слова Бисмарка о том, что «горе тому, кто поссорит нас с Россией».

Справка на агента «Жак»: «Жак» — Мюллер Вальтер, 1917 года рождения, лейтенант германской армии, родился в Кельне. Имеет музыкальное образование. До войны работал в симфоническом оркестре Кельна. Во время войны служил в должности адъютанта командира 530-го пехотною полка. В плен взят под Воронежем. На вербовку пошел добровольно. Свой псевдоним взял в память о дирижере Кельнского симфонического оркестра, о котором сохранил хорошую память. За время работы с органами государственной безопасности зарекомендовал себя положительно.

17

«Арадо-332» — транспортный десантный моноплан, специально сконструированный для абвера по заданию Главного управления имперской безопасности. Имел высокий воздушный потолок и небольшой разбег, достигавшийся благодаря вездеходному шасси, смонтированному из 20 гуттаперчевых колес. На вооружение вермахта поступил в 1943 году.

18

Орден Железный крест — высшая награда за личную храбрость в бою. После первоначального учреждения в 1813 году учреждался еще трижды: в 1870, 1914 и 1939 гг. Награждение проводилось, как правило, последовательно — от Железного креста второго класса к Рыцарскому кресту (орден с золотыми листьями, мечами и бриллиантами).

19

Судоплатов А. Жизнь генерала Судоплатова. Современник, ОЛМА-пресс, 1998. Т. 1-2. С. 134-140.

Гладков Т.К. С места покушения скрылся. М.: Гея, 1988. С. 61.

21

Судоплатов П. Разведка и Кремль. М.: Гея, 1996. С. 192— 198.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. М.: Гея, 1996.

23

ИНО — иностранный отдел.

24

Канарис Фридрих Вильгельм http://www.hrono.ru/biograf/biok/kanaris.html; Канарис Вильгельм http://www.100top.ru/encyclopedia/article/articleid=1874; Мадер Ю. Абвер: щит и меч Третьего рейха. Ростов-на-Дону. 1999. С. 320.

25

Телицын В.Л. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск, 2000. С. 34.

26

Сергеев Ф. Тайные операции нацистской разведки. 1933—1945 г. М., 1999. С. 288-289.

27

Телицын В.Л. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск, 2000. С. 34.

28

Судоплатов А.П. Тайная жизнь генерала Судоплатова: Правда и вымысел о моем отце: В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 86—87.

История советских органов госбезопасности. М., 1977. С. 380.

30

Там же. С. 381.

31

Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха. Кн. I. СПб., 2003. С. 13.

32

Мадер Ю. Абвер: щит и меч Третьего рейха. Ростов-на-Дону. 1999. С. 146-147.

Тарасов Д. Большая игра. М., 1993. С. 3—4.

История советских органов госбезопасности. М., 1977. С. 381.

Тарасов Д. Большая игра. М., 1993. С. 7.

Телицын В.Л. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск, 2000. С. 34.

История советских органов госбезопасности. М., 1977. С. 381.

38

Сергеев Ф. Тайные операции нацистской разведки. 1933-1945 годы. М., 1999. С. 244.

39

История советских органов госбезопасности. М., 1977. С. 364 — 365.

Судоплатов А.П. Тайная жизнь генерала Судоплатова: правда и вымысел о моем отце: В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 87—88.

Тарасов Д. Большая игра. М., 1993. С. 5—6.

42

Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха. Кн. 1. СПб., 2003 С. 85-86.

КонасовВ. В поединке с абвером, или Овладеть Вологдой к концу мая // http://www.krassever.ru/archiv/2000/25-01/ 7.html

Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха. Кн. 1. СПб., 2003. С. 184.

Телицын В.Л. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск, 2000. С. 142-144.

Телицын В.Л. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск, 2000. С. 144-150.

47

Чуев С.Г Спецслужбы Третьего рейха. Кн. 1. СПб., 2003. С. 184.

Телицын В.Л. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск. 2000. С. 138-142.

Тарасов Д. Большая игра. М., 1993. С. 9—10.

Там же. С. 6—7.

Телицын В.Л. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск, 2000. С. 89-108.

Там же. С. 108-114.

История советских органов госбезопасности. М., 1977. С. 381.

Телицын В.Л. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск, 2000. С. 54-56.

История советских органов госбезопасности. М., 1977. С. 365.

Тарасов Д. Большая игра. М., 1993. С. 11 — 16.

Авдеев С. Радиоигру завершаем // Северный курьер. 1999. № 102 (23399). 8 мая.

Телицын В.Л. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск, 2000. С. 56-57.

ПогонийЯ.Ф. Лубянка против абвера // http://www.fsb.ru/his, — tory/autors/pogoniy-pr.html

Телицын В.Л. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск, 2000. С. 128-135.

Погоний Я.Ф. Лубянка против абвера// http://www.fsb.ru/history/autors/pogoniy-pr.html

Тарасов Д. Большая игра. М., 1993. С. 17—22.

Телицын В.Л. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск, 2000. С. 121-128.

История советских органов госбезопасности. М, 1977. С. 382.

Григоренко Григорий Федорович // http://glory.rin.ru/cgi-bin/person

Телицын В.Л, «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск, 2000. С. 85-87.

История советских органов госбезопасности. М., 1977. С. 364.

Сергеев Ф. Тайные операции нацистской разведки. 1933—1945 год. М., 1999. С. 246.

Телицын В.Л. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск. 2000. С. 151-158.

Тарасов Д. Большая игра. М., 1993. С. 25—28.

Тарасов Д. Большая игра. М. 1993. С. 29—33.

Телицын В.Л. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск, 2000. С. 71-73.

Телицын В.Л. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск, 2000. С. 158-163.

Там же. С. 197-200.

Телицын В.Л. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск, 2000. С. 173-177.

Телицын В.Л. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск, 2000. С. 59-69.

Там же. С. 73—75.

Там же. С. 177-179.

Телицын В.Л. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск, 2000. С. 34.

Галайко В. Многоликий «Янус»//Российские вести. 2003. № 14(1674). 16-22 апреля.

Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха. Кн. 1. СПб., 2003. С. 76.

Галайко В. Многоликий «Янус»//Российские вести. 2003. № 14(1674). 16-22 апреля

83

Телицын В.Л. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск, 2000. С. 183-173.

История советских органов госбезопасности. М., 1977. С. 366.

ПогонийЯ.Ф. Лубянка против абвера // http://www.fsb.ru/his — tory/autors/pogoniy-pr.html

История советских органов госбезопасности. М., 1977. С. 366.

Телицын В.Л. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск, 2000. С. 189-197.

История советских органов госбезопасности. М., 1977. С. 364 — 365.

Тарасов Д. Большая игра. М., 1993. С. 33—35.

Сергеев Ф. Тайные операции нацистской разведки. 1933—1945 годы. М., 1999. С. 246.

91

Телицын В.Л. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск, 2000. С. 179-180.

Там же. С. 180-189.

Там же. С. 217-219.

Телицын В.Л. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск, 2000. С. 200-202.

Там же. С. 204-207.

Телицын В.Л. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск, 2000. С. 202—204.

История советских органов госбезопасности. М., 1977. С. 366.

Телицын В.Л. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск, 2000. С. 216-217.

Телицын В.Л. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск, 2000. С. 214-216.

100

Сергеев Ф. Тайные операции нацистской разведки. 1933—1945 годы. М., 1999. С. 247-255.

101

Телицын В.Л. «Смерш»: операции и исполнители. Смоленск, 2000. С. 41.

102

Лубянка в дни битвы за Москву: материалы органов госбезопасности СССР из центрального архива ФСБ России. М., 2002. С. 122-123.

Погоний Я.Ф. Лубянка против абвера
http://www.fsb.ru/history/autors/pogoniy-pr.htm